

ISSN 2073-6606
e-ISSN 2410-4531

TERRA ECONOMICUS

17
ТОМ

2019

4
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958

До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного университета

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель: Южный федеральный университет

Редакционная коллегия:

Главный редактор

- Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия, volchik@sfedu.ru

Заместитель главного редактора

- Кирдина-Чэндлер С.Г., кандидат экономических наук, доктор социологических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем, Институт экономики РАН, Россия, kirdina777@gmail.com

- Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор, заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации
- Бузгалин А.В., доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
- Валентинов В., PhD в области экономики, Лейбниц институт аграрного развития в странах с переходной экономикой (IAMO), Германия
- Клейнер Г.Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора ЦЭМИ РАН, Россия
- Курбатова М.В., доктор экономических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, Россия
- Латов Ю.В., кандидат экономических наук, доктор социологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия
- Малкина М.Ю., доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия
- Михалкина Е.В., доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Южный федеральный университет, Россия
- Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия
- Оганесян А.А., выпускающий редактор, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет, Россия
- О'Хара Ф., доктор наук, директор Исследовательской группы по глобальной политической экономике (GPERU), бывший президент Ассоциации эволюционной экономики (AFEE), ко-редактор Форума социальной экономики
- Расков Д.Е., кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра исследования экономической культуры, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
- Стриелковский В., технический редактор, доктор экономических наук, профессор, Пражская бизнес-школа, Чехия, strielkowski@cantab.net
- Ханин Г.И., доктор экономических наук, профессор, научный сотрудник, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия
- Шевченко И.К., доктор экономических наук, профессор, врио ректора, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
- Эллман М.Дж., почетный профессор Амстердамского университета, Нидерланды

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
Тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: info@sfedu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел.: 8 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
http://te.sfedu.ru/
e-mail: te@sfedu.ru

TERRA ECONOMICUS

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

TERRA ECONOMICUS is included into
«The list of the leading scientific journals
and publications under review, where the basic scientific
research results of the theses for academic Degrees
of Doctor and Candidate should be published»
of the Higher Attestation Commission (HAC),
the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Editorial board

Editor-in-Chief

- Vyacheslav Volchik, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Southern Federal University, Russia, volchik@sfedu.ru

Co-Editor-in-Chief

- Svetlana Kirdina-Chandler, Cand. Sci. (Econ.), Doct. Sci. (Sociology), Head of the Department for Evolution of Social and Economic Systems, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences – RAS, Russia, kirdina777@gmail.com
- Marina Borovskaya, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Minister of Science and Higher Education of the Russian Federation
- Alexander Buzgalin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia
- Michael Ellman, Emeritus Professor, Amsterdam University, Netherlands
- Grigoriy Khanin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Research Associate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Siberian Institute of Management, Russia
- Georgy Kleiner, Doct. Sci. (Econ.), Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences – RAS, Deputy Director of CEMI RAS, Russia
- Margarita Kurbatova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Kemerovo State University, Russia
- Yuri Latov, Cand. Sci. (Econ.), Doct. Sci. (Sociology), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Russia
- Marina Malkina, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Russia
- Elena Mikhalkina, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Dean of the Faculty of Economics, Southern Federal University, Russia
- Rustem Nureev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia
- Anna Oganessian, Managing Editor, Cand. Sci. (Econ.), Principal Researcher, Southern Federal University, Russia
- Phil O'Hara, Dr., Director, Global Political Economy Research Unit (GPERU), Past-President, Association for Evolutionary Economics (AFEE), Coeditor, Forum for Social Economics
- Danila Raskov, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Center for the Study of Economic Culture, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, Russia
- Inna Shevchenko, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Interim Rector, Southern Federal University, Rostov-on-don, Russia
- Wadim Strielkowski, Technical Editor, PhD in Economics, Professor, Prague Business School, Czech Republic, strielkowski@cantab.net
- Vladislav Valentinov, PhD in Economics, Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies, (IAMO), Halle (Saale), Germany

The articles assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are available at <http://te.sfedu.ru/avtoram.html>. Articles which do not follow the rules are rejected by the Editorial Board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.

Founder's mailing address:

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: info@sfedu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: + 7 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/en/>
e-mail: te@sfedu.ru

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

Founded: 2003
Quarterly Journal
**Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958**

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Дёрр Д., Ковальски О., Невский С. И.** Цифровизация и денежный порядок.
Проблемы и перспективы регулирования рынка криптовалют 6
- Дементьев В. Е., Евсюков С. Г., Устюжанина Е. В.** Отношения
реципрочности на формирующихся рынках сетевых благ 23
- Шмаков А. В.** Кодекс ритуального поведения в контексте цифровой
трансформации экономики 41

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- Расков Д. Е.** Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века 62
- Чаплыгина И. Г.** Камерализм и экономические дисциплины
в Московском университете XVIII века 80
- Дубянский А. Н.** Идеи камерализма в экономической политике
Е. Ф. Канкрина 95

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Попов Г. Г.** Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным
марксизмом (осмысление эволюции советского экономического
развития 1950–1960-х годов) 113

ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

- Орехова С. В., Кислицын Е. В.** Малый бизнес и структурные сдвиги
в промышленности 129

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Михалкина Е. В., Скачкова Л. С., Герасимова О. Я.** Академическая или
неакадемическая карьера: какой выбор делают аспиранты
федеральных университетов? 148
- Самайбекова З., Масуд З. С. С., Молчанова А., Рыбакова А.** Управление
интеллектуальным потенциалом в системе высшего образования 174

CONTEMPORARY ECONOMICS

- Dörr J., Kowalski O., Nevskiy S. I.** Digitalization and monetary order:
Problems and prospects of cryptocurrency market regulation 6
- Dementiev V. E., Evsukov S. G., Ustyuzhanina E. V.** Reciprocity in
emerging markets for network goods 23
- Shmakov A. V.** Code of ritual behavior in the context of digital
transformation of economy 41

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT

- Raskov D. E.** Cameralism of books: Justi's translations in
the eighteenth-century Russia 62
- Chaplygina I. G.** Cameralism and economic disciplines in
the eighteenth-century Moscow University 80
- Dubyansky A. N.** Ideas of cameralism in economic policy of Cancrin 95

ECONOMIC HISTORY

- Popov G. G.** Between the liberalization of communism and orthodox
Marxism (understanding evolution of Soviet economic development
in the 1950s and 1960s) 113

ISSUES IN THE INDUSTRIAL ORGANIZATION

- Orekhova S. V., Kislitsyn E. V.** Small business and structural changes
in industry 129

EDUCATIONAL ISSUES

- Mikhalkina E. V., Skachkova L. S., Gerasimova O. Y.** Academic or
non-academic career: What choice do graduates of federal universities
make? 148
- Samaibekova Z., Zaid S. S. M., Molchanova A., Rybakova A.** Managing
the intellectual potential in the higher education system 174

Terra Economicus, 2019, 17(4), 6-22
DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-6-22

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ДЕНЕЖНЫЙ ПОРЯДОК. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА КРИПТОВАЛЮТ¹

Джулиан ДЁРР,

кандидат философских наук,
эксперт по вопросам цифровизации,
Германская ассоциация семейных предприятий
DIE FAMILIENUNTERNEHMER e.V.,
г. Берлин, Германия,
e-mail: jdoerr1@uni-bonn.de;

Олаф КОВАЛЬСКИ,

магистр юридических наук,
научный сотрудник и координатор,
Исследовательский центр изучения нормативных основ общества,
Институт публичного права факультета конституционного права,
Боннский университет,
г. Бонн, Германия,
e-mail: olafkowalski@uni-bonn.de;

Сергей Игоревич НЕВСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,
e-mail: nevskij@econ.msu.ru

Цитирование: Дёрр, Д., Ковальски, О., Невский, С. И. (2019). Цифровизация и денежный порядок. Проблемы и перспективы регулирования рынка криптовалют // *Terra Economicus*, 17(4), 6–22. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-6-22

Со времени изобретения Сатоши Накамото в 2008 г. знаменитого биткоина – как реакции на кризис мировой финансовой системы – дискуссии о теоретическом и прикладном значении новых инновационных, децентрализованных и частных денег – «цифровых валют» – проделали немалый путь. Прорывная технология блокчейн и перспективы ее применения привлекают все большее внимание специалистов и широкой публики, ассоциируясь с формированием принципиально новых контуров глобально интегрированной и высокотехнологичной цифровой экономической системы. При этом идея самого биткоина скорее вызывает настороженную реакцию и опасения, прежде всего со стороны правительств и регуляторных органов, которые усматривают в распространении криптографических валют вызов традиционным институтам монетарного порядка, в том числе государственной монополии на деньги. Авторы статьи размышляют о проблемах регулирования рынка криптовалют в контексте данного общественного дискурса, происходящего на фоне нарастающего недовольства в отношении традиционных

---

¹ В данную статью частично вошли материалы публикации: (Dörr, Kowalski, 2018a).

институтов денежно-кредитной и финансовой системы. Продемонстрированы официальные позиции финансовых властей относительно развития «криптовалютной индустрии», представлен европейский – в частности германский – опыт нормативно-правовой регламентации сферы обращения криптовалют. Отмечается, что в отличие от ряда зарубежных государств, в которых уже сформированы определенные подходы к гражданско-правовой интерпретации и выработке адаптированных норм и правил взаимодействия с криптовалютами, в России до сих пор отсутствует какая-либо правовая дефиниция, а также четкое законодательное регулирование криптовалют. Осторожная позиция российских регуляторов определяется необходимостью более тщательного изучения экономической и юридической природы частных цифровых средств платежа, с тем чтобы предотвратить риски финансовых потерь для потребителей и исключить возможные угрозы нарушения стабильности финансово-экономической системы в целом. Обращение к позднему наследию Фридриха Августа фон Хайека, в частности его идеям относительно денационализации денежных систем, поможет лучше прояснить потенциальную динамику данной ситуации.

Ключевые слова: цифровизация; децентрализация; денежный порядок; государственная монополия на деньги; Фридрих Август фон Хайек; законодательное регулирование рынка криптовалют

DIGITALIZATION AND MONETARY ORDER: PROBLEMS AND PROSPECTS OF CRYPTOCURRENCY MARKET REGULATION

Julian DÖRR,

PhD, Officer for Digitalization,
German Association of Family Owned Enterprises
DIE FAMILIENUNTERNEHMER e.V.,
Berlin, Germany,
e-mail: jdoerr1@uni-bonn.de;

Olaf KOWALSKI,

Mag. iur., Researcher and Coordinator,
Research Center on Normative Foundations of Society,
Institute of Public Law – Department of Constitutional Law,
University of Bonn,
Bonn, Germany,
e-mail: olafkowalski@uni-bonn.de;

Sergey I. NEVSKIY,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: nevskij@econ.msu.ru

Citation: Dörr, J., Kowalski, O., Nevskiy, S. I. (2019). Digitalization and monetary order: problems and prospects of cryptocurrency market regulation. *Terra Economicus*, 17(4), 6–22. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-6-22

Since Satoshi Nakamoto's invention of Bitcoin in 2008, as a reaction to the global financial crisis, discussions about the theoretical and applied value of the innovative

decentralized and private money – «cryptocurrencies» – have come a long way. The breakthrough blockchain technology and the prospects for its application attract more and more attention of specialists and the general public, associated with the formation of fundamentally new outlines of a globally integrated and high-tech digital economic system. At the same time, the idea of Bitcoin itself is more likely to cause cautious reactions and fears, primarily from governments and regulatory authorities, which see the spread of cryptographic currencies as a challenge to traditional monetary institutions, including the state monopoly on money. The authors of the article reflect on the problems of cryptocurrency market regulation in the context of this public discourse, which is taking place against the background of growing discontent with respect to the traditional institutions of the monetary and financial system. The official positions of the financial authorities on the development of the «cryptocurrency industry» are discussed. The European – namely, German – experience of regulation of the sphere of cryptocurrency circulation is presented. It is noted that Russian experience differs from that of a number of foreign countries, in which certain approaches to civil law interpretation and the development of adapted norms and rules for interacting with cryptocurrencies have already been formed. Russia still lacks any legal definition as well as clear legislative regulation of cryptocurrencies. The cautious position of Russian regulators is determined by the need for a more thorough study of the economic and legal nature of private digital means of payment in order to prevent risks of financial losses for consumers and eliminate possible threats to the stability of the financial and economic system as a whole. An appeal to the late legacy of Friedrich August von Hayek and his ideas regarding the denationalization of monetary systems will help to clarify the potential dynamics of this situation.

Keywords: digitalization; decentralization; monetary order; state monopoly on money; Friedrich August von Hayek; legislative regulation of the cryptocurrency market

JEL classifications: E59, F01, G28, G35, K39

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий (цифровизация) все глубже проникает в самые разнообразные сферы экономики, преобразуя облик повседневной жизни человека и оказывая необратимое влияние на трансформацию социально-экономических систем. Цифровизация не только кардинально изменяет фундаментальные основы современной экономики; она также неизбежно выступает в качестве катализатора процесса интернационализации. По мере ускорения и расширения коммуникационных потоков посредством цифровых средств передачи информации быстрыми темпами растут глобальные сети и глобальный обмен данными. Заметное воздействие эти беспрецедентные процессы изменений оказывают и на такую институцию, как деньги, существование которых является важным условием функционирования дифференцированных обществ, а в социологической теории систем Никласа Лумана (Luhmann, 2017: 230ff.) – центральным звеном коммуникации в экономической подсистеме. Особенно появление «криптовалют» – частных и глобально обращающихся средств платежа – все чаще вызывает опасения о возможном крахе существующего монетарного порядка с последующей перспективой «денационализации» денег (Науек, 1976/2011). Впрочем, пока еще открытым остается вопрос: насколько в случае криптовалют вообще уместно говорить о деньгах, которым Гюнтер Шмёльдерс дал универсальное определение – «документально зафиксированный эквивалент стоимости общепринятого

действия» (Schmölders, 1962: 18)². Очевидно, что появление новых альтернативных – цифровых – средств платежа может стать вызовом и для централизованных финансовых учреждений, и для правительств государств, поскольку это угрожает ограничить их регулирующие монетарно-политические функции и подорвать фактически основу их могущества и власти.

«Лучшие» деньги как ответ на дисфункциональный денежный порядок

Нередко криптовалюты рассматриваются как путь к формированию альтернативного денежного порядка – такой формы организации системы денежного обращения, которая позволит создать «лучшие деньги», более эффективные, более прозрачные и, прежде всего, защищенные от злоупотреблений со стороны государства. В Европе все больше нарастает недовольство состоянием существующего монетарного порядка, и это недовольство выражается в фундаментальной критике. Данная критика направлена не только против денежно-кредитной политики Европейского центрального банка (ЕЦБ), который упрекают в наращивании властных функций в результате «скрытого госфинансирования»³ и постепенного расширения своих компетенций, но и против денежно-кредитной и финансовой системы в целом (Mason, 2016). В этой связи может показаться неслучайным, что «биткоин» (*bitcoin*) был создан изобретателем под псевдонимом Сатоши Накамото⁴ именно тогда, когда в 2008 г. разразился кризис финансового рынка и мировой экономики (Nakamoto, 2008). В основе этой критики находится сама функциональная логика «традиционной» денежной системы. Так, как известно, наряду с деньгами государственного центрального банка, которые доступны гражданину в форме денежной наличности, существует система частных коммерческих банков, которые также участвуют в создании наличных денег на счетах как путем привлечения средств на депозиты предприятий и индивидуальных вкладчиков, так и посредством выдачи кредитов. Тем самым банки могут сверх своих обязательных резервов производить деньги «из ничего», т.е. без какого-либо реального покрытия (Binswanger, 2015). Именно такой способ создания денег встречает наибольшее противодействие, примером чему может служить недавняя инициатива по созданию «суверен-

² На сегодняшний день все еще отсутствует единая интерпретация понятия «криптовалюта». В разных странах на официальном уровне она определяется либо как «децентрализованная виртуальная валюта» (США), либо как товар, покупка или продажа которого приравнивается «к продаже программного обеспечения или музыки» (Сингапур), или как разновидность «частных денег», которые могут быть использованы для «многосторонних клиринговых операций» (Германия) и т.д. (Бутенко, 2014). Российский экономист Татьяна Валова определяет криптовалюты как «разновидность электронных денег, то есть цифровой валюты, которая защищена криптографическим кодом, не имеет централизованного эмитента, а также доступна любым желающим для эмиссии с использованием компьютерных мощностей, имеющихся у них» (Валова, 2018: 9). В законопроекте «О цифровых финансовых активах», опубликованном на сайте Министерства финансов России в январе 2018 г., криптовалюта определялась как «цифровой финансовый актив, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций». Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» // Минфин России. Документ от 25.01.2018. (https://www.minfin.ru/ru/document/%3Fid_4%3D121810).

³ Речь идет о выкупе ЕЦБ (на вторичном рынке) государственных облигаций стран Евросоюза с целью защиты их бюджетов от трудностей рефинансирования и стабилизации национальных экономик еврозоны. В отличие от политики «количественного смягчения» (*Quantitative Easing*) национальных центральных банков, денежное финансирование ЕЦБ государственных долгов европейских стран, которые испытывают затруднения, связано с внесением риска платежеспособности в собственный баланс. Критики этих действий видят в них нарушение запрета на бюджетное финансирование, усматривая в них выходящее за рамки полномочий ЕЦБ вмешательство в экономическую политику «через черный ход». Прямое госфинансирование ЕЦБ официально запрещено правилами валютного союза, закрепленными в ст. 123 Договора о функционировании Европейского союза и в ст. 21 Устава ЕЦБ. Подробнее см., например: (Саррацин, 2015: 178 и далее; Meyer, 2019). Между тем в декабре 2018 г. Европейский конституционный суд установил, что «ЕЦБ своей массовой скупкой гособлигаций не нарушает запрета на государственное финансирование» (Tagesschau, 2018).

⁴ Создатель биткоина Сатоши Накамото (*Satoshi Nakamoto*), очевидно, не является конкретной личностью. По одной из версий, это псевдоним, используемый человеком или группой людей – разработчиков биткоина. Подробнее об истории возникновения и развития биткоина см., например: (Винья, Кейси, 2017; Kufner, 2018).

ных денег» в Швейцарии⁵. Рискованное кредитование, с одной стороны, и политизация центральных банков (которые, по идее, должны быть независимыми) – с другой, рассматриваются в качестве главного препятствия на пути создания стабильной и устойчивой в период кризисов валюты.

Хайек и государственная монополия на деньги

Важным условием существования «традиционной» денежной системы является монопольное положение центральных банков; ведь и «частное производство» денег путем аккумуляции средств на наличных денежных счетах (все еще) котируется в государственных валютных единицах, а также подлежит верховному надзору, функция которого в рамках Европейского банковского союза (ЕБС)⁶ опять же частично входит в компетенцию ЕЦБ.

Несмотря на в целом отрицательное отношение к монополиям во всех иных областях экономики, поскольку они ограничивают конкуренцию и закрепляют доминирующее положение на рынке, монопольная роль государства в денежном обеспечении практически не подлежит сомнению. Такой негласный консенсус может показаться примечательным особенно на фоне широко ведущихся – в частности, в Германии – дискуссий о необходимости приватизации в различных сферах экономики, начиная с эксплуатации автобанов или больниц и заканчивая системой образования. С экономической точки зрения исключительное положение государства в сфере денежного обращения часто обосновывается сбоем рыночного механизма: деньги рассматриваются как общественное благо, из пользования которым никто не может быть исключен, при этом ни один частный субъект, как правило, не может предоставить это благо, поскольку не способен обеспечить исполнение обязательств по нему. Именно ввиду отказа рыночного механизма в этой сфере данную функцию принимает на себя государство и передает ее центральным банкам, которые, помимо этого, выполняют ряд других задач (например, по рефинансированию проблемных банков и проч.) (Basse, 2003; Seiche, 1997; Friedman, 1960).

Впрочем, государственная монополия на деньги не является абсолютно неоспоримой. Пожалуй, одно из наиболее авторитетных суждений о возможности приватизации денег выдвинул в 1976 г. Фридрих Август фон Хайек. Именно в государственной монополии на эмиссию и контроле над деньгами классик экономической науки видел непосредственный источник всех проблем в области монетарного порядка. «История денег – по мысли Хайека – по большей части есть история инфляции, организуемой правительствами» (Науек, 1976/2011: 151), ведь политизация денежного обращения формирует стимулы к созданию денег, прежде всего, для покрытия расходов государства. И действительно, в середине 1970-х гг. с распадом Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов и золотого обеспечения валют по всему миру наблюдались предельно высокие темпы инфляции. Поскольку для людей важна в первую очередь стабильность цен, Хайек выступал за конкуренцию валют и полагался в этой связи на дисциплинирующее воздействие рынка. Свою позицию он подкреплял убеждением, что пользователь денег всегда предпочтет более стабильную валюту менее стабильной. Чтобы создать условия для конкуренции за лучшую валюту, необходимо лишить центральные банки монополии на эмиссию банкнот и допустить к обороту

⁵ Странники инициативы за суверенные деньги (нем. – *Vollgeld*) выступали за введение запрета на создание швейцарскими коммерческими банками денег «из воздуха», т.е. посредством превращения кредитов в балансовые активы и создания депозитов. По мнению инициаторов этой реформы, только Центральный банк Швейцарии может иметь исключительное право на создание денег, а частные коммерческие банки должны быть ограничены лишь управлением суверенными денежными счетами, на 100% покрываемыми национальным банком. Инициатива была отклонена в результате референдума 10 июня 2018 г., на котором три четверти (из 33,8%) проголосовавших швейцарцев высказались против. Подробнее см.: (<https://www.vollgeld-initiative.ch/>).

⁶ Европейский банковский союз (*European Banking Union*) с 2014 г. (под эгидой ЕЦБ) реализует единый механизм надзора за важнейшими кредитными организациями, а также единый механизм санации и реструктуризации проблемных банков стран Европейского союза. Подробнее о ЕБС см., например: (Kerber, 2014; Schüller, 2015).

конкурирующие валюты. Такое положение вещей имеет исторические прецеденты. Так, еще в XVIII–XIX вв. в Англии и Шотландии наряду с государственными денежными единицами в обороте циркулировали также частные (Collins, 1988). Из этого следует, что монополизация денежной системы является относительно недавним изобретением, и в данном случае речь идет не о процессе самопроизвольного развития, а скорее, об акте осознанного политического действия.

Возврат к Хайеку?

Появление частных цифровых валют можно интерпретировать как возврат к Хайеку: в его теории, как и в современной цифровой практике, параллельно существуют различные валюты, и центральные банки фактически утрачивают свое значение в платежном обороте. В самом крайнем случае они становятся вовсе излишними: по Хайеку – по мере того как конкурирующие валюты вытесняют с рынка денежные знаки центрального банка, а в случае криптовалют – ввиду того что они сами генерируются ограничивающим денежную массу компьютерным алгоритмом, а платежи производятся без участия посредника и централизованной инстанции⁷.

Однако в отличие от ситуации 40-летней давности, когда Хайек обосновывал идею о «денационализации денег», которая так и не вышла за пределы академической интеллектуальной мысли, сегодня технические препятствия на пути конкуренции валют в известной степени устранены благодаря цифровизации. Цифровая инфраструктура позволяет осуществлять эмиссию и предложение цифровых валют на глобальном уровне без каких-либо значительных затрат, примером чему могут служить несколько тысяч разновидностей криптовалют⁸. Социальные условия для перспективы данного развития сегодня также представляются как никогда благоприятными, поскольку наряду с критикой «традиционной» денежной системы и все более широким распространением электронных платежных систем одновременно нарастает и признание новых форм денежных средств (Deutsche Bundesbank, 2018a). Как и в 1970-е гг., когда высокие темпы инфляции заставили задуматься о реформировании денежного порядка, современные дискуссии также могли бы задать импульс соответствующим преобразованиям, которые взломали бы культурные модели – например, представление о непреложности монополии на деньги. Так или иначе, независимо от оценок рисков, связанных с использованием цифровых валют, или от реакции финансовых и политических властей, криптовалюты уже являются неоспоримым фактом и предоставляют пользователям возможность совершать платежи вне государственного регулирования – пусть даже (пока еще) лишь в очень ограниченном объеме и в основном при проведении транзакций в интернете⁹. Если Хайек сформулировал «мечту», что государства пожелают отказаться от своей монополии на деньги, то благодаря технологическим процессам может произойти вполне реальная денационализация денег «через заднюю дверь». Такая приватизация денег вписывается в общую картину «калифорнийского либерализма»,

⁷ Важнейшей отличительной особенностью сети Биткоин является то, что она не имеет какого-либо собственника, централизованного регулятора или политического контролера. Принцип функционирования системы (построенной на основе технологий пирингового (однорангового) обмена данными (*peer-to-peer*) и программного обеспечения (криптографической системы) с открытым исходным кодом) не позволяет блокировать к ней доступ ни частным лицам, ни правительствам, ни каким-либо иным властным структурам. Система является нейтральной, поскольку не требует от участников транзакций идентификации их личности, и никого не принуждает к использованию или отказу от использования криптовалюты. Вероятно, идея технологии биткоина может представлять собой достаточно могущественный инструмент, способный подорвать монополию на производство денег банками и государствами (Soeteman, 2019: 32f.). О технических особенностях сети Биткоин см., например: (Равал, 2017). О концепции блокчейна, а также философии биткоина и других виртуальных платежных систем см.: (Свон, 2015; Ammous, 2018).

⁸ См., например, сайт ведущего информационного ресурса рынка криптовалют *Coinmarketcap*: (<https://coinmarketcap.com>).

⁹ Так, с помощью биткоина сегодня можно расплатиться в нескольких сотнях тысяч онлайн-магазинов и в нескольких тысячах магазинов в «реальном мире». При этом более широкое распространение криптовалюты пока что ограничено техническими возможностями, прежде всего скоростью обработки транзакций. Так, если в системе Биткоин сегодня технически возможно произвести лишь около пяти транзакций в секунду, то международные платежные системы, такие как *Visa* или *Mastercard*, позволяют обрабатывать до нескольких тысяч платежей в секунду (Koenig, 2019: 24f.).

который видит решение всех социальных проблем исключительно в технологическом развитии и дерегулировании (Dörr, Kowalski, 2018b).

Цифровизация и система гражданского права

Что касается потенциала государственного регулирования процессов инновационного развития в области цифровизации, то относительно криптовалют здесь можно наблюдать уже знакомую нам ситуацию. Прорывные стартап-компании стремятся вырваться вперед методом «проб и ошибок», за чем следует нормативно-правовая реакция властей, которая, однако, может вызвать преждевременное подавление нововведения. Поэтому регуляторным органам необходимо осторожно маневрировать, чтобы опрометчиво не уничтожить инновацию¹⁰, и одновременно выработать действенные способы предотвращения угроз «со стороны глобальной, анонимной, неинституционализованной и нерегулируемой среды обращения криптовалют» (Горда и др., 2019: 11).

С юридической точки зрения функционирование «криптовалютной индустрии» связано с необходимостью решения двойной проблемы. Первый аспект этой проблемы затрагивает область гражданского права и обусловлен самим фактом заключения контрактов, в которых средством платежа выступают биткоин, эфириум, лайткоин, риппл или какая-либо иная альтернатива традиционным деньгам. Как этим повседневным деловым процессам придать законно-правовую форму? Второй аспект проблемы лежит в плоскости публичного права и касается самого определения «криптовалюты», которое является если не провокационным, то достаточно серьезным вызовом в отношении как государственной монополии на деньги, так и механизмов ее управления и ее институциональных субъектов, прежде всего центральных банков. Неслучайно президент немецкого федерального банка Йенс Вайдман в последнее время решительно избегает употребления названия «валюта» применительно к *криптокотенам* (англ. – цифровым знакам) и их цифровым конкурентам (Deutsche Bundesbank, 2018b).

Гражданско-правовая поддержка повседневного использования новых цифровых способов платежей – не только криптовалют, но и бесконтактных *NFC*-технологий¹¹ или системы *PayPal* – в ведущих странах Запада пока осуществляется довольно хорошо. В частности, в Германии гражданское право и без того испытывает постоянное структурное давление в своем стремлении как можно лучше соответствовать фактическим хозяйственным процессам, с тем чтобы гарантировать им надлежащую защиту. С немецкой конституционно-правовой системой, с постулируемым ей идеалом действующего независимо, приватно и, главным образом, исходя из своих собственных экономических интересов гражданина, вполне соотносится тот факт, что частная инициатива на рынке имеет опережающее действие и потребители открывают новые возможности в своих договорных отношениях – рынок как «процесс открытия» находит свое отражение в либеральной концепции ответственного перед самим собой индивида, который защищен законом в своих основных правах.

Даже Гражданский кодекс ФРГ (ГК)¹² с его высокой степенью абстракции и потенциалом типизации предлагает более или менее приемлемые, технологически ней-

¹⁰ Примером применения такой «регуляторной эквилибристики» могут служить бизнес-модели «долевой экономики» (*sharing economy* – также часто используется термин «экономика совместного использования»). Подробнее см., например: (Dörr, Goldschmidt, Schorkopf, 2018).

¹¹ *Near Field Communication* (дословно – «коммуникация ближнего поля») – технология беспроводной передачи данных, позволяющая обмениваться данными между устройствами, находящимися на расстоянии около 4 см. Применяется в основном в мобильных телефонах и планшетных компьютерах, в том числе для осуществления бесконтактных платежей.

¹² Германское гражданское уложение (нем. – *Bürgerliches Gesetzbuch/BGB*) – крупнейший и основополагающий закон Германии, регулирующий гражданские правоотношения; было разработано и принято еще в конце XIX в. (впервые опубликовано в 1896 г.). Уложение состоит из 5 книг (общая часть, обязательственное право, вещное право, семейное право и наследственное право) и более 2 тыс. статей (параграфов) и действует с изменениями и дополнениями вплоть до сегодняшних дней. Подробнее о немецкой правовой системе см., например: (Жалинский, Рёрихт, 2001).

тральные формы, в которые также вписываются и договоры с применением криптовалют. Исполнение обязательств в договорно-правовых отношениях, как известно, вытекает из достигнутого индивидуального соглашения сторон, которые стремятся типизировано следовать закону и увязывают с этим соответствующие правовые последствия. Так, ориентированный на передачу собственности акт обмена «вещь в обмен на деньги» традиционно подпадает под категорию договора купли-продажи (статья № 433 ГК), тогда как сделка «вещь в обмен на вещь» нормативно является договором мены (статья № 480 ГК), к которой, впрочем, также применимо и право купли-продажи. В конце концов, с функциональной точки зрения для гражданского права – выходя за рамки догматических деталей – не так уж и важна квалификация криптовалют как «денег»: деньги – это то, что фактически функционирует, и именно так это должно быть догматически отражено в гражданском праве (Omlor, 2017).

Реакция субъектов «традиционной» денежной системы

Нормативные барьеры же скорее устанавливает публичное право, конституционно мотивированной задачей которого является государственное регулирование экономических процессов с целью предотвращения угроз для гражданина. Криптовалюты, которые функционируют не только на принципиально иной – цифровой, децентрализованной, но и совершенно неподконтрольной верховному надзору, или, говоря юридическим языком, частноправовой основе, начинают формировать экономические процессы вне государственного контроля, и тем более – за рамками национального правопорядка. Именно в этом заключается их преимущество, и в этом они сходятся с недоверием Хайека по отношению к манипулятивному вмешательству государства в денежный порядок: сделки с криптовалютами могут совершаться децентрализованно и свободно, прозрачно и безопасно, эффективно и глобально. К чему государство или подконтрольные ему посредники, коммерческие банки, если доверие может быть достигнуто благодаря криптографическим стандартам под надзором широкого круга «краудинвесторов»¹³ на цифровой платформе *Swarm* (Свон, 2015: 32)?

То, что это представляет фундаментальный вызов для традиционных институтов денежной системы, очевидно. И неудивительно, что главные субъекты денежной системы, пусть поначалу неуверенно, но все же распознали признаки новой эпохи. С 2012 г. все чаще стали появляться научные исследования центральных банков и надзорных ведомств – ЕЦБ, Банка международных расчетов, Федерального управления финансового надзора Германии¹⁴ и других, в которых обсуждаются свойства и риски криптовалют, при этом зачастую парадигматически, на примере их родоначальника – биткойна (см., например: Bank for International Settlements, 2015). Со временем прежде осторожные оценки (ввиду незначительных объемов сделок, совершаемых скорее в «маргинальных» сообществах) сменяются все более критическими замечаниями и предостережениями. Нарастающие негативные оценки подкрепляются, как правило, двойной аргументацией. С одной стороны, криптовалюты несут в себе существенные риски как объект финансовых вложений для инвесторов. Так, специалисты Европейской организации по ценным бумагам и рынкам (*ESMA*), Европейской банковской организации (*EBA*) и Европейской организации страхования и пенсионного обеспечения (*EIOPA*) в 2018 г. предупредили потребителей о значительных рисках, связанных с покупкой и/или хранением криптовалют: «Высокая волатильность виртуальных валют, неопределенность относительно их будущего, ненадежность биржевых платформ и

¹³ Краудинвестинг (нем. – *Schwarmfinanzierung*, англ. – *Crowdfunding*; дословно – «инвестирование толпой») – форма коллективных (микро-)инвестиций, позволяющая с помощью специальной платформы в интернете осуществлять вложения в стартап-проекты новых предприятий (с возможностью получения процентов от дохода или доли в акционерном капитале компании). Первые площадки по краудинвестингу появились в США в 2005 г. Подробнее см., например: (Oehler, 2017).

¹⁴ Федеральное управление финансового надзора (нем. – *Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht/BaFin*) было основано в 2002 г. как независимое ведомство Федерального правительства (со штаб-квартирами в Бонне и Франкфурте-на-Майне) с целью осуществления надзора за рынком финансовых услуг в Германии.

провайдеров электронных кошельков делают виртуальные валюты непригодными для большинства обычных потребителей, в том числе для тех, кто желает в них вложиться в краткосрочной перспективе, и особенно для тех, кто стремится к долгосрочным инвестициям, например, в качестве пенсионных сбережений» (European Banking Authority et al., 2018: 2). С другой стороны, в криптовалютах каждый раз оспаривается ключевое свойство денег – способность функционировать как стабильное по стоимости средство для осуществления транзакций (European Central Bank, 2015). В этой связи уже последовали первые надзорно-регулирующие меры, например – запреты и закрытие торговых площадок после нашумевших банкротств бирж криптовалют (в частности, японской *Mt. Gox*). В Германии в 2014 г. Федеральное управление финансового надзора (*BaFin*), руководствуясь Законом о кредитных учреждениях (нем. – *Kreditwesengesetz/KWG*), классифицировало криптовалюты как расчетные единицы, а торговлю ими, соответственно, как деятельность, подлежащую надзору и требующую официального разрешения властей. Впрочем, 25 сентября 2018 г. в рамках судебного разбирательства по уголовному делу, инициированному полутора годами ранее в отношении местного оператора цифровой платформы по торговле биткоинами¹⁵, Берлинский апелляционный суд подверг сомнению подобное определение¹⁶. В своем оправдательном решении высший суд Берлина не только опроверг конституционно-правовые основания категоризации криптовалют, но и не признал биткоин ни расчетной единицей в русле Закона о кредитных учреждениях (*KWG*), ни электронными деньгами в соответствии с Законом о надзоре за платежными услугами¹⁷. По сути, данное решение санкционировало право на безлицензионные операции с биткоином в Германии.

Что касается России, то правовой статус криптовалют здесь до сих пор не определен. Из этого следует, что частные виртуальные валюты не квалифицированы ни как электронные средства платежа¹⁸, ни как какие-либо «прочие активы», ни как имущественное право требования, а потому они не могут выступать объектом гражданских прав¹⁹ или подпадать под порядок налогообложения. Отсутствие законодательной регламентации, впрочем, еще не означает формального ограничения или запрета на взаимодействие с криптовалютами на территории Российской Федерации. Официальная

¹⁵ 29 февраля 2016 г. участковый суд Тиргартена обвинил оператора криптовалютной биржи, у которого отсутствовало разрешение *BaFin* на торговлю «финансовыми инструментами», такими как биткоин, в уголовном преступлении и приговорил его к выплате штрафа в соответствии с параграфом 54 абзацем 1 № 2 и абзацем 2 Закона о кредитных учреждениях. См.: *Kreditwesengesetz (Gesetz über das Kreditwesen)*. In der Fassung der Bekanntmachung vom 09.09.1998 (BGBl. I S. 2776) zuletzt geändert durch Gesetz vom 08.07.2019 (BGBl. I S. 1002) m.W.v. 16.07.2019 bzw. 21.07.2019 // *dejure.org*. (<https://dejure.org/gesetze/KWG/54.html>).

¹⁶ См.: KG, 25.09.2018 – AZ: (4) 161 Ss 28/18 (35/18). См. также: (Решение немецкого суда, 2018).

¹⁷ Закон о надзоре за платежными услугами (нем. – *Zahlungsdienstleistungsaufsichtsgesetz/ZAG*), вступивший в силу в своей новой версии 13 января 2018 г. (первая редакция была принята 25 июня 2009 г.), существенно расширил нормативную базу финансового надзора, а также полномочия контрольных органов и спектр соответствующих услуг, подлежащих лицензированию в Германии. Подробнее см., например: (Таммер, 2018).

¹⁸ В духе ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. См.: Федеральный закон от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (принят ГД РФ 14 июня 2011 г.; одобрен Советом Федерации 22 июня 2011 г.; в ред. от 29 декабря 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.

¹⁹ Отсутствие четкого правового регулирования, в частности, не позволяет рассматривать криптовалюту в качестве объекта судебной финансово-экономической экспертизы, например, в ходе судебных разбирательств по делам о преднамеренном банкротстве, когда денежные средства выводятся в «криптоактивы» с целью исключения их из конкурсной массы должника. Однако в мае 2018 г. Девятый арбитражный апелляционный суд Москвы косвенно приравнял криптовалюту к имуществу, удовлетворив апелляционную жалобу одного финансового управляющего по ранее вынесенному судебному решению о невозможности включения содержимого «криптокошелька» в конкурсную массу должника. См.: Определение Арбитражного суда города Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/17-71-160 Ф // Электронное правосудие. (<http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/45c24bb9-9d22-4b57-8742-9a778f041b99>). Сославшись на необходимость учета «современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий», суд апелляционной инстанции допустил максимально широкое толкование правовой категории «иное имущество», содержащейся в ст. 128 Гражданского кодекса (ГК) РФ, и постановил, что «криптовалюта не может быть расценена... иначе как иное имущество». См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. (<https://base.garant.ru/61623374/#friends>). Подробнее см. также: (Кузнецов, 2018).

риторика властей по меньшей мере сводится к стремлению предостеречь российских пользователей «анонимных средств платежа» от непреднамеренного вовлечения в осуществление сомнительных операций, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма (Информация Банка России, 2014)²⁰. В этой связи также часто упоминается ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г., согласно которой «официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль», а «введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются»²¹. В информационном сообщении, изданном в начале 2014 г., Банк России отнес криптовалюты к денежным суррогатам, по которым «отсутствуют обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты», предупредив о том, что «операции по ним носят спекулятивный характер... и несут высокий риск потери стоимости» (Информация Банка России, 2014). В начале сентября 2017 г. ЦБ России подтвердил свою категорично негативную позицию по отношению к криптовалютам (Пресс-служба Банка России, 2017)²², а в конце сентября 2019 г. первый заместитель председателя ЦБ Сергей Швецов назвал криптовалюты «высокотехнологичными финансовыми пирамидами», сообщив о нежелании финансового регулятора «содействовать приобретению криптовалют нашими гражданами, тем более в инвестиционных целях» (В ЦБ назвали криптовалюты, 2019).

Между тем 1 октября 2019 г. в России вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 марта 2019 г., который ввел в Гражданский кодекс новую статью 141.1 «Цифровые права»²³. Закрепление в гражданском праве базового определения «цифровое право» (соотнесенного с подкатегорией статьи 128 ГК РФ – разновидностью имущественных прав и представляющего собой юридический аналог термина «токен»), по мнению законодателей, призвано сформировать основы правового поля для совершения и исполнения сделок в цифровой среде, а также обеспечить надлежащую защиту граждан и организаций, осуществляющих такие операции (Принят закон о цифровых правах, 2019). При этом положения о цифровых деньгах были исключены из данного закона. Учитывая сложность определения экономической сущности и юридической природы криптовалюты, а также жесткую позицию властей, логично предположить, что частные виртуальные валюты в обозримом будущем вряд ли получат статус официально признанного (дополнительного) средства платежа на территории российской юрисдикции, хотя, по мнению экспертов, «полный запрет на деятельность с криптовалютой в условиях мирового регуляторного тренда невозможен» (Воронин, Макаревич, 2018: 66).

Таким образом, вопрос о надлежащем правовом регулировании криптовалют пока еще не разрешен и продолжает обсуждаться, несмотря на то, что параллельно с коле-

²⁰ В данном случае имеется в виду, что категория «анонимность платежей» может вступать в противоречие с положениями ст. 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г., согласно которым «кредитные организации обязаны идентифицировать клиента, его представителя и (или) выгодоприобретателя», а также «документально фиксировать и представлять в уполномоченный орган... сведения по подлежащим обязательному контролю операциям с денежными средствами или иным имуществом, совершаемых их клиентами». См.: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (принят ГД РФ 13 июля 2001 г.; в ред. от 26 июля 2019 г.) // Законодательство Российской Федерации. Сборник основных федеральных законов РФ. (<https://fzrf.su/zakon/o-protivodejstviu-legalizacii-dohodov-115-fz/>).

²¹ Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (принят ГД ФС РФ 27.06.2002) // Банк данных «Нормативно-правовые акты Федерального Собрания Российской Федерации». (<https://duma.consultant.ru/documents/724799?items=1&page=30>). Аналогичные установления содержатся и в Конституции Российской Федерации (ст. 75, параграф 1), и в Гражданском кодексе РФ (статья 140, пункт 1).

²² См. также другие информационные сообщения российских регуляторов на эту тему: (Информационное сообщение, 2014; Письмо Федеральной налоговой службы, 2016).

²³ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (принят ГД РФ 12 марта 2019 г., одобрен Советом Федерации 13 марта 2019 г.). (<http://kremlin.ru/acts/bank/44088>).

баниями курса постепенно угасает и общественный интерес. Исход данных дискуссий зависит от различных факторов и обстоятельств, что осложняет выработку оптимального решения на уровне единого глобального подхода. В этой связи приходится учитывать разнообразие аспекты, при которых, например, экономическая целесообразность в отношении энергопотребления и выбора мест размещения производства с учетом высоких энергозатрат и потребности в охлаждении ферм по добыче («майнингу») биткоина (Исландия)²⁴ сталкивается с политико-экономическими конкурентными соображениями (Швейцария) или же геостратегическими интересами (Монголия). Недавно Сенат США обсудил возможные подходы к соответствующему регулированию с целью обеспечить безопасность потребителей, инвесторов и институтов финансовой системы и вместе с тем не упустить возможный «следующий всплеск» цифровых инноваций, а также не создать слишком значительных препятствий на пути реализации предпринимательских идей или технологического лидерства. При этом если в США биткоин приравнивается к собственности и подлежит налогообложению²⁵, то в Германии с недавних пор виртуальные валюты больше не являются объектом налогообложения. Так, в феврале 2018 г. Федеральное министерство финансов издало предписание, в котором подтвердило признание биткоина эквивалентом законного средства платежа, операции с которым не облагаются налогом на прибыль с капитала (Германия признала биткоин, 2018)²⁶. Впрочем, по мнению ряда авторитетных представителей «традиционной» денежной системы, цифровые валюты должны регулироваться с помощью набора международных правил, а не на уровне отдельных государств. «Эффективное регулирование виртуальных валют может быть достигнуто только путем как можно более широкого международного сотрудничества, поскольку регуляторные возможности национальных государств в этом вопросе явно ограничены», – отметил член правления Бундесбанка Йоахим Вюрмелинг в одном из своих выступлений во Франкфурте-на-Майне в 2018 г. (Any rule on Bitcoin, 2018). Подобные заявления на официальном уровне лишь привлекают интерес широкой публики, прежде всего мелких и средних инвесторов, способствуя как укреплению рыночных позиций биткоина, так и дальнейшему развитию криптовалютной индустрии.

Перспектива на будущее

Учитывая фундаментальное значение, которое деньги имеют для каждого общества, не следует легкомысленно относиться к принципам устройства монетарного порядка. Для обоснования возможности отмены монополии центральных банков недостаточно одних лишь указаний на изъяны существующей системы с точки зрения теоретических доктрин. Истинное преимущество альтернативных денежных систем нужно сначала доказать²⁷ – особенно это касается таких факторов, как стабильность и доверие к устойчивости функций денег. Ведь деньги, будь то в аналоговой или цифровой форме, обретают свою «ценность» лишь тогда, когда пользователи уверены, что они смогут в любое время и в любом месте обменять их на товары и другие материальные блага. Хотя центральные банки, несмотря на критику, (все еще) считаются заслуживающими доверия общественными институтами, они ощущают себя незащищенными от подрыв-

²⁴ Несмотря на то что среди европейских стран Исландия отличается наиболее жесткими запретами и ограничениями на проведение операций с биткоином, в этой стране довольно широко распространена практика «майнинга» криптовалюты. Между тем, как известно, сегодня около 80% всех крупнейших «майнинговых пулов» расположены в Китае (Koenig, 2019: 75), несмотря на жесткие ограничительные меры в отношении рынка криптовалют, существующие в этой стране.

²⁵ Налоговая служба США рассматривает каждую операцию покупки с помощью биткоина как сделку по продаже собственности и облагает ее налогом на доход с капитала. При этом, как известно, федеративное устройство США допускает возможность правового регулирования криптовалют на уровне отдельных штатов. Подробнее см., например: (Dewey, 2019).

²⁶ При оплате цифровыми активами товаров и услуг в Германии взимается лишь НДС; при этом посреднические операции при обмене одних криптовалют на другие, а также цифровых валют на обычные деньги там не подлежат налогообложению. См.: (Правительство Германии установило, 2018).

²⁷ См. в этой связи фундаментальное обоснование логической уловки «заблуждение нирвана» (*nirvana fallacy*), данное американским экономистом Гарольдом Демсетцем: (Demsetz, 1969).

ных идей и новых вызовов. Независимо от политических оценок рисков, связанных с распространением криптовалют, они – в духе конкурентного подхода – способствуют усовершенствованию существующих структур, примером чему может служить опыт оптимизации систем моментальной оплаты (*Instant Payment System*)²⁸. Посредством этих сервисов переводы в платежных транзакциях – повсеместно, безопасно и в любое время суток – должны зачисляться на счет получателя в течение нескольких секунд. Внедрение электронного продукта призвано повысить интеграционный, инновационный и конкурентный потенциал рынка (международных) платежей и лучше соответствовать меняющимся цифровым привычкам потребителей. Как уже нередко бывало в истории денег, подобные прорывные технологии указывают на смену облика и сущности значения валют. Деньги есть и остаются особой субстанцией.

ЛИТЕРАТУРА

- Бутенко, Е. Д. (2014). Биткоин. Состояние и перспективы развития криптовалюты // *Финансы и кредит*, (23), 44–47.
- В ЦБ назвали криптовалюты высокотехнологичной финансовой пирамидой (2019) // *ForkLog*, 1 октября (<https://forklog.com/v-tsb-rf-nazvali-kriptovalyuty-vysokotehnologichnoj-finansovoj-piramidoj/>).
- Валовая, Т. Д. (2018). Криптовалюты и технология блокчейн – ключевые атрибуты новой социально-экономической системы // *Банковское дело*, (5), 8–15.
- Винья, П., Кейси, М. (2017). *Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Воронин, Д. А., Макаревич, М. Л. (2018). Мировой опыт правового регулирования криптовалюты // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, (8), 63–67.
- Германия признала биткоин законным платежным средством (2018) // *ForkLog*, 2 марта (<https://forklog.com/germaniya-priznala-bitkoin-zakonnym-platezhnym-sredstvom/>).
- Горда, А. С., Горда, О. С. (2019). Криптовалюты как новый элемент мировой финансовой системы // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление*, 5(1), 10–22.
- Жалинский, А., Рёрихт, А. (2001). *Введение в немецкое право*. М.: Спарк.
- Информационное сообщение Федеральной службы по финансовому мониторингу от 6 февраля 2014 г. «Об использовании криптовалют» (2014) // *Росфинмониторинг*. (<http://www.fedsfm.ru/news/957>).
- Информация Банка России от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”, в частности, Биткойн» (2014) // *Вестник Банка России*, (11).
- Кузнецов, Ю. (2018). Суд без закона: правовой режим криптовалюты в деле о банкротстве // *Экономическая политика*, 13(6), 122–135.
- Письмо Федеральной налоговой службы от 3 октября 2016 г. № 0А-18-17/1027 «О мерах по осуществлению контроля за обращением криптовалют» (2016) // 112 Бух. Информационный портал российских бухгалтеров. (<http://112buh.com/resursy/zakonodatel-stvo/pis-ma/fns/o-merakh-po-osushchestvleniiu-kontrolia-za-obrashcheniem-kriptovaliut/>).
- Правительство Германии установило порядок налогообложения операций с цифровой валютой (2018) // *GOLDEN ISLAND. Клуб свободных инвесторов*, 2 марта (<https://golden-island.net/nalog-na-kriptovalyutu-v-germanii/>).

²⁸ Так, в ноябре 2018 г. ЕЦБ была запущена система *TARGET Instant Payment Settlement (TIPS)*: (European Central Bank, undated), а с 2019 г. Банком России внедрен собственный сервис моментальной оплаты – «Система быстрых платежей» (СБП) (<https://www.cbr.ru/psystem/sistema-bystrykh-platezhey/>).

- Пресс-служба Банка России (2017). Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют). Информационное сообщение от 4 сентября 2017 г. // *Банк России* (https://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm).
- Принят закон о цифровых правах (2019) // *Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству*, 12 марта (http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/18375909).
- Равал, С. (2017). *Децентрализованные приложения. Технология Blockchain в действии*. СПб.: Питер.
- Решение немецкого суда поднимает вопросы о правовом статусе биткоина (2018) // *Bits.media. Криптовалюты и блокчейн по-русски*, 25 октября (<https://bits.media/reshenie-nemetskogo-suda-podnimaet-voprosy-o-pravovom-statuse-bitkoina/>).
- Саррацин, Т. (2015). *Европе не нужен евро*. М.: АСТ.
- Свон, М. (2015). *Блокчейн. Схема новой экономики*. М.: Олимп-Бизнес.
- Таммер, С. (2018). Какие нововведения для Германии несет с собой Закон о надзоре за платежными услугами // *WINHELLER Blog*, 4 апреля (<https://winheller.com/blog/ru/novovvedeniya-zakon-o-nadzore-za-platezhnymi-uslugami/>).
- Ammous, S. (2018). *The Bitcoin Standard: The Decentralized Alternative to Central Banking*. Hoboken, New Jersey: Wiley.
- Any rule on Bitcoin must be global, Germany's central bank says (2018) // *Reuters*, January 15 (<https://www.reuters.com/article/us-bitcoin-regulations-germany/any-rule-on-bitcoin-must-be-global-germanys-central-bank-says-idUSKBN1F420E?il=0>).
- Basse, T. (2003). *Internetgeld und wettbewerbliche Geld- und Währungsordnungen*. Frankfurt a.M.: Peter Lang.
- Binswanger, M. (2015). *Geld aus dem Nichts. Wie Banken Wachstum ermöglichen und Krisen verursachen*. Weinheim: Wiley-VCH.
- Bank for International Settlements (2015). *Digital Currencies*. November. (<https://www.bis.org/cpmi/publ/d137.pdf>).
- Collins, M. (1969). *Money and Banking in the UK: A History*. London: Croom Helm.
- Demsetz, H. (1969). Information and Efficiency: Another Viewpoint // *Journal of Law and Economics*, 12(1), 1–22.
- Deutsche Bundesbank (Hg.) (2018a). *Zahlungsverhalten in Deutschland 2017*. Frankfurt a.M.
- Deutsche Bundesbank. (2018b). Eröffnungsrede. 4 *Bargeldsymposium der Deutschen Bundesbank*, February 14 (<https://www.bundesbank.de/de/service/mediathek/videos/eroeffnungsrede-633988>).
- Dewey, J. (ed.) (2019). *Blockchain & Cryptocurrency Regulation 2019*. London: Global Legal Group, 479–487.
- Dörr, J., Goldschmidt, N., Schorkopf, F. (Hg.) (2018). *Share Economy. Institutionelle Grundlagen und gesellschaftspolitische Rahmenbedingungen*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Dörr, J., Kowalski, O. (2018a). Entnationalisierung durch die Brieftasche? // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, October, 19, (243), 18.
- Dörr, J., Kowalski, O. (2018b). Vom Tal auf die Insel? Vom kalifornischen Liberalismus zur Sozialutopie Seasteading // *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 68(32–33), 16–21.
- European Banking Authority, European Securities and Markets Authority, European Insurance and Occupational Pensions Authority (2018). Warning: ESMA, EBA and EIOPA warn consumers on the risks of Virtual Currencies (https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma50-164-1284_joint_esas_warning_on_virtual_currencies.pdf).
- European Central Bank (2015). *Virtual currency schemes – a further analysis*. February (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes.pdf>).

- European Central Bank (undated). *What is TARGET Instant Payment Settlement (TIPS)?* (<https://www.ecb.europa.eu/paym/target/tips/html/index.en.html>).
- Friedman, M. (1960). *A Program for Monetary Stability*. New York: Fordham University Press.
- Hayek, F. A., von. (1976). *Choice in Currency: A Way to Stop Inflation*. London: Institute of Economic Affairs, 9–44.
- Hayek, F. A., von. (2011). Entnationalisierung des Geldes. Eine Analyse der Theorie und Praxis konkurrierender Umlaufmittel (1976), 129–254 / In: A. Bosch, R. Veit, V. Veit-Bachmann (Hg.) *Entnationalisierung des Geldes. Schriften zur Währungspolitik und Währungsordnung*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Kerber, M. C. (2014). Den Bock zum Gärtner machen? – Eine ordnungspolitische Hinterfragung der Bankenunion // *ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*. Stuttgart, 65, 75–98.
- Koenig, A. (2019). *Die dezentrale Revolution. Wie Bitcoin und Blockchain-Technologie Wirtschaft und Gesellschaft verändern*. München: FinanzBuch Verlag.
- Küfner, R. A. (2018). *Das Krypto-Jahrzehnt. Was seit dem ersten Bitcoin alles geschehen ist – und wie digitales Geld die Welt verändern wird*. Kulmbach: Börsenbuch Verlag.
- Luhmann, N. (2017). *Einführung in die Systemtheorie*. Heidelberg: Carl Auer Verlag.
- Mason, P. (2016). *Postcapitalism. A Guide to Our Future*. London: Penguin.
- Meyer, D. (2016). Verdeckte Staatsfinanzierung in 19 Euro-Staaten // *Wirtschaftswoche*, 20, Februar (<https://www.wiwo.de/politik/europa/denkfabrik-verdeckte-staatsfinanzierung-in-19-euro-staaten/12947078.html>).
- Nakamoto, S. (2008). *Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System*. Bitcoin Foundation.
- Oehler, A. (2017). *Infos für den Schwarm: Werden Crowdfunding-Kleinanleger mit VIBs gut informiert? Eine empirische Untersuchung*. Im Auftrag des Ministeriums für Ländlichen Raum und Verbraucherschutz Baden-Württemberg. Stuttgart, Dezember (<https://www.verbraucherportal-bw.de/site/pbs-bw-new/get/documents/MLR.Verbraucherportal/Dokumente/Dokumente%20pdfs/Forschung/Abschlussbericht%20Crowdfunding%20MLR%20CCMP%2020171206%20oehler.pdf>).
- Omlor, S. (2017). Geld und Währung als Digitalisate // *Juristenzeitung*, 72, 754–763.
- Schmölders, G. (1962). *Geldpolitik*. Tübingen: Mohr.
- Schüller, A. (2015). Europäische Bankenunion in einem interventionistischen Ordnungsmilieu. Ordnungspolitische Anmerkungen zu ‚Stairway to Heaven‘ oder ‚Higway to Hell‘? Eine Einschätzung der Europäischen Bankenunion von Uwe Vollmer, ss. 147–174) des vorliegenden *ORDO*-Jahrbuchs Bd. 66, 175–192 / In: *ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*. Stuttgart, 66 (1).
- Seiche, F. (1997). *Währungskonkurrenz und Notenbankfreiheit. Möglichkeiten einer wettbewerblich organisierten Geldverfassung?* Marburg: Tectum Verlag.
- Soeteman, K. (2019). *Kryptowährungen für Dummies*. Weinheim: Wiley.
- Tagesschau* (2018). EZB darf Staatsanleihen kaufen. Stand: 11.12 (<https://www.tagesschau.de/wirtschaft/ezb-eugh-staatsanleihen-101.html>).

REFERENCES

- A law on digital rights was enacted (2019). *State Duma Committee on State Building and Legislation*, March 12 (http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/18375909). (In Russian.)
- Ammous, S. (2018). *The Bitcoin Standard: The Decentralized Alternative to Central Banking*. Hoboken, New Jersey: Wiley.

- Any rule on Bitcoin must be global, Germany's central bank says (2018). *Reuters*, January 15 (<https://www.reuters.com/article/us-bitcoin-regulations-germany/any-rule-on-bitcoin-must-be-global-germanys-central-bank-says-idUSKBN1F420E?il=0>).
- Bank for International Settlements (2015). *Digital Currencies*. November. (<https://www.bis.org/cpmi/publ/d137.pdf>).
- Basse, T. (2003). *Internetgeld und wettbewerbliche Geld- und Währungsordnungen*. Frankfurt a.M.: Peter Lang.
- Binswanger, M. (2015). *Geld aus dem Nichts. Wie Banken Wachstum ermöglichen und Krisen verursachen*. Weinheim: Wiley-VCH.
- Butenko, E. D. (2014). Bitcoin. State and prospects for cryptocurrency development. *Finansy i kredit*, (23), 44–47. (In Russian.)
- Collins, M. (1969). *Money and Banking in the UK: A History*. London: Croom Helm.
- Demsetz, H. (1969). Information and Efficiency: Another Viewpoint. *Journal of Law and Economics*, 12(1), 1–22.
- Deutsche Bundesbank (Hg.) (2018a). *Zahlungsverhalten in Deutschland 2017*. Frankfurt a.M.
- Deutsche Bundesbank. (2018b). Eröffnungsrede. 4 Bargeldsymposium der Deutschen Bundesbank, February 14 (<https://www.bundesbank.de/de/service/mediathek/videos/eroeffnungsrede-633988>).
- Dewey, J. (Ed.) (2019). *Blockchain & Cryptocurrency Regulation 2019*. London: Global Legal Group, 479–487.
- Dörr, J., Kowalski, O. (2018a). Entnationalisierung durch die Brieftasche? *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, October, 19, (243), 18.
- Dörr, J., Kowalski, O. (2018b). Vom Tal auf die Insel? Vom kalifornischen Liberalismus zur Sozialutopie Seasteading. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 68(32–33), 16–21.
- Dörr, J., Goldschmidt, N., Schorkopf, F. (Hg.) (2018). *Share Economy. Institutionelle Grundlagen und gesellschaftspolitische Rahmenbedingungen*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- European Banking Authority, European Securities and Markets Authority, European Insurance and Occupational Pensions Authority (2018). Warning: ESMA, EBA and EIOPA warn consumers on the risks of Virtual Currencies (https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma50-164-1284_joint_esas_warning_on_virtual_currenciesl.pdf).
- European Central Bank (2015). *Virtual currency schemes – a further analysis*. February (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf>).
- European Central Bank (undated). *What is TARGET Instant Payment Settlement (TIPS)?* (<https://www.ecb.europa.eu/paym/target/tips/html/index.en.html>).
- Friedman, M. (1960). *A Program for Monetary Stability*. New York: Fordham University Press.
- Germany has recognized Bitcoin as a legal payment instrument (2018). *ForkLog*, March 2 (<https://forklog.com/germaniya-priznala-bitkoin-zakonnym-platezhnym-sredstvom/>). (In Russian.)
- Gorda, A.S., Gorda, O. S. (2019). Cryptocurrencies as a new element of the global financial system. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management (Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie)*, 5(1), 10–22. (In Russian.)
- Hayek, F. A., von. (1976). *Choice in Currency: A Way to Stop Inflation*. London: Institute of Economic Affairs, 9–44.
- Hayek, F. A., von. (2011). Entnationalisierung des Geldes. Eine Analyse der Theorie und Praxis konkurrierender Umlaufmittel (1976), 129–254 / In: A. Bosch, R. Veit, V. Veit-Bachmann (Hg.) *Entnationalisierung des Geldes. Schriften zur Währungspolitik und Währungsordnung*. Tübingen: Mohr Siebeck.

- Information of the Bank of Russia of January 27, 2014 “On the use of ‘virtual currencies’, in particular Bitcoin, when conducting of transactions” (2014). *Vestnik Banka Rossii*, (11), 22. (In Russian.)
- Information report of the Federal Financial Monitoring Service on February 6, 2014 “On the use of cryptocurrencies” (2014). *Rosfinmonitoring* (<http://www.fedsfm.ru/news/957>). (In Russian.)
- Kerber, M. C. (2014). Den Bock zum Gärtner machen? – Eine ordnungspolitische Hinterfragung der Bankenunion. *ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*. Stuttgart, 65, 75–98.
- Koenig, A. (2019). *Die dezentrale Revolution. Wie Bitcoin und Blockchain-Technologie Wirtschaft und Gesellschaft verändern*. München: FinanzBuch Verlag.
- Küfner, R. A. (2018). *Das Krypto-Jahrzehnt. Was seit dem ersten Bitcoin alles geschehen ist – und wie digitales Geld die Welt verändern wird*. Kulmbach: Börsenbuch Verlag.
- Kuznetsov, Yu. (2018). Justice without law: legal status of cryptocurrency in a bankruptcy case. *Economic Policy*, 13(6), 122–135. (In Russian.)
- Letter of the Federal Tax Service on October 3, 2016, № OA-18-17/1027 “On measures to monitor the circulation of cryptocurrencies” (2016). *112buh. Information portal of Russian accountants* (<http://112buh.com/resursy/zakonodatel-stvo/pis-ma/fns/omerakh-po-osushchestvleniiu-kontrolia-za-obrashcheniem-kriptovaliut/>). (In Russian.)
- Luhmann, N. (2017). *Einführung in die Systemtheorie*. Heidelberg: Carl Auer Verlag.
- Mason, P. (2016). *Postcapitalism. A Guide to Our Future*. London: Penguin.
- Meyer, D. (2016). Verdeckte Staatsfinanzierung in 19 Euro-Staaten. *Wirtschaftswoche*, 20, Februar (<https://www.wiwo.de/politik/europa/denkfabrik-verdeckte-staatsfinanzierung-in-19-euro-staaten/12947078.html>).
- Nakamoto, S. (2008). *Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System*. Bitcoin Foundation.
- Oehler, A. (2017). *Infos für den Schwarm: Werden Crowdfunding-Kleinanleger mit VIBs gut informiert? Eine empirische Untersuchung*. Im Auftrag des Ministeriums für Ländlichen Raum und Verbraucherschutz Baden-Württemberg. Stuttgart, Dezember (<https://www.verbraucherportal-bw.de/site/pbs-bw-new/get/documents/MLR.Verbraucherportal/Dokumente/Dokumente%20pdfs/Forschung/Abschlussbericht%20Crowdfunding%20MLR%20CCMP%2020171206%20Oehler.pdf>).
- Omlor, S. (2017). Geld und Währung als Digitalisate. *Juristenzeitung*, 72, 754–763.
- Press Service of the Bank of Russia (2017). On the use of private “virtual currencies” (cryptocurrencies). Information on September 4, 2017 (https://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm). (In Russian.)
- Raval, S. (2017). *Decentralized application. Harnessing Bitcoin’s blockchain technology*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russian.)
- Sarratsin, T. (2015). *Europe does not need Euro*. Moscow: AST Publ. (In Russian.)
- Schmölders, G. (1962). *Geldpolitik*. Tübingen: Mohr.
- Schüller, A. (2015). Europäische Bankenunion in einem interventionistischen Ordnungsmilieu. Ordnungspolitische Anmerkungen zu ‚Stairway to Heaven‘ oder ‚Higway to Hell‘? Eine Einschätzung der Europäischen Bankenunion von Uwe Vollmer S. 147–174) des vorliegenden ORDO-Jahrbuchs Bd. 66, 175–192 / In: *ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*. Stuttgart, 66 (1).
- Seiche, F. (1997). *Währungskonkurrenz und Notenbankfreiheit. Möglichkeiten einer wettbewerblich organisierten Geldverfassung?* Marburg: Tectum Verlag.
- Soeteman, K. (2019). *Kryptowährungen für Dummies*. Weinheim: Wiley.

- Svon, M. (2015). *Blockchain. New Economy Scheme*. Moscow: Olymp-Business Publ. (In Russian.)
- Tagesschau (2018). EZB darf Staatsanleihen kaufen. Stand: 11.12 (<https://www.tagesschau.de/wirtschaft/ezb-eugh-staatsanleihen-101.html>).
- Tammer, S. (2018). Which innovations for Germany does the law on payment services supervision bring? *WINHELLER Blog*, April 4 (<https://winheller.com/blog/ru/novovvedeniya-zakon-o-nadzore-za-platezhnymi-uslugami/>). (In Russian.)
- The Central Bank has called cryptocurrencies a high-tech financial pyramid (2019). *ForkLog*, October 1 (<https://forklog.com/v-tsb-rf-nazvali-kriptovalyuty-vysokotekhnologichnoj-finansovoj-piramidnoj/>). (In Russian.)
- The decision of the German court raises questions about the legal status of Bitcoin (2018). *Bits.media. Kriptovalyuty i blokcheyn po-russki*, Oktober, 25 (<https://bits.media/reshenie-nemetskogo-suda-podnimaet-voprosy-o-pravovom-statuse-bitkoina/>). (In Russian.)
- The German government has established taxation procedures for the digital currency (2018). *GOLDEN ISLAND. Klub svobodnykh investorov*, March 2 (<https://golden-island.net/nalog-na-kriptovalyutu-v-germanii/>). (In Russian.)
- Valovaya, T. D. (2018). Cryptocurrencies and Blockchain technology are the key attributes of the new socio-economic system. *Bankovskoe delo*, (5), 8–15. (In Russian.)
- Vinya, P., Keysi, M. (2017). *The age of cryptocurrency: How Bbitcoin and the Blockchain are challenging the global economic order*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ. (In Russian.)
- Voronin, D. A., Makarevich, M. L. (2018). World experience in the legal regulation of cryptocurrencies. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, (8), 63–67. (In Russian.)
- Zhalinskiy, A., Rerikht, A. (2001). *Introduction to the legal system of Germany*. Moscow: Spark. (In Russian.)

ОТНОШЕНИЯ РЕЦИПРОКНОСТИ НА ФОРМИРУЮЩИХСЯ РЫНКАХ СЕТЕВЫХ БЛАГ¹

Виктор Евгеньевич ДЕМЕНТЬЕВ,

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт РАН;
профессор,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия,
e-mail: vedementev@rambler.ru;

Сергей Гордеевич ЕВСЮКОВ,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт РАН;
доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия,
e-mail: sg-7777@yandex.ru;

Елена Владимировна УСТЮЖАНИНА,

доктор экономических наук, профессор,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова;
главный научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: dba-guu@yandex.ru

Цитирование: Дементьев, В. Е., Евсюков, С. Г., Устюжанина, Е. В. (2019). Отношения реципрокности на формирующихся рынках сетевых благ // *Terra Economicus*, 17(4), 23–40. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-23-40

Работа посвящена исследованию экономической выгоды взаимоподдержки, которую фактически оказывают друг другу конкуренты на рынке сетевого блага в период формирования критической массы его потребителей. Еще одним аспектом взаимобмена дарами, или реципрокности, анализируемым в статье, является предоставление бесплатных простых версий блага в расчете на ответную лояльность потребителя, на его последующий интерес к более продвинутым версиям. Рассматриваются два вида вертикальной дифференциации сетевого блага – реальная, связанная с объемом предоставляемых потребителю опций, и фантомная – искусственное деление блага на престижную и общедоступную категории. Метод исследования – экономико-математическое моделирование. На формульном уровне описываются зависимости: ценности блага – от количества его потребителей; величины спроса на благо – от уровня цен; распределения

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: грант № 17-06-00080 «Сравнительный анализ стратегий ценообразования на рынках сетевых благ на основе экономико-математического моделирования».

общей величины спроса между конкурентами – от соотношения цен и степени эластичности спроса по цене; скорости достижения максимального экономического эффекта – от уровня цен и рыночной стратегии поставщиков. С помощью компьютерных экспериментов исследуется влияние реципрокной составляющей в отношениях конкурентов на решение трех задач: максимизации чистого интегрального дисконтированного дохода поставщиков сетевых благ, минимизации времени достижения окупаемости проекта и минимизации времени достижения максимального значения интегрального дохода. Две последние задачи актуальны в условиях высокого риска выхода на рынок новых конкурентов. Выявлен вклад в решение этих задач таких инструментов, как версионирование продукции (предоставление простой и расширенной версии блага), кооперированная стратегия умеренно высоких цен и кооперированная стратегия фантомной дифференциации в условиях высокого риска появления новых конкурентов.

Ключевые слова: реципрокность; сетевые блага; ценообразование; дуополия; дифференциация благ; версионирование; ценовая стратегия

RECIPROCITY IN EMERGING MARKETS FOR NETWORK GOODS²

Victor E. DEMENTIEV,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Leading Staff Scientist,
Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences;
Professor,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia,
e-mail: vedementev@rambler.ru;

Sergey G. EVSUKOV,

Cand. Sci. (Econ.), Research Associate,
Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences;
Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia,
e-mail: sg-7777@yandex.ru;

Elena V. USTYUZHANINA,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Plekhanov Russian University of Economics;
Leading Staff Scientist,
Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: dba-guu@yandex.ru

Citation: Dementiev, V. E., Evsukov, S. G., Ustyuzhanina, E. V. (2019). Reciprocity in emerging markets for network goods. *Terra Economicus*, 17(4), 23–40. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-23-40

² The article was prepared with the financial support of RFBR (project 17-06-00080) «The comparative analysis of pricing strategies at the network markets based on the economic and mathematical modelling».

The paper discusses economic efficiency of mutual aid between competitors in markets for network goods while attaining the critical mass of consumers. Another aspect of reciprocity analyzed in the paper is the supply of free light versions of a good in order to gain loyalty of customers and attract their interest in more advanced versions. Two types of vertical differentiation of network goods are examined: the real one based on the amount of options offered to consumers, and the phantom one – the artificial division of goods into the upmarket category and the normal one. The research method is mathematical modeling. Various formulas are used to describe links between the consumer value of a good and the number of its consumers; between the demanded quantity of a good and its price level; between the distribution of total quantity demanded among competitors and their prices/price elasticity of demand; between the velocity of achieving maximum economic benefit and prices as well as marketing strategies of suppliers. Computer experiments have been used to analyze the role of reciprocity between competitors in achieving such goals as: maximization of net present value of network goods suppliers, minimization of discounted payback period and minimization of period needed to achieve the maximum net present value. The last two goals are essential when new competitors are likely to enter the market. The authors of the paper evaluate the importance of such tools as versioning (supply of light and advanced versions of a good), cooperative strategy of moderately high prices as well as cooperative phantom differentiation when the risk of appearance of new competitors is high.

Keywords: *reciprocity; network goods; pricing; duopoly; differentiation of goods; versioning; pricing strategy*

JEL classifications: *C6, D4*

Введение

В современной экономике широкое распространение получила практика использования для привлечения и удержания клиентов различного рода бонусов, купонов, скидок, бесплатных консультаций и дополнительных опций. Такого рода «одаривание» покупателей в расчете на их лояльность позволяет говорить о том, что в настоящее время отношения реципрокности начинают проникать на товарные рынки. Возрастание роли сетевых структур в координации экономической деятельности усиливает реципрокный аспект взаимодействия между экономическими агентами.

Термин «реципрокность» (reciprocity) как институциональное оформление связей между экономическими агентами, наряду с перераспределением и обменом, был предложен Карлом Поланьи. Реципрокность обозначает перемещение благ в симметричных группах; перераспределение – «стягивание» товаров центром с их последующим перемещением из центра; обмен – встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы (Поланьи, 2002).

Трансакции реципрокности называют также трансакциями взаимности или дарообмена. При этом реципрокность не тождественна альтруизму, поскольку даритель ожидает полезных для себя ответных действий со стороны либо самих одариваемых, либо других участников сети. На практике и реципрокный, и товарный обмен происходят не в рафинированном виде. Это проявляется и в круге одариваемых, и в том, что ожидает от них даритель. Так, в отличие от классического дарообмена между близкими людьми, бонусы и скидки часто предлагаются любому желающему. Его ответные благодарные действия выражаются в том, что он включается в товарный обмен.

При анализе рафинированного варианта реципрокности дарение предстает направленным на увеличение социального капитала дарителя в форме личных отношений к нему одариваемых или других членов социальной сети, на повышение престижа дарителя. В современной экономике связь дарения и престижа приобретает модифицированный вид, когда бесплатное предоставление простых версий блага подогревает интерес к более продвинутым и престижным версиям, когда сама престижность становится все более весомой составляющей полезности блага (фантомная полезность).

Не вполне укладываются в рамки рыночного товарообмена, приобретают черты реципрокности и отношения в рамках экономики совместного потребления (*collaborative consumption*) или экономики взаимности (*Sharing Economy*). Эта система предполагает не продажу, а передачу или предоставление в пользование благ тем, кто в них нуждается. Такой нерыночный обмен благами проникает во многие сектора экономики (Botsman, Rogers, 2010; Комарова и др., 2017).

Особое значение реципрокные отношения приобретают на фоне формирования цифровой экономики с характерным для нее многообразием так называемых сетевых благ. Это блага, полезность которых для потребителей зависит от общего числа их пользователей – размера сети. Примерами таких благ являются многие программные продукты, распространенность которых влияет на возможности обмена результатами их использования; различные средства связи (электронная почта, телефонная связь, мессенджеры); информационные платформы и др. Практика распространения сетевых благ свидетельствует о том, что, пока количество их потребителей не достигло некоторой критической массы, привлекательность этих благ для пользователей является относительно низкой. Однако по мере роста размера сети их ценность начинает экспоненциально увеличиваться, достигая через некоторое время уровня насыщения. Как следствие, поставщики сетевых благ вынуждены прибегать к различного рода ухищрениям, чтобы ускорить достижение критической массы пользователей. В ход идут распространение бесплатных упрощенных версий блага, бесплатное предоставление блага на льготный период, ценовая дискриминация в форме различного рода скидок, продажа наборами и др.

К сетевым благам могут быть отнесены и электромобили. Увеличение числа их владельцев стимулирует развитие сети зарядных станций, что повышает полезность этих машин. Анализ такого рода эффектов помогает понять, почему известный предприниматель Илон Маск заявил о готовности сделать доступными для всех желающих патенты, принадлежащие компании-производителю электромобилей Tesla, без компенсаций и лицензионных отчислений. В заявлении Илона Маска говорится, что его компания надеется, что передача патентов в свободное пользование подтолкнет и других бизнесменов раскрыть свои патенты, таким образом способствуя развитию и распространению своих технологий³. Этот пример особенно важен, поскольку подарок в виде патентов предлагается конкурентам.

Еще одной особенностью сетевых благ является структура затрат на их создание и распространение. Производство таких благ характеризуется очень высокой долей первоначальных вложений в R&D и обеспечение возможности последующего масштабирования, значительными постоянными затратами на обслуживание функционирования сети и относительно низкими переменными издержками. Если речь идет о цифровых продуктах, последние просто близки к нулю. В условиях высоких первоначальных затрат разработчикам сетевых благ может быть выгодно на взаимной (реципрокной) основе предоставлять доступ к некоторым результатам своих исследований, устанавливать общие стандарты, совместно финансировать необходимую для продвижения благ инфраструктуру. Однако кооперация на стадии разработки и первоначального продвижения сетевых благ не обязательно означает согласование действий олигополистов на стадии постепенного насыщения рынка. Здесь могут иметь место

³ <https://www.if24.ru/ilon-mask-podaril-chelovechestvu-svoi-patenty/>

как кооперация, так и конкуренция. Причем и кооперация, и конкуренция могут осуществляться в двух формах. Кооперация может выражаться в картельном сговоре по поддержанию относительно высокого уровня цен или в разделении рынка на сегменты путем дифференциации продукта (реальной или фантомной). А конкуренция может состоять в ценовом давлении друг на друга или опять же дифференциации, когда одни поставщики пытаются с помощью низких цен завоевать как можно большую долю рынка, а другие стремятся получить выгоду за счет разности между ценой реализации и затратами на производство и распространение путем позиционирования своей продукции как эксклюзивной.

Особенностью представляемого исследования является фокусировка внимания на результатах деятельности поставщиков не за единичные периоды, а за интервал времени (жизненный цикл блага), охватываемый многопериодной моделью. Это позволяет сопоставлять стратегию, нацеленную на максимизацию интегрального дохода, и стратегию более быстрого достижения окупаемости проекта, хотя и с некоторыми потерями.

Статья отвечает на вопрос, к каким долгосрочным последствиям приводят разные стратегии конкурентов, когда в начальный период становления рынка сетевых благ их отношения характеризуются взаимоподдержкой в формировании критической массы покупателей. При этом учитывается и реципрокная составляющая в отношениях поставщиков и потребителей, когда простая версия блага предоставляется потребителю бесплатно.

Обзор литературы

Современные исследования реципрокности охватывают широкий круг отношений, включая внутрифирменное взаимодействие (Fahn, Schade, Schüßler, 2017), взаимовлияние бизнеса и общества (Rottner, Eberhart, 2018), экономику совместного потребления (Proserpio, Xu, Zervas, 2018).

В литературе реципрокность фигурирует, в частности, как определенное соответствие в поведении экономических субъектов. Речь идет о тенденции участников рынка отвечать на хорошее (плохое) поведение хорошим (плохим) поведением (Ostrom, Walker, 2003; Sobel, 2005).

Отсутствие готовности к доверительным и реципрокным отношениям оказывается тормозом на пути открытых инноваций, не позволяет через сотрудничество с потребителями доводить новую продукцию до высоких кондиций (Bogers, Afuah, Bastian, 2010; Kathan, Hutter, Fuller, Hautz, 2015).

Растущее понимание ограниченности рыночных и административных механизмов как инструментов координации экономической деятельности способствовало как распространению сетевых форм взаимодействия, так и поискам понятий, отражающих возможность сочетания соперничества и сотрудничества. В книге Адама Бранденбургера и Барри Нейлбаффа (Brandenburger, Nalebuff, 1998) для такого сочетания был предложен термин коонкуренция (co-opetition). О коонкуренции идет речь, в частности, при анализе реципрокного обмена знаниями в сетевых организациях (Bengtsson, Kock, 2000; Fehr, Gächter, 2000; Luo, 2007).

Менее изученным является вопрос о сотрудничестве конкурентов в такой специфической сфере, как производство и реализация сетевых благ. Вместе с тем имеется ряд исследований о версионировании (versioning) этих благ. Так, в (Oren, Smith, 1981) в рамках однопериодной модели анализируется целесообразность использования нескольких тарифов на рынке электронных коммуникаций с учетом разной платежеспособности населения. Как было показано в дальнейшем на однопериодной модели, наличие сетевых эффектов может иметь принципиальное значение для оправданности поставки на рынок разнокачественных вариантов блага и соответствующей дифференциации цен на них (Jing, 2003). Разные аспекты версионирования информацион-

ных благ и услуг, включая расходы на придание разных качеств благам, обсуждаются в (Haruvy, Prasad, 2001; Ghose, Sundararajan, 2005; Shapiro, Varian, 2013; Chellappa, Mehra, 2017). Поставка разнокачественных версий блага служит средством создания ситуации, когда более качественное благо можно продавать по более высоким ценам. Вместе с тем анализ дуополии поставщиков привел к выводу, что, если они действуют в одной и той же сети, это снижает их стимулы к версионированию благ (Jing, 2003).

Когда олигопольная конкуренция разворачивается в форме соперничества сетей, более быстрый, чем у соперников, рост массы потребителей предстает важнейшим фактором успеха (Katz, Shapiro, 1986; Arthur, 1989; Liu et al, 2012). Против позднее появившегося поставщика действуют не только более скромные сетевые эффекты, но и издержки переключения на другие стандарты (Economides, 1996). Похожие сложности возникают перед потребителями, когда им приходится выбирать между старыми и новыми технологиями (Farrell, Saloner, 1986). Одним из способов конкурентной борьбы со сложившимся стандартом является ускоренное формирование критической массы потребителей нового сетевого блага с помощью политики низких цен для первых покупателей (Besen, Farrell, 1994). Если в (Katz, Shapiro, 1986) при анализе маневра ценами акцент делается на дележе рынка, то результаты (Jing, 2003) демонстрируют, что продажа двух версий блага может влиять на динамику цен и ускорять их рост.

Ослабление сетевых эффектов обостряет конкуренцию на рынке разнокачественных сетевых благ. К подобным последствиям, когда благо представлено в нескольких разновидностях, приводит снижение интереса к качественным компонентам блага. К такому выводу привел эмпирический анализ телекоммуникационной отрасли (Розанова, Буличенко, 2011; Стрелец, 2017). В то же время обнаружилось, что, если компаниям удастся найти или создать значимые факторы дифференциации, выбор потребителей становится все менее связанным с ценой и отрасль оказывается поделенной на сегменты с единственным лидером.

Эти результаты подсказывают стратегию действий, нацеленных на повышение доходов поставщика сетевых благ. Даже если реальная полезность от более «навороченного» продукта не очень велика, важно внушить потребителю, что он не может обойтись без такого продукта (фантомная дифференциация благ).

Однако чем лучше удастся повышение цены на более качественную версию сетевого блага, тем привлекательней его рынок для потенциальных конкурентов. В такой ситуации поставщик блага, планируя свои действия на перспективу, уже не может ограничиваться стратегией, обеспечивающей максимальный интегральный доход. Актуальным является поиск стратегии, позволяющей поставщику форсировать получение своего дохода.

Методология исследования

Исследование опирается на проведение компьютерных экспериментов на основе экономико-математического моделирования и является продолжением работ авторов, посвященных ценообразованию на рынках сетевых благ (Евсюков, Сигарев, Устюжанина, 2016; Дементьев, Евсюков, Устюжанина, 2018).

В последней работе на основе экономико-математической модели дуополии рассматривается распределение эффекта от выпуска и реализации нового сетевого блага между генератором – агентом, предлагающим рынку принципиально новый продукт, и имитатором – агентом, имеющим возможность относительно быстрого воспроизведения инновации. Показано, что форсированный с помощью низких цен выход генератора на критическую массу потребителей позволяет присвоить основной эффект повышения цен до завоевания части рынка имитатором.

В модели, анализируемой в настоящей статье, дуополисты совместно участвуют в разработке продукта. При этом исследование ценовых стратегий опирается как на анализ возможности постепенного, по мере роста полезности блага, повышения цен,

так и на вовлечение в анализ такого известного приема, как поставка разных версий сетевого блага.

Особенности предлагаемого авторами подхода

1. Предположение о возможности кооперированной инвестиционной и некооперированной ценовой политики в условиях дуополии.

Кооперированная инвестиционная политика может быть обусловлена как высоким уровнем капитальных затрат (вложения в НИОКР и возможности масштабирования), так и стремлением поставщиков как можно быстрее достичь критической массы потребителей своей продукции (повышения ее ценности) до выхода на рынок новых конкурентов и/или морального устаревания предлагаемого блага. В то же время кооперация на стадии формирования рынка не обязательно связана с обязательствами по проведению кооперированной ценовой политики.

2. Использование логистических кривых (функций Ферхюльста с различными параметрами) для описания двух зависимостей: (1) изменения ценности блага в зависимости от количества его потребителей; (2) изменения спроса на благо в зависимости от величины его ценности.

Первая зависимость отражает базовое свойство сетевого блага – возрастание ценности блага по мере роста числа его потребителей и стабилизация этой величины при насыщении рынка. Вторая зависимость отражает общеэкономический закон увеличения спроса на благо по мере возрастания его потребительской ценности.

3. Введение в качестве критериев оценки политики ценообразования трех показателей: чистой приведенной стоимости проекта, дисконтированного периода окупаемости и времени достижения максимума чистой приведенной стоимости проекта.

Если показатель чистой приведенной стоимости является стандартным критерием оценки выгодности инвестиционного проекта, то использование двух других показателей связано с угрозой выхода на сформированный рынок новых конкурентов, которые могут оттянуть на себя существенную долю потенциальных потребителей. В этих условиях время достижения окупаемости проекта и время достижения максимального дохода становятся важными критериями выбора.

В работе рассматривается модель дуополии с использованием дифференциации благ. В этой модели предполагается, что два поставщика осуществляют кооперированную стратегию инвестирования (делят инвестиции, необходимые для создания сетевого блага и инфраструктуры его обслуживания, поровну), а затем выбирают ценовые политики, которые могут быть как кооперированными, так и конкурентными. При этом вводится дополнительный параметр – уровень эластичности спроса по цене, который позволяет оценить распределение объемов продаж расширенного блага между двумя поставщиками при проведении ими разной ценовой политики.

Общие допущения модели

1. Благо является сетевым, т.е. его полезность для пользователя зависит от размера сети (количества других пользователей).

2. Благо может предоставляться в двух вариантах: (1) упрощенный вариант (простое благо – минимальное количество доступных опций); (2) расширенный вариант (расширенное благо – предоставление дополнительных, ценных для потребителей опций).

3. Простое благо предоставляется потребителю бесплатно с целью стимулирования спроса, расширенное благо – за плату.

4. Один экономический агент использует одну единицу блага (простую или расширенную).

5. Ценность простого блага возрастает по логистической кривой (кривая Ферхюльста).

6. Относительная ценность расширенного блага по сравнению с простым благом увеличивается со временем.

7. Экономические агенты постепенно переходят от пользования простыми благами к пользованию расширенными благами.

8. Низкие предельные издержки и высокая скорость тиражирования сетевых благ позволяют производителю мгновенно наращивать предложение благ в ответ на спрос со стороны потребителей.

9. Поставки простого блага могут осуществляться начиная с первого периода.

10. Продажи расширенного блага могут осуществляться начиная со второго периода.

11. Распределение между поставщиками объема продаж расширенного блага определяется уровнями назначаемых цен и эластичностью спроса по цене.

Описание модели

Общие переменные модели:

T – общий горизонт исследования;

t – текущий период времени, $t = 0, \dots, T$;

r – ставка дисконтирования за период.

Количество потребителей:

N – максимальная численность потенциальных потребителей сетевого блага (максимальный размер сети);

N(t) – общее количество потребителей блага (простой и расширенной версии) к моменту начала периода t ($t = 1 \dots T$):

$$N(t) = K(t) + M(t), \quad (1)$$

где **K(t)** – количество потребителей простого блага к моменту начала периода t ; **M(t)** – количество потребителей расширенного блага к моменту начала периода t .

Количество потребителей простого блага на начало каждого периода определяется как сумма всех потребителей, которые стали пользователями простой версии в предыдущие периоды, за вычетом тех потребителей, которые перешли на расширенную версию:

$$K(t) = \max \left\{ 0; \sum_{j=1}^{t-1} k(j) - \sum_{j=2}^{t-1} m(j) \right\} \quad (2)$$

$$M(t) = \sum_{j=2}^{t-1} m(j), \quad (3)$$

где **k(t)** – объем поставок простого блага в период t ; **m(t)** – объем продаж расширенного блага в период t , ($m(1) = 0$).

Динамика ценности блага для потребителей:

U – максимально возможное значение ценности простого блага;

U_t – максимальная ценность простого блага в период t ($t = 1 \dots T$).

Возрастание ценности простого блага описывается логистической функцией, аргументом которой выступает текущий размер сети. То есть скорость возрастания текущей ценности определяется количеством уже существующих потребителей:

$$U_t = U(N(t)) = \frac{U}{1 + de^{-rN(t)}}, \quad (4)$$

где $\mathbf{d}$ – параметр, задающий стартовую долю ценности; γ – параметр, задающий скорость исчерпания потенциала роста ценности блага; $\mathbf{S}_t$ – максимальное значение ценности расширенного блага в период t .

Ценность расширенного блага возрастает в зависимости от двух переменных – ценности простого блага и течения времени:

$$S_t = Y(t) \times U_t, \quad (5)$$

где $Y(t)$ – коэффициент относительной ценности расширенного блага в период t ($t = 2 \dots T$).

Модель исходит из того, что существует некоторый максимум отношения ценности расширенного блага к ценности простого ($1+Y$). Первоначально, в момент вывода на рынок расширенной версии блага ($t = 2$), разница между ценностью расширенного блага (S_t) и ценностью простого блага (U_t) чрезвычайно мала – их величины фактически совпадают ($Y(t) \approx 1$). Однако с течением времени, когда потребители начинают осознавать преимущества расширенной версии, коэффициент относительной ценности расширенной версии увеличивается, стремясь к уровню насыщения ($1+Y$). Эта зависимость описывается формулой:

$$Y(t) = \left(1 + Y \frac{t - 1,99}{t - 0,01}\right), \quad (6)$$

где Y – максимальный коэффициент увеличения ценности расширенного блага по сравнению с простым.

Влияние времени на относительную ценность расширенного блага постепенно возрастает – от близкого к нулю в момент начала распространения расширенного блага ($t = 2$) до значительного при $t > 20$.

Объем продаж

$Q(t)$ – общий объем выпуска блага в период t ($t = 1 \dots T$) определяется как сумма выпуска простого и расширенного блага:

$$Q(t) = k(t) + m(t). \quad (7)$$

Приращение количества потребителей простого блага в каждый период времени зависит от количества пользователей, которые еще не приобрели данное благо к началу рассматриваемого периода ($N - N(t)$), количества продаж расширенного блага в данный период ($m(t)$) и текущей ценности блага (U_t):

$$k(t) = \max\left\{0; f \times \frac{N - N(t) - m(t)}{1 + we^{-\lambda U_t}}\right\}, \quad (8)$$

где f – коэффициент интенсивности спроса на простое благо, $f < 1$.

Затраты:

I_i – приведенные к началу реализации проекта ($t = 0$) капитальные вложения i -го поставщика;

F_i – текущие постоянные затраты на выпуск продукции i -го поставщика;

V_i – удельные переменные затраты на выпуск единицы продукции i -го поставщика;

Капитальные вложения двух поставщиков принимаются равными:

$$I_1 = I_2 = I.$$

Постоянные текущие затраты на выпуск продукта равны:

$$F_1 = F_2 = F;$$

$Q_i(t)$ – объем выпуска i -го поставщика в период t ($i = 1, 2$) складывается из выпуска простой и расширенной версии блага:

$$Q_i(t) = k_i(t) + m_i(t). \quad (9)$$

Переменные затраты i -го поставщика на выпуск продукта в период t прямо пропорциональны объему выпуска:

$$V_i(t) = V \times Q_i(t) = V \times (k_i(t) + m_i(t)). \quad (10)$$

Общий объем предоставления простого блага рассчитывается по формуле (8). Объем предоставления простого блага делится между поставщиками поровну:

$$k_1(t) = k_2(t);$$

$$k_i(t) = 0,5 \times k(t).$$

Будем исходить из предположения, что поставщики могут проводить как кооперированную, так и некооперированную ценовые стратегии. При этом в случае ценовой конкуренции поставщик, предлагающий свой продукт по более высокой цене, позиционирует его как более престижный;

$P_i(t)$ – цена реализации единицы расширенного блага в период t , назначаемая i -м поставщиком;

a_i – отношение устанавливаемой i -м поставщиком цены единицы расширенного блага к его текущей максимальной ценности, $a_i < 1$:

$$P_i(t) = a_i \times S_t. \quad (11)$$

Предполагается, что коэффициент « a_i », определяющий стратегию ценообразования, не зависит от времени.

Общий объем продаж расширенного блага в период t – $m(t)$ зависит от максимальной текущей ценности блага (S_t), числа потребителей, которые еще не приобрели данную версию ($N - M(t)$), и среднего уровня цен ($(a_1 + a_2)/2$):

$$m(t) = h \left(1 - \frac{a_1 + a_2}{2} \right) \times \frac{N - M(t)}{1 + w e^{-\lambda S_t}}, \quad (12)$$

где h – коэффициент интенсивности спроса на расширенное благо, $h < 1$.

Объем продаж делится между поставщиками в зависимости от уровня назначаемых ими цен и от эластичности спроса по цене:

$$\frac{m_1(t)}{m_2(t)} = \frac{P_2^L(t)}{P_1^L(t)} = \frac{a_2^L}{a_1^L},$$

где L – показатель степени эластичности спроса по цене, $L \geq 0$.

Соответственно:

$$m_1(t) = \frac{a_2^t}{a_1^t + a_2^t} m(t), \quad m_2(t) = \frac{a_1^t}{a_1^t + a_2^t} m(t). \quad (13)$$

Чистая приведенная стоимость проекта для каждого поставщика:

$$NPV_i(t) = -I + \sum_{j=1}^t [P_i(j) \times m_i(j) - V \times Q_i(j) - F] \times (1+r)^{-j}, \quad (14)$$

В табл. 1 представлены значения параметров модели для компьютерного эксперимента.

Таблица 1

Значения параметров модели для компьютерного эксперимента

Временные параметры	
Продолжительность периода, месяцев (T)	48
Ставка дисконтирования с учетом инфляции, в месяц (r)	1%
Затраты	
Капитальные вложения каждого поставщика (I _i)	250 000 000 руб.
Постоянные затраты (F)	20 000 000 руб./пер.
Удельные переменные затраты (V)	100 руб./ед.
Ценность продукции	
Предельная ценность простого блага для потребителя (U)	1800 руб./ед.
Параметр, задающий стартовую долю ценности простого блага (d)	1800
Параметр исчерпания потенциала роста ценности простого блага (γ)	0,001
Максимальный коэффициент увеличения ценности расширенного блага по сравнению с простым (Y)	3
Параметр, задающий стартовую долю спроса (w)	2500
Параметр исчерпания потенциала роста спроса (λ)	0,005
Спрос на продукцию	
Максимально возможное число потребителей блага (N)	1 000 000
Коэффициент интенсивности спроса на простое благо (f)	0,9
Коэффициент интенсивности спроса на расширенное благо (h)	0,4

Результаты компьютерного эксперимента

Компании могут придерживаться как кооперированной, так и конкурентной ценовой политики. Если они сумеют договориться, то с арифметической точки зрения наиболее выгодной ценовой политикой будет политика одинаковой умеренно высокой цены. В табл. 2 представлены максимальные значения показателя суммарного NPV для различных значений управляемого параметра «а».

Как видим, политика умеренно высокой цены ($a_1 = a_2 = 0,75$) позволяет добиться максимального из возможных значений показателя NPV и одновременно сократить время достижения этого максимума по сравнению с политикой высоких цен.

Таблица 2

Максимальные значения NPV (картель)

а	Максимум суммарного NPV	Период
0,3	Окупаемость не достигается	
0,5	702 773 869	26
0,75	1 758 078 309	39
0,9	1 187 902 630	48

Источник: результаты компьютерного эксперимента

Однако политика поддержания умеренно высоких цен создает угрозу выхода на рынок конкурентов, которые могут воспользоваться набранной в первые периоды критической массой пользователей и оттянуть на себя значительную часть выгоды.

Если компании придерживаются конкурентной ценовой политики, то общий суммарный выигрыш будет существенно меньше (табл. 3), а распределение потребителей между ними будет зависеть от степени эластичности спроса по цене – L .

Таблица 3

Максимальные значения чистой приведенной стоимости проекта при разном уровне эластичности спроса по цене

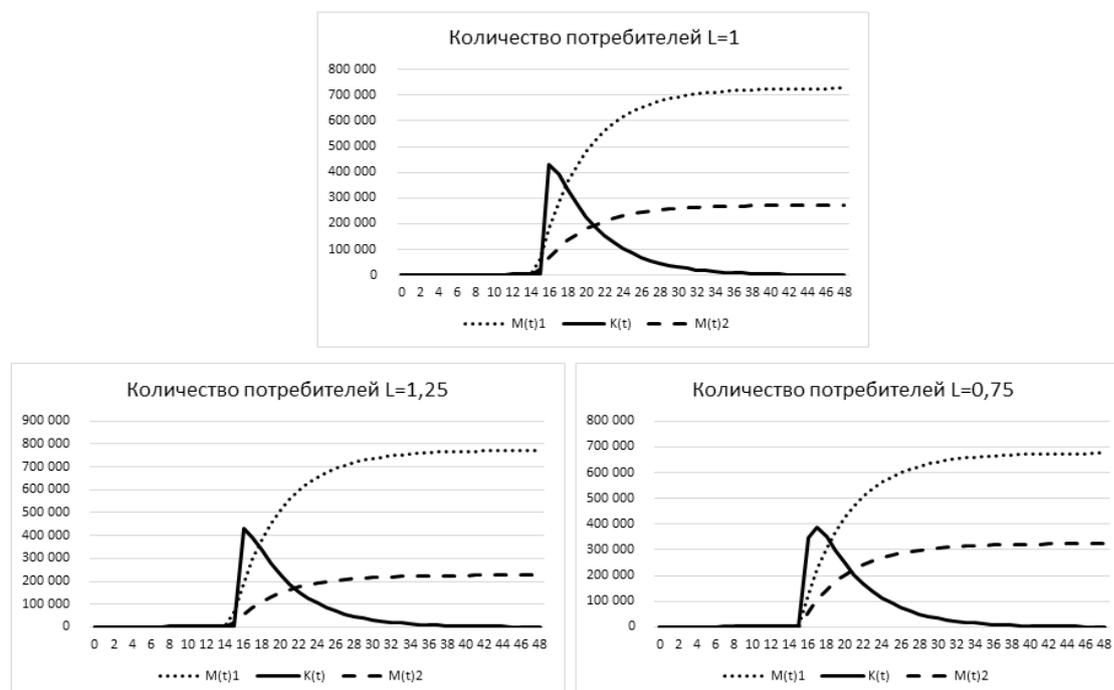
L = 0,75					
Номер периода	25	26	27	28	29
NPV ₁ (a = 0,3)	146 508 558	149 399 158	149 030 021	146 032 771	140 922 177
NPV ₂ (a = 0,8)	430 841 379	439 705 548	444 196 210	445 152 058	443 256 591
NPV ₁ + NPV ₂	577 349 937	589 104 706	593 226 231	591 184 829	584 178 769
L = 1					
NPV ₁ (a = 0,3)	212 976 689	217 285 905	218 071 234	216 013 325	211 666 913
NPV ₂ (a = 0,8)	247 169 512	252 128 618	253 441 580	251 812 045	247 813 423
NPV ₁ + NPV ₂	460 146 201	469 414 522	471 512 814	467 825 370	459 480 336
L = 1,25					
NPV ₁ (a = 0,3)	272 460 606	278 039 375	279 857 864	278 640 592	274 978 065
NPV ₂ (a = 0,8)	82 797 174	84 261 544	82 730 707	78 787 452	72 906 667
NPV ₁ + NPV ₂	355 257 780	362 300 919	362 588 571	357 428 045	347 884 732

Источник: результаты компьютерного эксперимента.

На рис. 1 показано распределение потребителей между поставщиком, придерживающимся политики низких цен (1 поставщик), и поставщиком, продающим свою продукцию по высоким ценам (2 поставщик), при различных значениях эластичности спроса по цене.

По оси абсцисс отложено количество периодов, по оси ординат – распределение количества потребителей между бесплатными благами ($K(t)$), количеством продаж по низким ценам ($M_1(t)$) и количеством продаж по высоким ценам ($M_2(t)$).

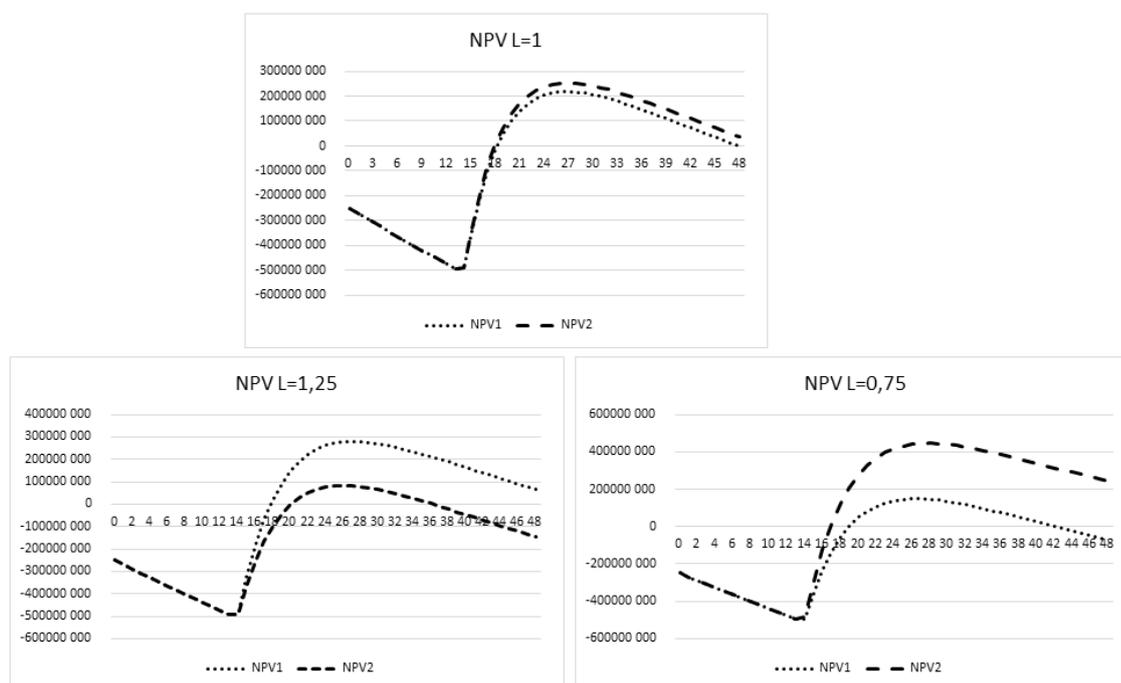
Чем выше эластичность спроса по цене ($L > 1$), тем больше потребителей выбирают блага по низким ценам. Чем меньше зависимость спроса от цены ($L < 1$), тем выше доля покупателей расширенного блага. Соответственно, стратегия низких цен выгодна в условиях высокой эластичности спроса по цене ($NPV_1 > NPV_2$), а стратегия высоких цен – в условиях слабой зависимости спроса от цены ($NPV_2 > NPV_1$). В условиях распределения объема продаж пропорционально ценам ($L = 1$) обе стратегии становятся относительно равновыгодными (стратегия высоких цен чуть более выгодна).

Рис. 1. Количество потребителей простого и расширенного блага в условиях разной ценовой политики

На рис. 2 показана динамика чистой приведенной стоимости проекта при разных значениях степени эластичности спроса от цены.

По оси абсцисс отложен временной ряд, по оси ординат – значение чистой приведенной стоимости проекта для поставщиков, придерживающихся политики низких (1 поставщик) и высоких (2 поставщик) цен.

Рис. 2. Чистая приведенная стоимость проекта для разных поставщиков в условиях разной ценовой политики в зависимости от степени эластичности спроса по цене

Как видим, во всех трех случаях максимальное значение чистой приведенной стоимости проекта достигается для обоих поставщиков раньше окончания жизненного цикла продукта.

Обсуждение

С чисто арифметической точки зрения компаниям выгодно придерживаться кооперированной политики поддержания умеренно высоких цен. Однако кооперированная политика относительно высоких цен имеет два недостатка. Во-первых, она может быть эффективной только в условиях высокого доверия поставщиков друг к другу (дилемма заключенного). Во-вторых, в этих условиях велика вероятность выхода на рынок конкурентов-имитаторов, которые, опираясь на низкие цены, могут оттянуть на себя значительную долю рынка.

Если два поставщика придерживаются разных ценовых политик: один набирает прибыль за счет большого объема продаж при низких ценах за единицу блага, а другой – за счет высокой прибыли на единицу продукции, суммарная чистая приведенная стоимость проектов оказывается ниже, чем при кооперированной ценовой политике. При этом распределение общего выигрыша существенно зависит от эластичности спроса по цене. В условиях высокой эластичности спроса по цене ($L > 1$) относительно низкие цены на благо компенсируются объемом продаж и чистая приведенная стоимость проекта оказывается выше у поставщика, придерживающегося политики низких цен. Если эластичность спроса по цене относительно низкая ($L < 1$), больший выигрыш получает поставщик, придерживающийся политики высоких цен. При распределении объема продаж пропорционально ценам ($L = 1$) обе стратегии становятся сопоставимыми по показателю чистой приведенной стоимости (стратегия высоких цен чуть более выгодна).

В условиях разных ценовых политик общая сумма выигрыша от продаж будет существенно выше в условиях низкой эластичности спроса по цене ($L < 1$). Самая низкая сумма чистых приведенных стоимостей проекта будет иметь место в условиях высокой эластичности спроса по цене ($L > 1$). При заданных в нашей числовой задаче параметрах первая превышает вторую более чем в 1,6 раза.

Соответственно, в определенных условиях (существенной угрозе выхода на рынок конкурентов) может иметь смысл проводить кооперированную ценовую политику, позиционировать один из товаров (дорогой) как эксклюзивный и играть на эффекте демонстративного потребления. При этом поставщик дорогого (престижного) товара может отдать часть своего выигрыша поставщику дешевого блага. В этом случае максимальная сумма компенсации будет равна разности между максимальной чистой приведенной стоимостью проекта для поставщика дешевого блага (в условиях сильной эластичности спроса по цене) и реальным значением данного показателя.

Если угроза выхода на рынок конкурентов достаточно велика, имеет смысл проводить картельную политику средних цен или кооперированную стратегию дифференцированных цен. После достижения максимального значения суммарной чистой приведенной стоимости проекта имеет смысл прекратить выпуск и продажи блага и предложить рынку новый продукт.

Общие выводы

Проведенный анализ показал выгодность реципрокных отношений между дуополистами в период формирования рынка сетевых благ. Достигаемое за счет совместных усилий производителей сокращение периода формирования критической массы потребителей отвечает интересам не только поставщиков, но и потребителей, поскольку при этом ускоряется рост полезности сетевого блага. На протяжении всего моделируемого периода сохраняется заинтересованность дуополистов в кооперативном взаимодействии в сфере ценообразования.

1. Наиболее выгодной является кооперированная политика умеренно высоких цен обоим поставщикам. Однако такая политика связана с высокими рисками как нарушения картельного соглашения одним из поставщиков (дилемма заключенного), так и выхода на рынок других игроков (имитаторов), которые могут за счет более низких цен отобрать значительную долю рынка, разогретого разработчиками блага.

2. В условиях угрозы выхода на рынок новых игроков выгодной для обоих поставщиков может являться кооперированная ценовая политика, заключающаяся в искусственном противопоставлении предлагаемых к продаже благ как престижной и простой модели. Чем ниже будет эластичность спроса по цене, тем больший суммарный выигрыш получают обе компании. При этом больший выигрыш достанется компании – поставщику «престижного» блага. В условиях равной переговорной силы сторон эта диспропорция может быть исправлена выплатой компенсации партнеру-конкуренту.

3. По истечении некоторого периода времени для обоих поставщиков чистая приведенная стоимость проекта начинает снижаться. В этих условиях им самим становится выгодно предложить рынку благо-субститут, чтобы вновь инициировать спрос на продукт со стороны пользователей, которые уже приобрели первоначальное благо.

4. Если дифференциация предлагаемого блага невозможна в силу его физических свойств (например, качество системы связи), обеим компаниям выгодно придерживаться стратегии сопоставимых цен. Уровень этих цен будет зависеть от степени доверия поставщиков друг другу и вероятности быстрого выхода на рынок новых игроков.

5. В условиях отказа дуополистов от кооперативного взаимодействия ответ на вопрос о том, кому достанется основной выигрыш в конкурентной борьбе, зависит от того, насколько поставщик, выбравший стратегию высоких цен, сможет убедить потребителей в эксклюзивности (престижности) поставляемой им модели и тем самым снизить эластичность спроса по цене.

ЛИТЕРАТУРА

- Дементьев, В. Е., Евсюков, С. Г., Устюжанина, Е. В. (2018). Модель ценообразования на рынке сетевых благ в условиях дуополистической конкуренции // *Экономика и математические методы*, 54(1), 26–42.
- Евсюков, С. Г., Сигарев, А. С., Устюжанина, Е. В. (2016). Модель динамического ценообразования на рынке сетевых благ в условиях монополии поставщика // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*, 9(30), 2–18.
- Комарова, И. П., Новикова, Е. С., Устюжанина, Е. В. (2017). Экономика взаимности: хорошо забытое новое // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*, 5(95), 3–11.
- Поланьи, К. (2002). Экономика как институционально оформленный процесс // *Экономическая социология*, 3(2), 62–73.
- Розанова, Н. М., Буличенко, Д. А. (2011). Конкуренция в телекоммуникационной отрасли: сетевой рынок в условиях продуктовой дифференциации // *Terra Economicus*, 9(1), 17–32.
- Стрелец, И. А. (2017). Мультипликационные эффекты в сетях // *Мировая экономика и международные отношения*, 61(6), 77–83.
- Arthur, W. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events // *Economic Journal*, 99(394), 16–131.
- Bensaid, B., Lesne, J.-P. (1996). Dynamic monopoly pricing with network externalities // *International Journal of Industrial Organization*, 14(6), 837–855.
- Besen, S. M., Farrell, J. (1994). Choosing how to compete: Strategies and tactics in standardization // *Journal of economic perspectives*, 8(2), 117–131.

- Botsman, R., Rogers, R. (2010). *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*. HarperBusiness.
- Brynjolfsson, E., Kemerer, C. F. (1996). Network Externalities in Microcomputer Software: An Econometric Analysis of the Spreadsheet Market // *Management Science*, 42(12), 1627–1647.
- Cabral, L. (2011). Dynamic Price Competition with Network Effects // *Review of Economic Studies*, 78(1), 83–111.
- Cabral, L., Salant, D., Woroch, G. (1999). Monopoly pricing with network externalities // *International Journal of Industrial Organization*, 17(2), 199–214.
- Chellappa, R. K., Mehra, A. (2017). Cost Drivers of Versioning: Pricing and Product Line Strategies for Information Goods // *Management Science*, 64(5), 2164–2180.
- Economides, N. (1996). The economics of networks // *International Journal of Industrial Organization*, 14(2), 673–699.
- Economides, N., Mitchell, M., Skrzypacz, A. (2004). *Dynamic Oligopoly with Network Effects* (http://www.stern.nyu.edu/networks/Dynamic_Duopoly_with_Network_Effects.pdf – Дата обращения: 05.09.2018).
- Elmaghraby, W., Keskinocak, P. (2003). Dynamic pricing: Research overview, current practices and future directions // *Management Science*, 49(10), 1287–1309.
- Farrell, J., Saloner, G. (1985). Standardization, Compatibility, and Innovation // *Rand Journal of Economics*, 16(1), 70–83.
- Fudenberg, D., Tirole, J. (2000). Customer Poaching and Brand Switching // *The RAND Journal of Economics*, 31(4), 634–657.
- Ghose, A., Sundararajan, A. (2005). Software Versioning and Quality Degradation? An Exploratory Study of the Evidence // *CEDER Working Paper №. CeDER-05-20* (<https://ssrn.com/abstract=786005> – Accessed on September 9, 2019).
- Haruvy, E., Prasad, A. (2001). Optimal freeware quality in the presence of network externalities: an evolutionary game theoretical approach // *Journal of Evolutionary Economics*, 11(2), 231–248.
- Jing, B. (2003). Market Segmentation for Information Goods with Network Externalities // *Information Systems Working Papers Series* (<https://ssrn.com/abstract=1281325> – Accessed on September 9, 2019).
- Katz, M. L., Shapiro, C. (1985). Network Externalities, Competition, and Compatibility // *American Economic Review*, 75(3), 424–440.
- Katz, M. L., Shapiro, C. (1986). Technology Adoption in the Presence of Network Externalities // *The Journal of Political Economy*, 94(4), 822–841.
- Liu, C., Kemerer, C., Slaughter, S., Smith, M. (2012). Standards competition in the presence of digital conversion technology: an empirical analysis of the flash memory card market // *MIS Quarterly*, 36(3), 921–942.
- Nault, B. R., We, X. (2005). *Product Differentiation and Market Segmentation of Information Goods* (<https://ssrn.com/abstract=909604> – Accessed on October 5, 2019).
- Oren, S., Smith, S. A. (1981). Critical Mass and Tariff Structure in Electronic Communications Markets // *Bell Journal of Economics*, 72(2), 467–86.
- Proserpio, D., Xu, W., Zervas, G. (2018). *You Get What You Give: Theory and Evidence of Reciprocity in the Sharing Economy* (<https://ssrn.com/abstract=3203144> – Accessed on August 25, 2019).
- Rottner, R. M., Eberhart, R. (2018). *Reciprocal Community Benefits: Community Engagement, Employment, and New Firm Outcomes* (<https://ssrn.com/abstract=3246455>).
- Shapiro, C., Varian, H. R. (2013). *Information Rules: A Strategic Guide to the Network Economy*. Brighton: Harvard Business Review Press.

REFERENCES

- Arthur, W. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *Economic Journal*, 99(394), 16–131.
- Bensaid, B., Lesne, J.-P. (1996). Dynamic monopoly pricing with network externalities. *International Journal of Industrial Organization*, 14(6), 837–855.
- Besen, S. M., Farrell, J. (1994). Choosing how to compete: Strategies and tactics in standardization. *Journal of economic perspectives*, 8(2), 117–131.
- Botsman, R., Rogers, R. (2010). *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*. HarperBusiness.
- Brynjolfsson, E., Kemerer, C. F. (1996). Network Externalities in Microcomputer Software: An Econometric Analysis of the Spreadsheet Market. *Management Science*, 42(12), 1627–1647.
- Cabral, L. (2011). Dynamic Price Competition with Network Effects. *Review of Economic Studies*, 78(1), 83–111.
- Cabral, L., Salant, D., Woroch, G. (1999). Monopoly pricing with network externalities. *International Journal of Industrial Organization*, 17(2), 199–214.
- Chellappa, R. K., Mehra, A. (2017). Cost Drivers of Versioning: Pricing and Product Line Strategies for Information Goods. *Management Science*, 64(5), 2164–2180.
- Dementiev, V. E., Evsukov, S. G., Ustyuzhanina, E. V. (2018). A pricing model in the market for network goods in terms of duopolistic competition. *Economics and mathematical methods*, 54(1), 26–42. (In Russian.)
- Economides, N. (1996). The economics of networks. *International Journal of Industrial Organization*, 14(2), 673–699.
- Economides, N., Mitchell, M., Skrzypacz, A. (2004). *Dynamic Oligopoly with Network Effects* (http://www.stern.nyu.edu/networks/Dynamic_Duopoly_with_Network_Effects.pdf – Accessed on September 5, 2018).
- Elmaghraby, W., Keskinocak, P. (2003). Dynamic pricing: Research overview, current practices and future directions. *Management Science*, 49(10), 1287–1309.
- Evsukov, S. G., Sigarev, A. S., Ustyuzhanina, E. V. (2016). Model of dynamic pricing of network goods in a monopoly provider. *Financial Analytics: problems and solutions*, 9(30), 2–18. (In Russian.)
- Farrell, J., Saloner, G. (1985). Standardization, Compatibility, and Innovation. *Rand Journal of Economics*, 16(1), 70–83.
- Fudenberg, D., Tirole, J. (2000). Customer Poaching and Brand Switching. *The RAND Journal of Economics*, 31(4), 634–657.
- Ghose, A., Sundararajan, A. (2005). Software Versioning and Quality Degradation? An Exploratory Study of the Evidence. *CEDER Working Paper No. CeDER-05-20* (<https://ssrn.com/abstract=786005> – Accessed on September 9, 2019).
- Haruvy, E., Prasad, A. (2001). Optimal freeware quality in the presence of network externalities: an evolutionary game theoretical approach. *Journal of Evolutionary Economics*, 11(2), 231–248.
- Jing, B. (2003). Market Segmentation for Information Goods with Network Externalities. *Information Systems Working Papers Series* (<https://ssrn.com/abstract=1281325> – Accessed on September 9, 2019).
- Katz, M. L., Shapiro, C. (1985). Network Externalities, Competition, and Compatibility. *American Economic Review*, 75(3), 424–440.
- Katz, M. L., Shapiro, C. (1986). Technology Adoption in the Presence of Network Externalities. *The Journal of Political Economy*, 94(4), 822–841.

- Komarova, I. P., Novikova, E. S., Ustyuzhanina, E. V. (2017). Economy of reciprocity: the well-forgotten new. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of economics*, 5(95), 3–11. (In Russian.)
- Liu, C., Kemerer, C., Slaughter, S., Smith, M. (2012). Standards competition in the presence of digital conversion technology: an empirical analysis of the flash memory card market. *MIS Quarterly*, 36(3), 921–942.
- Nault, B. R., We, X. (2005). *Product Differentiation and Market Segmentation of Information Goods* (<https://ssrn.com/abstract=909604> – Accessed on October 5, 2019).
- Oren, S., Smith, S. A. (1981). Critical Mass and Tariff Structure in Electronic Communications Markets. *Bell Journal of Economics*, 72(2), 467–86.
- Polanyi, K. (2002). Economics as Institutionally Formed Process. *Journal of Economic Sociology*, 2(2), 62–73. (In Russian.)
- Proserpio, D., Xu, W., Zervas, G. (2018). *You Get What You Give: Theory and Evidence of Reciprocity in the Sharing Economy* (<https://ssrn.com/abstract=3203144> – Accessed on August 25, 2019).
- Rottner, R. M., Eberhart, R. (2018). *Reciprocal Community Benefits: Community Engagement, Employment, and New Firm Outcomes* (<https://ssrn.com/abstract=3246455>).
- Rozanova, N. M., Bulichenko, D. A. (2011). Competition in the telecommunication industry: network market under conditions of product differentiation. *Terra Economicus*, 9(1), 17–32. (In Russian.)
- Shapiro, C., Varian, H. R. (2013). *Information Rules: A Strategic Guide to the Network Economy*. Brighton: Harvard Business Review Press.
- Strelets, I. A. (2017). Multiplier Effects in Networks. Animated effects in networks. *World Economy and International Relations*, 61(6), 77–83. (In Russian.)

КОДЕКС РИТУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ¹

Александр Викторович ШМАКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: a.shmakov@mail.ru

Цитирование: Шмаков, А. В. (2019). Кодекс ритуального поведения в контексте цифровой трансформации экономики // *Terra Economicus*, 17(4), 41–61. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-41-61

Данная статья посвящена формированию подхода к оценке эффектов, возникающих в результате изменения кодекса межличностного ритуального поведения. Появление новых институциональных практик в результате цифровой трансформации экономики оказывает существенное воздействие на качество жизни населения и иные экономические показатели. Спонтанно деформированные практики межличностного ритуального взаимодействия должны быть институционализированы. При этом существующий инструментарий не позволяет в полной мере оценить создаваемые эффекты, а следовательно, эффективно регулировать протекающие процессы. В начале данной статьи предложено определение понятия «ритуал», акцентировано внимание на описании ритуалов как элемента светской культуры. Отмечено, что для ритуалов свойственна определенная степень прагматичности. Анализ функций ритуалов, описанных социологами, позволил предположить, что в рамках экономической логики их можно редуцировать до функции снижения транзакционных издержек в процессе взаимодействия членов группы. Как следствие предложено понятие эффективности ритуалов межличностного взаимодействия, сводящееся к оценке степени, в которой с их помощью посредством экономии транзакционных издержек создается дополнительное богатство, которое теми или иными способами распределяется между членами группы. Данная трактовка эффективности ритуалов обязывает уточнить состав учитываемых транзакционных издержек. В структуре транзакционных издержек выделены процедурные транзакционные издержки и поведенческие транзакционные издержки. Классификация процедурных транзакционных издержек осуществлена в соответствии с устоявшимся подходом, опирающимся на характер транзакций. При классификации поведенческих транзакционных издержек предложено опираться на виды адаптированности личности. Осуществлено разграничение интраперсональных и интерперсональных поведенческих транзакционных издержек с дальнейшим внутригрупповым делением.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00195.

Ключевые слова: ритуал; цифровая трансформация; качество жизни; эффективность ритуала; транзакционные издержки; процедурные транзакционные издержки; поведенческие транзакционные издержки

CODE OF RITUAL BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF ECONOMY

Alexandr V. SHMAKOV,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: a.shmakov@mail.ru

Citation: Shmakov, A. V. (2019). Code of ritual behavior in the context of digital transformation of economy. *Terra Economicus*, 17(4), 41–61. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-41-61

This article discusses the effects of changing the code of ritual behavior. The digital transformation of the economy leads to a change in the rules of behavior. Changes in these rules have a significant impact on the people's quality of life and other economic indicators. New rules of behavior, new rituals of interpersonal communication should be fixed in new institutions. Unfortunately, modern economic and sociological methods make it impossible to estimate the effects of changes in the code of ritual behavior. However, we should conduct such estimation to regulate digital transformation processes. In the first section of this article, the author suggests the definition of a ritual of profane culture. It is noted that rituals are pragmatic. The author analyzed the sociological functions of rituals and concluded that the main economic function of rituals is to reduce the transaction costs of interpersonal communication. He proposes to estimate how interpersonal rituals save transaction costs and, on this basis, makes a conclusion about the level of their effectiveness. It is necessary to specify the composition of transaction costs in order to estimate the effectiveness of rituals in this way. Transaction costs are divided into procedural transaction costs and behavioral transaction costs. Procedural transaction costs are classified according to the type of transaction. The classification of behavioral transaction costs is based on the types of personality adaptation. Behavioral transaction costs are divided into intrapersonal and interpersonal transaction costs.

Keywords: ritual; digital transformation; quality of life; effectiveness of the ritual; transaction costs; procedural transaction costs; behavioral transaction costs

JEL classifications: D63, D74, D91, E71

Постановка проблемы

Развитие концепции социального капитала привело к признанию в качестве факторов, влияющих на экономические результаты и качество жизни населения, ряда социально-психологических феноменов, в том числе ритуалов межличностного взаимодействия. Поскольку одним из последствий цифровой трансформации экономи-

ки является существенное изменение данных факторов, представляется актуальной работа по описанию и оценке оказываемого воздействия (Литвинцева, 2018). Смена кодекса межличностного ритуального поведения, происходящая в результате цифровой трансформации экономики, приводит к использованию новых институциональных практик со значительным опережением их научного осмысления. Существующий инструментарий не позволяет в полной мере оценить создаваемые эффекты. Формирование подхода к оценке воздействия ритуалов межличностного взаимодействия на качество жизни населения может способствовать осознанной трансформации кодекса межличностного поведения, что необходимо для институционализации модифицированных в результате цифровизации социальных практик. В связи с этим представляется актуальной разработка методических основ для оценки влияния цифровой трансформации экономики на социальные институты и качество жизни населения в Российской Федерации.

Исследование ритуальной организации общества традиционно осуществлялось социологами, антропологами, этнографами, культурологами, начиная с Э. Дюркгейма, М. Мосса, А. Юбера, Р. Герца, А. Ганнепа, Дж. Фрэзера, Э. Гофмана и др. и активно развивается современными учеными: П. Бурдьё, М. Виздом, Т. Карсоном, А. Шаколчай, А. Мэджидой, М. Дэфлемом, Р. Граймсом и др. Отдельные вопросы затронуты в работах представителей институционального направления: М. Вебера, Д. Норта, М. Олсона, Э. Де Сото, Дж. Ходжсона, В.В. Вольчика, С.Г. Кирдиной, Р.М. Нуреева, В.Л. Тамбовцева, А.Е. Шаститко и др. Однако более активное использование концепций институциональной и поведенческой экономики способно сориентировать исследования в области анализа ритуальной организации общества на повышение эффективности социальных контактов и рост качества жизни населения через поддержание целостности и сплоченности социальных групп. В статье предлагается использование подходов и методов неинституциональной экономической теории к анализу социально-экономических проблем.

В рамках работы предполагается решение следующих задач:

- 1) предложить определение понятия «ритуал», подходящее для анализа ритуалов как элемента светской культуры;
- 2) выявить функции ритуалов межличностного взаимодействия, характеризующие направления их воздействия на качество жизни населения;
- 3) сформировать понятие эффективности ритуалов межличностного взаимодействия;
- 4) уточнить понятие и состав транзакционных издержек, используемых при определении эффективности ритуалов межличностного взаимодействия.

Понятие ритуала как элемента светской культуры

Сопоставление используемых в научной литературе определений термина «ритуал» позволило выделить ключевые слова, характеризующие содержание описываемого понятия: «символическое поведение», «стереотипная последовательность действий», «социальные взаимоотношения», «выражение социально-культурных ценностей», «социально регулируемые» (см. работы С. Силва (Silva, 2013), Р. Фирта (Firth, 1951), В. Фукса (Fuchs-Heinritz, 1978), Дж. и А. Тодорсонов (Theodorson, Theodorson, 1969) и др.). Ориентируясь на данные характеристики, предлагается в качестве рабочего определения ритуала использовать следующее: *ритуал* – это регулируемая обществом стереотипная последовательность символических действий, осуществляемых в ходе социальных взаимоотношений, выражающая определенные социально-культурные ценности.

Под ритуалом традиционно понимается некий культурно обусловленный набор стандартизированных действий символического содержания, выражающий определенные ценности или проблемы группы. Поскольку в отдаленном прошлом данные

ценности были тесно связаны с религиозными представлениями, ритуалы имели преимущественно религиозный характер. Понятие «ритуал» использовалось для обозначения правил организации взаимодействия исключительно с сакральным миром. В современном мире религиозные представления уступают место научному мировоззрению, однако ритуальной значимостью стали наделяться предметы, социально значимые для реализации светских целей (Рэдклифф-Браун, 2001). Ослабление влияния церкви не уменьшило потребности людей в совершении ритуальных действий. В связи с этим меньше внимания стало уделяться изучению религиозно-символического характера ритуалов. Во главу угла встало рассмотрение ритуалов как формы символического поведения, воздействующей на процессы социализации. Соответственно изменилось и определение понятия «ритуал», из него постепенно вытесняется представление о ритуале как об исключительно религиозном действии. Г.А. Левинтон отмечает, что высшей степенью ритуализации являются обряды, а низшей – обычаи, регламентирующие повседневную жизнь, между ними располагаются переходные формы поведения (Левинтон, 1988: 53).

Г. Гарфинкель указывает на то, что ритуальное поведение используется в большинстве жизненных ситуаций (Garfinkel, 1967). В современном обществе распространены церемониальные формы официальных и бытовых отношений. Например, приветствуя знакомых, мы совершаем стереотипную последовательность символических действий, не задумываясь об их смысле и происхождении, используем традиционные фразы и жесты. Правила этикета, дипломатический протокол, принятие присяги, типовые реакции на определенные ситуации в бытовом общении и т.п. дают представление о распространенности ритуальных форм поведения в светской жизни. Необходимо признать, что наряду с традиционными ритуалами религиозной культуры существуют современные ритуалы светской социальной культуры. Следовательно, ритуальные формы поведения можно назвать общекультурными универсалиями, учитывая, однако, что эмоциональное и рациональное наполнение ритуалов коренным образом меняются.

Анализируя функции ритуалов, нельзя не согласиться, что часть из них предписывает соблюдение поведенческих стереотипов, давно не соответствующих существующей системе социально-культурных ценностей. Такая ситуация может иметь место по разным причинам: начиная с отсутствия необходимого импульса к изменению сложившихся социальных норм, заканчивая негибкостью существующей институциональной структуры. Однако в историческом контексте зарождение и соблюдение данных ритуалов может быть объяснено в рамках экономической логики. Например, Р. Мертон рассматривал выполнение ритуальных действий как форму индивидуальной адаптации: соблюдая предписанные обществом ритуальные процедуры, индивид чувствует себя более защищенным (Merton, 1957: 131). Он стремится следовать данным процедурам, даже если внешне они выглядят бессмысленными, поскольку это позволяет встроиться в систему социальных отношений, избежать ряда отрицательных воздействий, от когнитивного диссонанса до социального ostracism. Кроме того, соблюдение ритуалов во многих случаях избавляет нас от необходимости тратить усилия на обдумывание осуществляемых действий. Следовательно, имеются основания предположить, что зарождение и соблюдение ритуалов светской социальной культуры может быть объяснено в рамках экономической логики.

Функции ритуалов

Этнологи отмечают, что ритуалы нередко исполнялись даже в тех случаях, когда члены группы не верили в их действенность, поскольку предполагаемые в них связи противоречили жизненному опыту (Evans-Pritchard, 1976). Это позволяет предположить, что ритуалы выполняют не только сакральные функции, но также оказывают влияние на светские социально-экономические взаимоотношения. Исследователи признают также наличие связи между ритуалами и бытом. Ряд ученых считает, что

ритуальные действия производны от быта, другие предполагают, что ритуалы являются регулятором повседневной жизни. Однако фактически единогласным является признание того факта, что для ритуалов характерен определенный уровень эффективности, они оказываются полезны в социально-экономическом плане (Beattie, 1966: 69). Ритуалы характеризуются некоторой степенью прагматичности: утилитарной либо знаковой (Байбурин, 1993: 26).

Отметим, что прагматичность, полезность ритуалов может выражаться не только в удовлетворения материальных потребностей (Vohs, 2013; Gudeman, 2001). Потребности группы могут носить также знаковый характер. Если утилитарная прагматика подразумевает получение некоторой полезности посредством удовлетворения потребности в материальных благах, то знаковая прагматика – потребности в символических формах. Причем знаковые потребности могут быть не менее, а даже более значимы (Топоров, 1988: 17). С. Лангер указывает, что человеку свойственна специфическая для животного мира потребность – потребность в символизации, удовлетворяемая посредством языка, мифологии, ритуалов и т.д. (Langer, 1956: 70–80). Именно символизация является средством, обеспечивающим кооперацию усилий большого количества индивидов, направленных на решение проблем группы. С помощью ритуалов группа решает важнейшие задачи по воспроизводству символических ценностей (социальных институтов, традиций, статусов и т.д.), что, несомненно, отражается и на бытовом уровне (Malinowski, 1926: 44). Нельзя забывать и об иных регулирующих социально-экономические отношения воздействиях ритуалов, связанных с перераспределением благ, обменом, технологическими процедурами, приспособлением к изменениям внешней среды и т.д.

Социологи отмечают важность использования ритуалов с точки зрения создания условий для устойчивого, эффективного функционирования групп. Вслед за Э. Дюркгеймом (Дюркгейм, 2018) принято выделять четыре основные функции ритуалов.

1. Функция социализации индивидов. Ритуальные действия способствуют формированию в членах группы качеств, необходимых для эффективного взаимодействия внутри группы, облегчают процесс социализации. Выполнение ритуальных действий приучает индивидов соотносить свои интересы с интересами группы, контролировать свое поведение в соответствии с принятыми нормами, подчиняться требованиям коллектива, дисциплинирует, учит подавлять импульсивность поведения, приводит к шаблонизации внешних форм поведения (Maret, 1914) и интериоризации социокультурных норм (Сарингулян, 1968: 136–137), тем самым облегчая процессы социального взаимодействия, способствуя социальному освоению пространственной среды (Левкович, 1970).

2. Интегрирующая функция. Выполнение ритуальных действий способствует формированию в группе чувства солидарности, взаимосвязанности, единства между ее членами. Формирование солидарности способствует росту эффективности коммуникаций, а также интеграции действий, направленных на достижение общих целей группы. Стереотипные ритуальные действия делают поведение участников взаимодействия более привычным и предсказуемым, способствуют упрочению коллективных связей (Абрамян, 1983: 64–65). Помимо этого, ритуалы способствуют сохранению преемственности поколений, установлению информативного и эмоционально-психологического контакта с историческим прошлым (Rapaport, 1971).

3. Воспроизводящая функция. Ритуальные действия способствуют фиксации и воспроизводству системы исторически выработанных культурных значений: поддержанию в обществе системы ценностей, институтов, традиций, иных представлений о правилах социального устройства. Посредством ритуалов осуществляется закрепление за индивидами социальных ролей при включении в группу или изменение их статусов в рамках данных ролей (инициация), поддержание иерархии социальных ролей, статусов, ценностей (Gluckman, 1964). Закрепляются правила иных социальных взаимоотно-

ношений, например, правил осуществления обмена (Etkin, 1964). Исполнение ритуалов способствует актуализации и закреплению опыта социального взаимодействия, легитимации социальных норм (Jensen, 1963).

4. Психотерапевтическая функция. Исполнение ритуалов способствует поддержанию психологического комфорта среди членов группы, сублимации психических напряжений. Испытываемое в ходе ритуалов чувство солидарности, сопричастности психологически помогает лучше справиться с кризисными ситуациями, сохранить единство коллектива. Снижается чувство дискомфорта, вызванного необходимостью адаптации к изменениям (Rappaport, 1971). В случае, когда выбор осуществлялся не самим человеком, а как бы извне, снижается степень дискомфорта в процессе принятия решения (Лотман, 1987: 6).

В рамках экономической логики четыре указанные функции можно свести к функции снижения транзакционных издержек в процессе взаимодействия членов группы. Ритуализацию можно описать как реакцию группы на ситуацию неопределенности (Howe, 2000). Высокая степень неопределенности увеличивает транзакционные издержки взаимодействия между членами группы, в том числе ту часть транзакционных издержек, которую можно обозначить как поведенческие транзакционные издержки. На данном этапе определим поведенческие транзакционные издержки как затраты на адаптивные процессы личности. В качестве реакции на ощущаемые потери личность вырабатывает адаптивную стратегию поведения, направленную на устранение фрустрирующей проблемной ситуации, что подразумевает выбор или формирование порядка поведения, согласие со своей ролью, а также актуализацию необходимых навыков (Мельников, 2011: 28). Одной из подобных стратегий является использование ритуалов, снижающее степень неопределенности. Процессы выбора и поведение людей в целом в определенной степени обусловлены ритуалами, формирующими нормы поведения, в результате использования которых социальные взаимодействия становятся более предсказуемыми. А в ряде случаев, как, например, в случаях с поиском предзнаменований, исполнение ритуалов непосредственно направляет поведение людей.

В результате цифровой трансформации экономики наблюдается смена кодекса ритуального поведения (понимаемого в соответствии с трактовкой Э. Гофмана), что непременно отразится на структуре транзакционных издержек, повлияет на целостность и сплоченность социальных групп. Общество должно сохранить способность мобилизовать своих членов в качестве участников социальных контактов, ритуалы являются одним из апробированных инструментов подобной мобилизации (Whitehouse, 2014). Спонтанно деформированные в результате цифровой трансформации практики межличностного ритуального взаимодействия должны быть институционализированы. Следовательно, необходимо уделить внимание описанию и оценке эффектов, оказываемых деформацией межличностного ритуального поведения на экономические результаты и качество жизни населения, с целью осуществления осмысленной эффективной трансформации кодекса межличностного ритуального поведения.

Понятие эффективности ритуалов. Транзакционные издержки

Ритуалы являются специфической разновидностью институтов, следовательно, в качестве базы при оценке эффективности ритуалов можно использовать подходы к оценке эффективности институтов. В современной экономической науке принято различать три вида эффективности: (1) аллокативную эффективность – эффективность распределения тех или иных ресурсов и экономность их использования; (2) адаптивную эффективность – эффективность, характеризующую успешность в приспособлении различных подсистем к внешнему окружению; (3) синергетическую эффективность – совокупность аллокативной и адаптивной эффективностей, характеризующую увеличивающийся от их взаимодействия эффект и способность институтов сохранять оптимальность распределения ресурсов при изменении экономических ус-

ловий (Сухарев, 2007: 228–262). Можно предположить, что использование ритуалов в большей степени ориентировано на достижение адаптивной эффективности. Однако они оказывают воздействие и на аллокативную эффективность, поскольку перераспределение материальных благ имеет место фактически во всех ритуалах, связанных с жертвоприношениями, обменами и др.

Эффективность ритуала определяется тем, насколько данный ритуал реализует заложенные в нем функции (Руденков, 2015). Поскольку нам удалось свести функции ритуала к снижению трансакционных издержек в процессе взаимодействия членов группы, следовательно, эффективность ритуала можно определить через отношение экономии трансакционных издержек в результате действия ритуала к затратам на осуществление и поддержание указанного ритуала. Максимальная эффективность ритуала достигается при получении наилучшего результата при заданных затратах либо же при получении необходимого результата при минимальных затратах (Петров, 2013: 65). Однако в отношении достаточно сложной системы правил ритуального поведения рассуждения в терминах достижения максимальной эффективности вряд ли продуктивны. Речь скорее идет об относительном увеличении эффективности в результате осуществления ритуальных действий. Ритуалы эффективны, если с их помощью посредством экономии трансакционных издержек создается дополнительное богатство, которое теми или иными способами распределяется между членами группы.

В качестве операционального определения трансакционных издержек будем использовать следующее: *трансакционные издержки* – издержки установления и защиты прав собственности и свобод, принятых в обществе (Тамбовцев, 1996: 58). В дальнейшем мы не станем выделять понятие свобод из совокупности прав собственности, поскольку свободы, являющиеся полноценным элементом богатства, в экономической интерпретации можно характеризовать как собственность. *Права собственности* определим как санкционированные поведенческие отношения между людьми, определяющие возможные способы использования элементов богатства как исключительное право отдельных людей или их групп (Furubotn, 1974: 3). Под *богатством* мы понимаем совокупность всех принадлежащих человеку материальных и нематериальных ценностей. Права собственности, с одной стороны, препятствуют возникновению потерь, появляющихся в результате конфликтов по поводу доступа к элементам богатства, снижая уровень трансакционных издержек, с другой – само поддержание системы прав собственности не является беззатратным, т.е. связано с трансакционными издержками.

Права собственности характеризуют отношения между контрагентами (статусы), поскольку оформляются в виде правил, описывающих, что люди могут, а чего не могут делать с принадлежащим им объектом собственности, а также, что они вправе или не вправе требовать от других людей, желающих использовать данный объект собственности. Смысл этих правил заключается в ограничении или расширении пределов выбора и власти индивидов посредством четырех категорий (Коммонс, 2011).

1. *Свобода* – это данное какому-либо лицу разрешение осуществлять выбор поведения по собственной воле, защищаемое властью коллективных сил посредством недопущения вмешательства других лиц, которые могли бы воспрепятствовать этому частному акту выбора. Свобода означает отсутствие в процессе выбора обязанности, ограничения или принуждения со стороны других лиц.

2. *Право* – это данное какому-либо лицу разрешение распространять свою волю на выбор поведения других лиц, защищаемое властью коллективных сил. Если свобода означает отсутствие ограничений на волю какого-либо лица, то право определяет не просто меру дозволенного поведения данного лица, но и власть диктовать свою волю другим лицам, т.е. не только совершать определенные действия, но и требовать определенного поведения от других лиц.

3. *Обязанность* – это данное какому-либо лицу предписание, определяющее должное или недолжное с его стороны поведение, защищаемое властью коллективных сил. Возникновение права у какого-либо лица неизменно сопровождается возникновением симметричной обязанности по крайней мере у одного из прочих лиц. При этом термин «обязанность» в некоторой степени противоположен термину «свобода»: если обязанность связана для вас с ограничением или принуждением, то свобода – с отсутствием ограничений и принуждения. Однако принуждение все же имеет место: если обязанность принуждает вас соблюдать права других лиц, то свобода заключается в принуждении других лиц не воздействовать на ваш выбор.

4. *Незащищенность* – это данное какому-либо лицу предписание относительно поведения, которое не защищено от вмешательства и возникающего в связи с этим ущерба властью коллективных сил. По сути, незащищенность определяет меру недопустимого либо нежелательного поведения. В случае такого поведения общественные силы могут не только лишить вас защиты, но и спровоцировать ущерб посредством санкций.

Причиной возникновения трансакционных издержек может стать: (1) неопределенность в распределении статусных позиций; (2) непринятие своего статуса одной или обеими сторонами; (3) возникновение противоречий между статусными позициями контрагентов. В первом случае источником трансакционных издержек является отсутствие легитимной системы правоотношений, возникающая борьба за статусы. Во втором случае – действия, направленные на изменение ранее легитимированной системы статусов. В третьем случае – спорные ситуации (конфликты), связанные противоречиями между контрагентами, возникающими при несовпадении их представлений о пределах выбора и власти.

В отношении третьей причины возникновения трансакционных издержек можно добавить, что потенциально бесконфликтными являются комбинации статусов (свобода, незащищенность), (право, обязанность) (табл. 1). Относительно непротиворечивыми являются комбинации статусов (свобода, обязанность), (право, незащищенность). Наиболее конфликтными являются позиции (свобода, свобода), (право, свобода), (право, право). Комбинации статусов (обязанность, обязанность), (обязанность, незащищенность), (незащищенность, незащищенность) также могут стать источником противоречий, однако данные противоречия не обязательно приведут к значительным трансакционным издержкам.

Таблица 1
Зависимость трансакционных издержек от статусов контрагентов

Сторона 1	Сторона 2			
	свобода	право	обязанность	незащищенность
свобода	+	+	-	-
право	+	+	-	-
обязанность	-	-	?	?
незащищенность	-	-	?	?

Виды и состав трансакционных издержек

В структуре трансакционных издержек можно выделить: (1) процедурные трансакционные издержки, (2) поведенческие трансакционные издержки.

1. *Процедурные трансакционные издержки* – затраты, связанные с необходимостью осуществления предусмотренных институциональной средой процедур по установлению и защите прав собственности, а также потери, возникающие в результате нарушения данных процедур.

Классифицируя процедурные трансакционные издержки, исследователи в большинстве случаев отталкиваются от характера трансакций, посредством которых осуществляется передача прав собственности. Трансакцию определим как деятельность человека в форме отчуждения и присвоения прав собственности и свобод, принятых в обществе (Commons, 1931: 652). Трех видам трансакций (Фуруботн, 2005: 57–66) ставятся в соответствие три группы трансакционных издержек (табл. 2).

Таблица 2
Группы процедурных трансакционных издержек в зависимости от вида трансакций

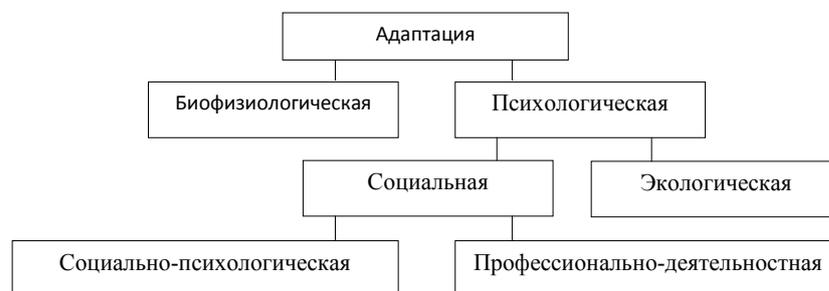
Вид трансакции	Группа трансакционных издержек
Трансакции сделки – подразумевают отношения, возникающие в результате добровольного соглашения между равными по закону сторонами	<p>Рыночные трансакционные издержки – издержки, возникающие при использовании рыночного механизма, т.е. при осуществлении трансакций сделки. Они, в свою очередь, включают:</p> <p>а) издержки поиска и информационные издержки – связаны с поиском и передачей информации о продавцах, покупателях, ценах, качестве продукции до наступления процесса переговоров, с осуществлением коммуникаций будущими сторонами обмена, а также с потерями, обусловленными неполнотой и несовершенством найденной информации;</p> <p>б) издержки ведения переговоров и принятия решений – связаны с ведением переговоров, заключением и оформлением контрактов, а также с потерями из-за неудачно заключенных, плохо оформленных и ненадежно защищенных соглашений;</p> <p>в) издержки мониторинга и обеспечения исполнения контрактов – возникают из-за необходимости мониторинга соблюдения сроков поставок, измерения качества и объемов поставленной продукции и иных условий договора, необходимости защиты прав и обеспечения исполнения условий контракта, а также с потерями от нарушения контрактов</p>
Трансакции управления – подразумевают добровольно принятые сторонами отношения власти и подчинения между узаконенными уровнями иерархии	<p>Управленческие трансакционные издержки – издержки, возникающие при осуществлении отношений внутри иерархических структур, т.е. при осуществлении трансакций управления. Они включают:</p> <p>а) издержки создания, поддержания и изменения организационного дизайна – затраты на управление персоналом, инвестиции в информационные технологии, защиту от поглощений, связи с общественностью и лоббирование;</p> <p>б) издержки эксплуатации организации, состоящие из двух частей: во-первых, информационных издержек – включают затраты на принятие решений, мониторинг исполнения приказов, измерение результатов деятельности работников, агентские издержки и т.д.; во-вторых, издержек, связанных с физическим пересечением товарами и услугами границ смежных производств – издержки внутрифирменной транспортировки, издержки простоя и т.д.</p>

Окончание табл. 2

Вид трансакции	Группа трансакционных издержек
Трансакции рациионирования – подразумевают обязательные отношения власти и подчинения между неравными по правовому статусу сторонами	<p>Политические трансакционные издержки – издержки, возникающие в процессе эксплуатации и корректировки институциональных рамок государственного устройства, т.е. при осуществлении трансакций рациионирования. К ним относятся:</p> <p>а) издержки создания, поддержания и изменения формальной и неформальной политической организации системы – издержки установления правовых рамок, административной структуры, военной, образовательной, судебной систем и т.д.;</p> <p>б) издержки эксплуатации государственного устройства – издержки на реализацию функций государства: обеспечение законодательства, правосудия, обороны, транспорта, образования и т.д.</p>

2. *Поведенческие трансакционные издержки* – затраты и потери, возникающие в ходе социально-психологической адаптации участников отношений по установлению и защите прав собственности к действиям партнеров, к условиям институциональной среды, в рамках которой осуществляются данные отношения, а также затраты на функционирование институтов и организаций, предназначенных для создания условий адаптации личности.

Поскольку в большинстве экономических исследований под трансакционными издержками понимаются процедурные трансакционные издержки, а концепция поведенческих трансакционных издержек находится на фазе становления, требуется внести некоторые пояснения в отношении данной категории. Под адаптацией понимается приспособление организма к условиям внешней среды. Выделяются два вида адаптации личности: биофизиологическая и психологическая (рис. 1).

Рис. 1. Виды адаптации

Биофизиологическая адаптация – приспособление организма к внешним физическим условиям и воздействиям со стороны окружающей среды, а также к внутренним изменениям в организме. Психологическая адаптация – процесс приспособления внутреннего мира личности к социальным и социально-психологическим требованиям среды, условиям и содержанию общественной жизни людей. Элементами психологической адаптации являются экологическая адаптация и социальная адаптация. Экологическая адаптация (как элемент психологической) – приспособительная психофизиологическая реакция личности человека на меняющиеся условия окружающей среды (Наймушина, 2010). Социальная адаптация – процесс вхождения личности в социально-ролевые связи и отношения, овладения ею социальными нормами, правилами, ценностями, социальным опытом, социальными отношениями и действиями. Социальная

адаптация также осуществляется в двух сферах: профессионально-деятельностной сфере, связанной с приспособлением в рамках профессиональных, учебно-познавательных и других деятельностных отношений личности, и социально-психологической сфере, связанной с приспособлением к системе общественно-психологических связей и отношений личности, возникающих при исполнении ею различных социально-психологических ролей. Социально-психологическая адаптация личности – это процесс приобретения личностью определенного статуса, овладения ею определенными социально-психологическими ролевыми функциями. Под статусом понимается положение личности в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии (Крысько, 2006: 137–138).

Классифицируя поведенческие транзакционные издержки, будем отталкиваться от вида адаптированности личности (Иванова, 2014: 255) (табл. 3).

Одним из проявлений внутренней адаптированности является формирование *интраперсональных поведенческих транзакционных издержек* – затрат и потерь, возникающих в ходе психологической адаптации участников отношений по установлению и защите прав собственности к действиям партнеров, к условиям институциональной среды, в рамках которой осуществляются данные отношения. Интраперсональные поведенческие транзакционные издержки можно интерпретировать как затраты на перестройку личности (согласие с социальной ролью, актуализация требуемых навыков) в соответствии с требованиями внешней среды, а также потери, связанные со страданиями, возникающими в ходе взаимодействий с внешней средой. З. Фрейд указывает на три возможных источника страданий: (а) со стороны собственного тела; (б) со стороны внешнего мира; (в) со стороны взаимоотношений с другими людьми (Фрейд, 2013: 10). В данном случае мы акцентируем внимание на потерях, вызванных третьим источником страданий.

К. Хорни отмечает ряд свойственных для современной культуры факторов, неизменно способствующих возникновению такого рода потерь: привычка к конкуренции, сопровождаемой страхом и враждебной напряженностью, склонность к предчувствиям, неустойчивое самоуважение, повышенная потребность в удовлетворительных личных отношениях (Хорни, 1993: 184). Данные культурные трудности отражаются в виде конфликтов и приводят к эмоциональным фрустрациям и психическим расстройствам. Поскольку основой современной культуры является принцип индивидуальной конкуренции, преимущество одного индивида часто превращается в ущерб для другого представителя группы. Результатом является враждебная напряженность между членами группы, что, в свою очередь, порождает страх: как страх враждебности со стороны других индивидов, так и страх возмездия за собственную враждебность. Еще одним источником страха является перспектива неудачи, приводящей к неудовлетворенности потребностей, а также к потере в рамках господствующей идеологии престижа, самоуважения и прочим эмоциональным фрустрациям.

В. Мельников предлагает классифицировать интраперсональные поведенческие транзакционные издержки в соответствии с характером общественных отношений, в рамках которых они проявляются: транзакционные издержки формирования индивидуального опыта; транзакционные издержки соблюдения обетов (обещания, воздержания, заклатья); транзакционные издержки вступления в социальный контакт; транзакционные издержки социальной активности; транзакционные издержки выполнения роли в группе; транзакционные издержки вступления в отношения обмена (Мельников, 2011: 28). Отметим, что в рамках каждого из выделенных видов издержек присутствуют как затраты на перестройку личности, так и потери, возникающие в ходе взаимодействия с внешней средой. В качестве альтернативной классификации можно предложить выделять следующие группы издержек: затраты, связанные с принятием социальной роли; затраты на актуализацию требуемых для соответствия данной социальной роли навыков; потери, связанные с возможными страданиями, возникающими в ходе взаимодействий с внешней средой; затраты на предотвращение данных потерь.

Таблица 3

**Группы поведенческих транзакционных издержек
в зависимости от типа адаптированности**

Вид адаптированности	Группа транзакционных издержек
<p>Внутренняя адаптированность представляет собой полную адаптацию личности, при которой происходит перестройка функциональных структур и систем личности</p>	<p>Интраперсональные (индивидуальные) – затраты и потери, возникающие в ходе психологической адаптации участников отношений по установлению и защите прав собственности к действиям партнеров, к условиям институциональной среды, в рамках которой осуществляются данные отношения. Они включают в себя:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) затраты, связанные с принятием социальной роли; б) затраты на актуализацию требуемых для соответствия социальной роли навыков; в) потери, связанные с возможными страданиями, возникающими в ходе взаимодействий с внешней средой; г) затраты на защиту от возможных потерь, указанных в пункте (в)
<p>Внешняя адаптированность представляет собой приспособление личности к окружающей среде, при которой не происходит содержательной перестройки функциональных структур и систем личности</p>	<p>Интерперсональные (межличностные) – затраты и потери, возникающие в ходе социальной адаптации участников отношений по установлению и защите прав собственности к действиям партнеров, к условиям институциональной среды, в рамках которой осуществляются данные отношения, а также затраты на функционирование институтов и организаций, предназначенных для создания условий адаптации личности. Они включают в себя:</p> <p>I) издержки индивидуального приспособления:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) издержки конформности – потери, связанные с соблюдением запретов, снижением гибкости системы общественных отношений, утратой обществом основы для приспособления к меняющимся условиям; б) издержки инновационного приспособления – затраты на защиту от оппортунистического поведения и потери от оппортунистического поведения, потери от снижения уровня доверия, потери, возникающие в результате необоснованного риска, потери от деформирования системы мотивации и т.д.; в) издержки ритуализма – затраты на принятие мер предосторожности, защиту от рисков, связанных с конкуренцией, оппортунистическим поведением и т.п., потери от соблюдения запретов, снижения предпринимательской активности и иных инициатив; г) издержки бегства – потери, от снижения гибкости системы общественных отношений, оппортунистического поведения, снижения уровня доверия, деформирования системы мотивации, снижения предпринимательской активности, затраты на защиту от оппортунистического поведения, содержание непродуктивного населения и борьбу с данной формой социального приспособления; д) издержки мятежа – издержки формирования и закрепления представлений о существующей и альтернативной социальной действительности, изменения старых, формирования и поддержания новых общественных порядков; <p>II) затраты на функционирование институтов и организаций, предназначенных для создания условий адаптации личности, обеспечивающих баланс между устойчивостью и развитием институциональной среды:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) издержки формирования представлений о социальной действительности; д) издержки формирования и поддержания общественных порядков

Внешняя адаптированность связана с формированием *интерперсональных поведенческих транзакционных издержек* – затрат и потерь, возникающих в ходе социальной адаптации участников отношений по установлению и защите прав собственности к действиям партнеров, к условиям институциональной среды, в рамках которой осуществляются данные отношения, а также затраты на функционирование институтов и организаций, предназначенных для создания условий адаптации личности. Классифицируя данный тип транзакционных издержек, будем отталкиваться от типологии форм индивидуального приспособления Р. Мертона (табл. 4).

Таблица 4

Типология форм индивидуального приспособления (Мертон, 2006: 255)

Формы приспособления	Культурные цели	Институционализированные средства
I. Конформность	+	+
II. Инновация	+	–
III. Ритуализм	–	+
IV. Бегство	–	–
V. Мятеж	±	±

Примечание: (+) обозначает «принятие», (–) «отвержение», (±) «отвержение и замену новым».

Конформность – форма индивидуального приспособления, при которой индивид изменяет свое поведение или мнение под воздействием общества. Конформность проявляется как в отношении к культурным целям, так и к институционализированным средствам их достижения. Конформность может иметь две разновидности: (1) уступчивость – мы действуем вопреки собственным убеждениям; (2) одобрение – мы верим в то, что вынуждает нас делать группа (Майерс, 1996: 271–272). Отмечаются следующие мотивационные основы конформизма: (1) желание вести себя адекватно ситуации, (2) стремление получить одобрение окружающих; (3) стремление сохранить позитивное представление о самом себе (Ключарев, 2011: 29). Данная форма институционального приспособления является источником стабильности в обществе. Вместе с тем отмечается, что при высоком уровне стабильности в обществе данный тип приспособления становится наиболее типичным и распространенным, поскольку отклонение от данной стратегии создает неоправданные риски.

Транзакционные издержки, связанные с использованием данной формы индивидуального приспособления, выражаются, прежде всего, в потерях, вызванных снижением гибкости в системе общественных отношений; в потерях, связанных с жесткими ограничениями на альтернативные способы поведения. Преобладание данной формы приспособления гарантирует временную социальную стабильность, однако является преградой на пути инноваций, приводит к потере обществом основы для приспособления к меняющимся условиям.

Инновация – форма индивидуального приспособления, при которой индивид для достижения принятых им (и, как правило, сильно акцентированных обществом) культурных целей прибегает к институционально запрещенным, но эффективным средствам их достижения. Данная форма возникает, когда индивид в процессе социализации усвоил культурно акцентированные цели, но не принял в равной степени институциональные нормы, регулирующие допустимые средства их достижения. Причиной распространения данной формы адаптации является совпадение двух факторов: во-первых, система культурных ценностей особенно значима в силу общественного давления; во-вторых, социальная структура блокирует доступ к достижению этих целей посредством одобряемых обществом способов поведения. В этом случае достижение цели сильно за-

трудно для представителей низших социальных слоев, и они вынуждены прибегать к незаконным, но более действенным средствам. Создается тяготение к инновативным практикам, не совпадающим с институциональными нормами.

Использование данной формы индивидуального приспособления приводит к формированию специфических поведенческих транзакционных издержек. Прежде всего, растут транзакционные издержки, связанные с оппортунистическим поведением, так как распространяются мошенничество, рэкет и другие виды противозаконного поведения. В результате злоупотребления доверием снижается его уровень, что приводит к потерям, связанным со сложностью кооперации и необходимостью затрачивать дополнительные усилия на защиту от оппортунистического поведения. Готовность идти на риск также может быть связана с потерями, возникающими в случае, когда данный риск экономически не оправдан: азартные игры, финансовые пирамиды, всевозможные способы быстрого, но незаконного обогащения. Поскольку индивидуальные достижения людей перестают связываться с их достоинствами и усилиями, возникает почва для ориентации на сетевые связи (непотизм), развития суеверий, веры в случай, удачу, что подрывает мотивацию к приложению усилий, направленных на достижение успеха институционализированными средствами (Bakke, 1934: 14).

Ритуализм – форма индивидуального приспособления, при которой индивид отвергает или занижает значение культурных целей до уровня, на котором данные цели могут быть удовлетворены, продолжая при этом настойчиво соблюдать институциональные нормы. Данная форма приспособления, с одной стороны, позволяет индивиду избежать ряда опасностей и фрустраций, связанных с конкуренцией за достижение обусловленных культурой целей, поскольку он отказывается от их достижения, с другой стороны, неукоснительное соблюдение институциональных норм не позволяет рассматривать его поведение в качестве девиантного. Такой тип приспособления часто наблюдается в обществе, где социальный статус человека в значительной степени зависит от его достижений. Жесткая конкуренция повышает уровень тревоги за социальный статус, а снижение уровня притязаний и соблюдение социальных норм – способ ее смягчения.

Может создаться впечатление, что данная форма институционального приспособления не связана со значительными транзакционными издержками, поскольку ее приверженцы склонны следовать правилам. Однако для нее характерен высокий уровень недоверия, поскольку остро воспринимаются внешние угрозы и возникает потребность в защите от всевозможных рисков, в том числе риска оппортунистического поведения. Снижается уровень предпринимательской активности и иных инициатив, поскольку люди предпочитают следовать рутинизированным, относительно безопасным действиям, уровень риска падает ниже оптимального, затраты на принятие мер предосторожности поднимаются выше оптимального уровня.

Бегство – форма индивидуального приспособления, при которой индивид отвергает как культурные цели общества, так и допустимые институциональные средства их достижения. К данной форме приспособления прибегают социально обделенные люди, которым она позволяет избежать фрустраций относительно того, что они не смогли достичь обусловленных культурой целей: аутисты, лица без определенного рода занятий и определенного места жительства, хронические алкоголики, наркоманы и т.п. Использование данного способа приспособления наиболее вероятно в том случае, когда индивид изначально принял и культурные цели, и институциональные практики, но не добился успеха. В результате усвоенные институциональные средства вступают в конфликт с побудительными мотивами использовать эффективные, но противозаконные средства достижения принятых им культурных целей. Индивид терпит поражение, смиряется, впадает в пассивность и использует механизм бегства. Конфликт разрешается устранением обоих элементов: и целей, и средств.

Данной форме индивидуального приспособления свойственны основные группы транзакционных издержек описанных ранее типов. Как и в случае конформности, отсутствует стремление к инновационной активности, а значит, возникают потери от снижения гибкости в системе общественных отношений. Индивид не признает культурных ценностей общества, не стремится к успеху, следовательно, как и при использовании ритуализма, снижается уровень предпринимательских инициатив, снижается уровень доверия, возникают сложности с кооперацией, что также приводит к росту транзакционных издержек. Индивид игнорирует институциональные практики, следовательно, как и в случае использования инновации, растут транзакционные издержки оппортунистического поведения. Больше того, пользующийся бегством индивид становится для общества непроемким балластом. Само общество, не допускающее такого уровня отречения от его ценностей, тратит ресурсы на преследование индивидов, выбравших данную форму адаптации.

Мятеж – форма индивидуального приспособления, при которой индивид не только отвергает культурные цели общества и предписанные институциональные средства их достижения, но и предлагает им альтернативу. Данный тип приспособления побуждает людей к воплощению иной социальной структуры с новыми культурными целями и стандартами поведения. Мятеж основывается на высокой степени обиды и недовольства, стремлении изменить культурные стандарты успеха так, чтобы обеспечить большее соответствие между достоинствами, усилиями и вознаграждениями. Когда институциональная среда расценивается индивидами как препятствие для реализации узаконенных целей, мятеж используется в качестве приспособительной реакции. Отмечено, что организовывать мятежные группы склонны не наиболее угнетенные слои общества, а представители восходящего класса, достигшие значительного уровня успешности в рамках существующей системы культурных ценностей.

Использование данной формы индивидуального приспособления связано со значительными транзакционными издержками. Прежде всего, это издержки демонстрации источника широкомасштабных фрустраций в социальной структуре, издержки поиска альтернатив существующей социальной структуре, соответствующей общественным ожиданиям, издержки формирования и закрепления представлений о существующей и альтернативной социальной действительности, издержки изменения старых, формирования и поддержания новых общественных порядков.

Не следует забывать, что для поддержания любого существующего социального порядка требуется нести транзакционные издержки, связанные с функционированием институтов и организаций, предназначенных для создания условий осуществления предпочтительных форм адаптации личности, обеспечивающих требуемый баланс между устойчивостью и развитием институциональной среды. Существование политической системы, обеспечивающей желательный уровень конформности, требует затрат, связанных как с формированием желаемых представлений о социальной действительности, так и с формированием и поддержанием определенных общественных порядков. Затраты со стороны индивида, связанные с подчинением институциональным нормам, должны компенсироваться определенными социализированными вознаграждениями. Распределение социальных статусов в рамках сформированного порядка должно быть организовано так, чтобы создавать стимулы к поддержанию статусных обязательств. Все это связано с транзакционными издержками, альтернативой несения которых является проявление аберрантного поведения, размывания институциональных норм, аномии (Marshall, 2002).

Выводы

1. Ритуал – это регулируемая обществом стереотипная последовательность символических действий, осуществляемых в ходе социальных взаимоотношений, выражающая определенные социально-культурные ценности. Ритуальные формы поведения

являются общекультурными универсалиями, характерными как для духовной, так и для светской жизни.

2. Ритуалы характеризуются определенной степенью прагматичности: утилитарной либо знаковой. Социологи выделяют четыре основные функции ритуалов: функция социализации индивидов, интегрирующая функция, воспроизводящая функция и психотерапевтическая функция. В рамках экономической логики данные функции можно свести к функции снижения трансакционных издержек в процессе взаимодействия членов группы. Высокая степень неопределенности увеличивает трансакционные издержки взаимодействия между членами группы. Одной из адаптивных стратегий, направленных на устранение фрустрирующей проблемной ситуации, является использование ритуалов, снижающее степень неопределенности.

3. Использование ритуалов в большей степени ориентировано на достижение адаптивной эффективности. Ритуал эффективен, если с его помощью посредством экономии трансакционных издержек создается дополнительное богатство, которое теми или иными способами распределяется между членами группы. Если свести функции ритуала к снижению трансакционных издержек в процессе взаимодействия членов группы, эффективность ритуала можно определить через отношение экономии трансакционных издержек в результате действия ритуала к затратам на осуществление и поддержание указанного ритуала.

4. Трансакционные издержки – издержки установления и защиты прав собственности и свобод, принятых в обществе. Права собственности – санкционированные поведенческие отношения между людьми, определяющие возможные способы использования элементов богатства как исключительное право отдельных людей или их групп. Богатство – совокупность всех принадлежащих человеку материальных и нематериальных ценностей. Права собственности характеризуют отношения между контрагентами (статусы), ограничивающие или расширяющие пределы выбора и власти индивидов посредством четырех категорий: свобода, право, обязанность, незащищенность. Неопределенность в распределении статусных позиций, непринятие своего статуса одной или обеими сторонами, возникновение противоречий между статусными позициями контрагентов могут стать причиной возникновения трансакционных издержек.

В структуре трансакционных издержек можно выделить процедурные трансакционные издержки и поведенческие трансакционные издержки. Процедурные трансакционные издержки – затраты, связанные с необходимостью осуществления предусмотренных институциональной средой процедур по установлению и защите прав собственности, а также потери, возникающие в результате нарушения данных процедур. Поведенческие трансакционные издержки – затраты и потери, возникающие в ходе социально-психологической адаптации участников отношений по установлению и защите прав собственности к действиям партнеров, к условиям институциональной среды, в рамках которой осуществляются данные отношения, а также затраты на функционирование институтов и организаций, предназначенных для создания условий адаптации личности.

Классифицируя процедурные трансакционные издержки, исследователи отталкиваются от характера трансакций, посредством которых осуществляется передача прав собственности. Трансакциям сделки соответствуют рыночные трансакционные издержки – издержки, возникающие при использовании рыночного механизма; трансакциям управления – управленческие трансакционные издержки – издержки, возникающие при осуществлении отношений внутри иерархических структур; трансакциям рационализации – политические трансакционные издержки – издержки, возникающие в процессе эксплуатации и корректировки институциональных рамок государственного устройства.

Классификация поведенческих трансакционных издержек основывается на видах адаптированности личности. Процессам внутренней адаптированности соответству-

ют интраперсональные (индивидуальные) поведенческие транзакционные издержки – затраты и потери, возникающие в ходе психологической адаптации участников отношений по установлению и защите прав собственности к действиям партнеров, к условиям институциональной среды, в рамках которой осуществляются данные отношения. Они включают: затраты, связанные с принятием социальной роли; затраты на актуализацию требуемых для соответствия данной социальной роли навыков; потери, связанные с возможными страданиями, возникающими в ходе взаимодействий с внешней средой; затраты на предотвращение данных потерь. Процессам внешней адаптивности соответствуют интерперсональные (межличностные) поведенческие транзакционные издержки – затраты и потери, возникающие в ходе социальной адаптации участников отношений по установлению и защите прав собственности к действиям партнеров, к условиям институциональной среды, в рамках которой осуществляются данные отношения, а также затраты на функционирование институтов и организаций, предназначенных для создания условий адаптации личности. Они включают: издержки индивидуального приспособления (классифицируются по формам индивидуального приспособления в типологии Р. Мертона); затраты на функционирование институтов и организаций, предназначенных для создания условий адаптации личности, обеспечивающих баланс между устойчивостью и развитием институциональной среды.

5. В результате цифровой трансформации экономики наблюдается смена кодекса ритуального поведения, что отражается на структуре транзакционных издержек и, следовательно, на качестве жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамян, Л. А. (1983). *Первобытный праздник и мифология*. Ереван, 231 с.
- Байбуриц, А. К. (1993). *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*. СПб.: Наука, 240 с.
- Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 736 с.
- Иванова, А. И. (2014). Социально-психологическая адаптация: классификация и механизмы // *Вестник Университета*, (9), 255–259.
- Ключарев, В. А., Шмидс, А., Шестакова, А. Н. (2011). Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // *Экспериментальная психология*, (2), 14–35.
- Коммонс, Дж. (2011). *Правовые основания капитализма*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 416 с.
- Крысько, В. Г. (2006). *Социальная психология: курс лекций*. М.: Омега-Л, 352 с.
- Левинтон, Г. А. (1988). Ритуалы и ритуализованные формы поведения, с. 51–75 / В кн.: Левинтон, Г. А. *Рациональность и семиотика поведения*. Киев.
- Левкович, В. Л. (1970). *Обычаи и обряды и их роль в совершенствовании семейных отношений*. М.
- Литвинцева, Г. П. (2018). Цифровые компетенции как элемент современного человеческого капитала, с. 206–220 / В кн.: Г. П. Литвинцева (ред.) *Формирование и использование человеческого капитала в современной экономике*: Монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 206–220.
- Лотман, Ю. М. (1987). Несколько мыслей о типологии культуры, с. 3–11 / В кн.: Б. А. Успенский (ред.) *Языки культуры и проблемы переводимости*: монография. М.: Наука, 256 с.
- Майерс, Д. (1996). *Социальная психология*. СПб.: Питер, 684 с.
- Мельников, В. В. (2011). Неконкурентность поведения как фактор транзакционных издержек // *Terra Economicus*, 9(4), 23–37.

- Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. М.: Хранитель, 873 с.
- Наймушина, А. Г. (2010). Психофизиологические механизмы экологической адаптации // *Фундаментальные исследования*, (6), 76–81.
- Петров, С. П. (2013). Экономический подход к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства // *Terra Economicus*, 11(3.1), 62–71.
- Руденков, И. А. (2015). Экономическая оценка институтов: оценка и факторы // *Белорусский государственный университет*. (<http://www.bsu.by/Cache/pdf/389863.pdf>).
- Рэдклифф-Браун, А. Р. (2001). *Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 304 с.
- Сарингулян, К. С. (1986). *Культура и регуляция деятельности*. Ереван, 156 с.
- Сухарев, О. С. (2007). *Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в макроэкономике: В 2 т., т. 2*. М.: Экономика, 804 с.
- Тамбовцев, В. Л. (ред.) (1996). *Введение в институциональный анализ: Учеб. пособие*. М.: Экон. фак. МГУ, ТЕИС, 171 с.
- Топоров, В. Н. (1988). О ритуале: введение в проблематику, с. 7–60 / В кн.: Рожанский, Л. Ш., Новик, Е. С. *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. М.: Наука.
- Фрейд, З. (2013). *Недовольство культурой*. М., 51 с.
- Фуруботн, Э., Рихтер, Р. (2005). *Институты и экономическая теория: Достижение новой институциональной экономической теории*. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербург. гос. ун-та, 702 с.
- Хорни, К. (1993). *Невротическая личность нашего времени. Самоанализ*. М.: Прогресс-Универс, 186 с.
- Bakke, E. W. (1934). *The Unemployed Man*. New York.
- Beattie, J. (1966). Ritual and social change // *Man*, (1), 60–74.
- Commons, J. R. (1931). Institutional Economics // *American Economic Review*, (21), 648–657.
- Etkin, W. (1964). Theories of animal socialization and communication, pp. 167–205 / In: W. Etkin (ed.) *Social behavior and evolution among the vertebrates*. Chicago: University of Chicago Press, 307 p.
- Evans-Pritchard, E. E. (1976). *Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande*. London: Oxford University Press, 265 p.
- Firth, R. (1951). *Elements of social organization*. London, 258 p.
- Fuchs-Heinritz, W. (1978). *Lexikon zur Soziologie*. Opiaden: Westdeutscher Verlag.
- Furubotn, E. G., Pejovich, S. (Eds.) (1974). *The economics of property rights*. Cambridge.
- Garfinkel, H. (1967). *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliff, New Jersey.
- Gluckman, M. (1964). *Closed systems and open minds*. Edinburgh: London.
- Gudeman, S. (2001). Scales, Tales and Tools // *Economic and Political Weekly*, (21), 1859–1864.
- Howe, L. (2000). Risk, Ritual and Performance // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, (1), 63–79.
- Jensen, A. E. (1963). *Myth and cult among primitive peoples*. Chicago.
- Langer, S. K. (1956). *Philoeophie in a new key: A study in the symbolism of reason, rite and art*. New York.

- Malinowski, B. (1926). *Myth in primitive psychology*. London.
- Marett, R. R. (1914). *The threshold of religion*. London.
- Marshall, D. (2002). Behavior, Belonging, and Belief: A Theory of Ritual Practice // *Sociological Theory*, (3), 360–380.
- Merton, R. K. (1957). *Social theory and social structure*. Glencoe: Free Press.
- Rappaport, R. (1971). Ritual, sanctity and cybernetics // *American Anthropologist*. New Series, 73(1), 59–76.
- Silva, S. (2013). Remarks on Similarity in Ritual Classification: Affliction, Divination, and Object Animation // *History of Religions*, (2), 151–169.
- Theodorson, G., Theodorson, A. A. (1969). *Modern dictionary of sociology*. New York: Crowell Company.
- Vohs, K., Wang, Y., Gino, F., Norton, M. (2013). Rituals Enhance Consumption // *Psychological Science*, (9), 1714–1721.
- Whitehouse, H., Lanman, J. (2014). The Ties That Bind Us: Ritual, Fusion, and Identification // *Current Anthropology*, (6), 674–695.

REFERENCES

- Abrahamyan, L. A. (1983). *Primitive feast and mythology*. Yerevan, 231 p. (In Russian.)
- Bakke, E. W. (1934). *The Unemployed Man*. New York.
- Bayburin, A. K. (1993). *Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 240 p. (In Russian.)
- Beattie, J. (1966). Ritual and social change. *Man*, (1), 60–74.
- Commons, J. (2011). *The legal basis of capitalism*. Moscow: Higher School of Economics Publ., 416 p. (In Russian.)
- Commons, J. R. (1931). Institutional Economics. *American Economic Review*, (21), 648–657.
- Durkheim, E. (2018). *Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia*. Moscow: Publishing house «Delo», RANEP, 736 p. (In Russian.)
- Etkin, W. (1964). Theories of animal socialization and communication, pp. 167–205 / In: W. Etkin (ed.) *Social behavior and evolution among the vertebrates*. Chicago: University of Chicago Press, 307 p.
- Evans-Pritchard, E. E. (1976). *Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande*. London: Oxford University Press, 265 p.
- Firth, R. (1951). *Elements of social organization*. London, 258 p.
- Freud, Z. (2013). *Dissatisfaction with the culture*. Moscow, 51 p. (In Russian.)
- Fuchs-Heinritz, W. (1978). *Lexikon zur Soziologie*. Opiaden: Westdeutscher Verlag.
- Furubotn, E. G., Pejovich, S. (Eds.) (1974). *The economics of property rights*. Cambridge.
- Furubotn, E., Richter, R. (2005). *Institutions and economic theory: Achieving a new institutional economic theory*. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 702 p. (In Russian.)
- Garfinkel, H. (1967). *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliff, New Jersey.
- Gluckman, M. (1964). *Closed systems and open minds*. Edinburgh: London.
- Gudeman, S. (2001). Scales, Tales and Tools. *Economic and Political Weekly*, (21), 1859–1864.
- Horney, C. (1993). *The neurotic personality of our time. Self-analysis*. Moscow: Progress- Universe Publ., 186 p. (In Russian.)
- Howe, L. (2000). Risk, Ritual and Performance. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, (1), 63–79.

- Ivanova, A. I. (2014). *Socio-psychological adaptation: classification and mechanisms*. *Vestnik Universiteta (University Bulletin)*, (9), 255–259. (In Russian.)
- Jensen, A. E. (1963). *Myth and cult among primitive peoples*. Chicago.
- Klyucharev, V. A., Shmids, A., Shestakova, A. N. (2011). Neuroeconomics: decision-making neurobiology. *Experimental Psychology*, (2), 14–35. (In Russian.)
- Krysko, V. G. (2006). *Social psychology: a course of lectures*. Moscow: Omega-L, 352 p. (In Russian.)
- Langer, S. K. (1956). *Philoeophie in a new key: A study in the symbolism of reason, rite and art*. New York.
- Levinton, G. A. (1988). Rituals and ritualized forms of behavior, pp. 51–75 / In: Levinton, G. A. *Rationality and semiotics of behavior*. Kiev. (In Russian.)
- Levkovich, V. L. (1970). *Customs and ceremonies and their role in the improvement of family relations*. Moscow. (In Russian.)
- Litvintseva, G. P. (2018). Digital competence as an element of modern human capital, pp. 206–220 / In: G. P. Litvintseva (ed.) *Formation and use of human capital in modern economy*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ. (In Russian.)
- Lotman, Yu. M. (1987). A few thoughts on the typology of culture, pp. 3–11 / In: B. A. Uspensky (ed.) *Languages of culture and problems of translatability*. Moscow: Nauka Publ., 256 p. (In Russian.)
- Malinowski, B. (1926). *Myth in primitive psychology*. London.
- Marett, R. R. (1914). *The threshold of religion*. London.
- Marshall, D. (2002). Behavior, Belonging, and Belief: A Theory of Ritual Practice. *Sociological Theory*, (3), 360–380.
- Melnikov, V. V. (2011). Noncompetitive behavior as a factor of transaction costs. *Terra Economicus*, 9(4), 23–37. (In Russian.)
- Merton, R. (2006). *Social theory and social structure*. Moscow: Khranitel Publ., 873 p. (In Russian.)
- Merton, R. K. (1957). *Social theory and social structure*. Glencoe: Free Press.
- Myers, D. (1996). *Social Psychology*. Saint Petersburg: Piter Publ., 684 p. (In Russian.)
- Najmushina, A. G. (2010). Psychophysiological mechanisms of ecological adaptation. *Fundamental research*, (6), 76–81. (In Russian.)
- Petrov, S. P. (2013). Economic approach toward assessment of antimonopoly law efficiency. *Terra Economicus*, 11(3.1), 62–71. (In Russian.)
- Radcliffe-Brown, A. R. (2001). *Structure and function in a primitive society. Essays and lectures*. Moscow: Russian Academy of Sciences Publ., 304 p. (In Russian.)
- Rappaport, R. (1971). Ritual, sanctity and cybernetics. *American Anthropologist*. New Series, 73(1), 59–76.
- Rudnikov, I. A. (2015). Economic evaluation of institutions: assessment and factors. *Belarusian State University*. (<http://www.bsu.by/Cache/pdf/389863.pdf>). (In Russian.)
- Saringulyan, K. S. (1986). *Culture and regulation of activities*. Yerevan, 156 p. (In Russian.)
- Silva, S. (2013). Remarks on Similarity in Ritual Classification: Affliction, Divination, and Object Animation. *History of Religions*, (2), 151–169.
- Sukharev, O.S. (2007). *Institutional Theory and Economic Policy: Towards a New Theory of the Transmission Mechanism in Macroeconomics*, vol. 2. Moscow: Ekonomika Publ., 804 p. (In Russian.)
- Tambovtsev, V. L. (Ed.) *Introduction to Institutional Analysis*. Moscow: TEIS Publ., 171 p. (In Russian.)

-
- Theodorson, G., Theodorson, A. A. (1969). *Modern dictionary of sociology*. New York: Crowell Company.
- Toporov, V. N. (1988). On ritual: an introduction to the problematics, pp. 7–60 / In: Rozhansky, L. Sh., Novik, E.S. *Archaic ritual in folklore and early literary monuments*. Moscow: Nauka Press. (In Russian.)
- Vohs, K., Wang, Y., Gino, F., Norton, M. (2013). Rituals Enhance Consumption. *Psychological Science*, (9), 1714–1721.
- Whitehouse, H., Lanman, J. (2014). The Ties That Bind Us: Ritual, Fusion, and Identification. *Current Anthropology*, (6), 674–695.

КАМЕРАЛИЗМ КНИГ: ПЕРЕВОДЫ ЮСТИ В РОССИИ XVIII ВЕКА¹

Данила Евгеньевич РАСКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия;
старший научный сотрудник,
Лаборатория актуальной истории РАНХиГС,
г. Москва, Россия,
e-mail: danila.raskov@gmail.com

Цитирование: Расков, Д. Е. (2019). Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // *Terra Economicus*, 17(4), 62–79. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-62-79

*Камерализм как учение и практика соответствует эпохе меркантилизма – XVI–XVIII вв. – условному периоду, когда экономическая мысль перестала быть средневековой, но еще не стала политической экономией. Последнее время данное направление, корпусы текстов об искусстве и науке управления стали все активнее подвергаться ревизии и актуализироваться. Предмет статьи – переводы на русский язык второй половины XVIII в. книг самого знаменитого камералиста этого периода – Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти (1717–1771). Выявленные переводы Юсти по камеральным и полицейским наукам, по развитию промышленности образуют огромный массив текста более чем в три тысячи страниц. Юсти – самый переводимый на русский экономист XVIII в.; при этом удалось также показать, что не французские, а именно русские переводы оказались самыми масштабными для самого Юсти. Кроме сличения текстов с оригиналами, выявления терминологической стратегии переводчиков и пристального внимания к любым сокращениям, добавлениям и предисловиям, особое внимание было уделено поиску информации о самих переводчиках, об обстоятельствах, связанных с организацией и оплатой перевода. Книги были подготовлены в двух главных академических центрах – Московском университете и Петербургской академии наук. Их перевод отличался, за редкими исключениями, полнотой и буквализмом. В основном в них отсутствовала научная проработка, т.е. они были только переводами без полемики, содержательных предисловий и дополнений. Большие тиражи и роскошный тип издания говорили о том, что они ориентировались на широкую публику и осуществляли символическую функцию «просвещенности». На примере термина *Policei* показана стратегия переводчиков, которые справедливо пытались придать «полиции» более широкое значение и переводили как благочиние, благоустройство, добронравие, из-за чего текст перевода становился еще более нормативным.*

Ключевые слова: камерализм; Юсти; переводы; XVIII век; Россия; полиция

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

CAMERALISM OF BOOKS: JUSTI'S TRANSLATIONS IN THE EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA

Danila E. RASKOV,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
St. Petersburg State University;
Senior Researcher,
Laboratory of Actual History,
RANEPa,
Moscow, Russia,
e-mail: danila.raskov@gmail.com

Citation: Raskov, D. E. (2019). Cameralism of books: Justi's translations in the eighteenth-century Russia. *Terra Economicus*, 17(4), 62–79. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-62-79

*Cameralism as a doctrine and practice corresponds to the era of mercantilism – the 16th–18th centuries – the period when economic thought ceased to be medieval but has not yet become political economy. Recently, this direction in economic thought, the corps of texts about the art and science of management and economics, have become more actively revised and updated. The subject of the article is the translation into Russian in the second half of the 18th century of the books of the most famous cameralist of this period – Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771). Revealed translations of Justi on cameral and police sciences, on industry development form a vast array of texts of more than three thousand pages. Justi is the most translated Russian economist of the 18th century, and it was also possible to show that not French, but Russian translations turned out to be the hugest for Justi himself. In addition to comparing the texts with the originals, identifying the terminological strategy of the translators and paying close attention to any abbreviations, additions and introductions, special attention was paid to finding information about the translators themselves, about the circumstances associated with the organization and payment of the translation. Books were prepared at two major academic centers – Moscow University and St. Petersburg Academy of Sciences. Their translation was distinguished, with rare exceptions, by its completeness and literalism. Basically, they lacked scientific elaboration, i.e. they were only translations without controversy, informative forewords and additions. Large circulations and a luxurious type of publication indicated that they were oriented towards the general public and carried out the symbolic function of “enlightenment”. The term *Policei* shows the strategy of translators who rightly tried to give the “police” a broader meaning and translated as good order, good organization and good morals, which made the translation text even more normative.*

Keywords: *Cameralism; Justi; translations; 18th century; Russia; police*

JEL classifications: *B11, B31*

В 1763 г. в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» Императорской академии наук² вместе с первым переводом книги Юсти в разделе «Германия» появился настоящий панегирик этому плодовитому камералисту: «*Господин фон-Юсти*

² См. отдельную публикацию, в которой описываются экономические трактаты, опубликованные в журнале «Ежемесячные сочинения» за его десятилетнюю историю: (Готовцева, 2017).

есть ныне один из прилежнейших писателей в Германии, а о книгах его можно с правдою сказать, что оне общепользны, и сочинены изрядным порядком, ясным и приятным штилем. Он старается о действительной пользе человеческого общества и о приведении государств в цветущее состояние. Он чинит предложения к исправлению законов, к распространению коммерции и мануфактур, к умножению государственных доходов, к сподешествованию внутренней безопасности и способности, к наставлению в добрых нравах и в добродетели. Он изъясняет иногда полезные материи, до Натуральной науки, до Химии и до рудокопного дела касающиеся. Едва можно себе представить, как один человек столь много книг в малое время сочинит и издавать может» (Германия, 1763: 91–92). Кроме предуведомления читателя с восхвалением «фон-Юсти», приводится список из 20 его книг и в четырех выпусках – за июль, сентябрь, октября и декабрь – печатается перевод его трактата о пользе фабрик и мануфактур (Юсти, 1763а; 1763б; 1763с). Читателя не мог не поразить удивительный кругозор Юсти: от деревенской экономики, камеральных и полицейских наук, государственных финансов до юридических наук, химии, секретов приготовления красок и сатирических рассказов³. В коротком представлении цели трактатов Юсти обозначены как польза, умножение доходов и добрые нравы.

Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти (1717–1771) – пожалуй, самый известный и плодовитый автор, который в XVIII в. представляет камеральные науки. Трактаты и деятельность Юсти синтезируют в нем тот тип камералиста, который как описывает, учит и наставляет, так и сам практикует, предпринимает, контролирует и делает. Юсти – «талантливый организатор литературного материала» – подвижник и организатор, проектор и предприниматель, служит в Вене, Гёттингене, Алтоне, Гамбурге и Берлине. Карьера Юсти начинается в саксонской армии, он обучается в Виттенберге (1742–1744), с 1745 г. начинает публиковать собственный журнал, а в 1747 г. выигрывает премию Королевской академии Пруссии за текст, в котором критикует монадологию Лейбница и естественное право Вольфа. В 1750 г. едет в Вену чтобы возглавить одну из кафедр академии Терезианум, затем вынужден переехать в Лейпциг. С 1755 г. в Гёттингене он одновременно читает курсы по камеральным наукам и занимает должность главного полицейского надзирателя (Ober-Policey-Comissar), наблюдая за моралью преподавателей. С 1757 г. Юсти уже независимый писатель в Дании. Наконец, в Пруссии он удостоивается должности инспектора горных шахт, стекла и сталелитейной промышленности, впоследствии за растрату его заточают в крепость Кюстрин, где в 1771 г. он и находит свой последний покой (см.: Reinert, 2009).

Тема камерализма приобрела в последние годы новое звучание. Жаркие дискуссии ведутся и относительно вариантов интерпретации наследия Юсти. Если несколько упростить аргументы, то одна сторона большее внимание обращает на камеральные науки как особую форму знания о государственном управлении и экономике, которая в своем развитии предвосхищает политическую экономию и науки о государстве Нового времени. В этом свете фигура Юсти приобретает большую значимость и масштаб: Ульрих Адам и Юрген Бэкхауз обращают внимание на Юсти как предтечу политической экономии (Adam, 2006; Backhaus, 2009); Эре Ноккала в книге «От естественного права к политической экономии: Юсти о государстве, торговле и международном порядке» показывает разнообразные направления в доктринах Юсти, которые тем не менее через естественное право, особое понимание полиции и искусства управления сходятся в новом типе науки о государстве (Nokkala, 2019). Тем самым, согласно этой линии интерпретации, камерализм рассматривается как академическая дисциплина, наиболее важным контекстом которой становится университет и знание. В послевоенное время такой взгляд на камерализм убедительно отстаивал Кейт Трайб (Tribe, 1988; 2006). К этому же направлению можно отнести и обширный, обобщающий трактат Пьеранжело Скьера «Камерализм и немецкий абсолютизм»,

³ Современные биографы Юсти классифицируют его работы по следующим направлениям: литература, философия, естественные науки, прогресс научного знания, технология, сельское хозяйство, история, право и сравнительная политика, этнология, и, наконец, экономические и камеральные науки (Reinert, 2009: 50–52).

в котором показывается, что в политических, социальных и экономических науках камералисты все более приближались к модернизации, в рамках которой происходил переход от искусства управления к науке о государстве (Schiera, 1968).

Вторая линия связывает камерализм и, соответственно, фигуру Юсти с административной, бюрократической практикой, которая родилась из возрастающих потребностей в доходах и правильном управлении со стороны маленьких княжеств и государств Германии. Так, Марк Раев в своей фундаментальной книге «Хорошо управляемое полицейское государство. Социальные и институциональные изменения через право в Германиях и России» (Raeff, 1983)⁴ показывает удивительную схожесть в указах, постановлениях и самом духе реформ в Германии и России. Основным источником знания для него являются различного рода указы и узаконения. С этим подходом полностью соглашается современный историк Андре Уэйкфилд, который в книге «Беспорядочное полицейское государство. Немецкий камерализм как наука и практика» представляет немецкий камерализм, прежде всего, как орудие пропаганды и оправдания политики государства (Wakefield, 2009). При этом именно неудачная практическая деятельность Юсти в Пруссии становится предметом архивных изысканий и неутешительных выводов американского ученого о слабости самой концепции камеральных наук, которая служила, по его мнению, лишь ширмой для коррупции, растаскивания казны и удержания статус-кво правителя. Юсти предстает как фискальный пропагандист.

Тем самым разбор судьбы трактатов Юсти в России в XVIII в. следует поставить в контекст изучения камерализма как учения и практики, характерной, прежде всего, для немецких абсолютистских государств XVII–XVIII вв.⁵ В данной статье придется ограничиться лишь самыми общими замечаниями по этому поводу и большее внимание уделить обстоятельствам появления и качеству переводов Юсти, показать, насколько удивительно популярным стал Юсти в России в эпоху Екатерины II. Кроме выявления и сверки переводов с оригиналами, представит интерес оценка их полноты и степени академичности. Отдельное внимание будет уделено фигурам переводчиков, значению и востребованности изданий Юсти на русском языке в политическом и академическом контекстах.

Камерализм как учение и практика

Камерализм в самом общем смысле может быть понят как система взглядов, университетская дисциплина и административная практика. В истории экономической мысли под камерализмом часто понимали немецкую версию меркантилизма. Вместе с тем это явление было характерно и для более широкого европейского контекста: Австрии, Швеции, Северной Италии и России. Хоть большая часть текстов была написана на немецком и значение его для Саксонии, Пруссии, Пфальца, Магдебурга и Мекленбурга несравненно выше, все же есть основания полагать, что эта эпоха, явление и строй мысли имеют более широкое универсальное значение. Камеральным наукам повезло в чем-то больше, а в чем-то меньше, чем меркантилизму. *Cameral-Wissenschaft, Policeywissenschaft, Staatswirthschaft* в буквальном смысле существовали в отличие от mercantile system⁶. Меньше же в том отношении, что меркантилизм стал более известен и изучен благодаря тому, что его связывали с успехами таких стран, как Голландия и Англия. Камерализм имеет много пересечений с другими понятиями, с помощью которых покрываются различные аспекты Нового времени: просвещение, модернизация, строительство национальных государств, патриотизм, рационализация, секуляризация, бюрократия, барочная культура, естественное право и эвдемонизм.

Камерализм и камеральные науки, безусловно, наибольшее распространение нашли на территории немецких государств и княжеств. Немаловажным было и то, что эти

⁴ См. также (Raeff, 1975).

⁵ В этой связи см. актуальное прочтение камерализма: Зубков, 2013.

⁶ Примечательно, что вполне убедительна точка зрения, что первые кафедры политической экономии появились в Германии, в Галле и Франкфурте-на-Одере, в начале XVIII в.: раньше, чем в Неаполе, Париже или Глазго (Расков, 2019).

государства нуждались как в практиках, так и в теориях, которые бы помогли в новых условиях ослабления власти католической церкви (Реформация), в условиях частых войн и разорения (Тридцатилетняя война) выстраивать внутреннюю и внешнюю политику и способствовать изменениям и развитию. Во многом стоит согласиться с Маркусом Сандлом, который после сравнительного теоретического исследования места риска и случайности в трактатах камералистов приходит к выводу, что «очень трудно определить самую суть камеральных наук», но «само изменение стало принципом камералистов, а знание стало способом дать изменениям шанс» (Sandl, 2016: 148).

Одним из первых открывателей камералистики для англосаксонского мира стал Албион Смолл. В книге «Камералисты. Пионеры немецкой социальной политики» (1909) он дал общую панораму и представил наследие наиболее известных камералистов. Книга выходит до двух мировых войн, до появления национал-социализма. Интерес к трактатам сочетается с общим интересом к немецкому ведению дел: «их работы содержат в зародыше все, что сделало немецкую систему сегодня наиболее эффективным экономайзером национальной энергии в мире» (Small, 1909: XV). Он вводит разделение на «камералистов книг» и камералистов-практиков («cameralists of bureaux»), стараясь их синтезировать. Смолл подчеркивает, что камералисты в большей степени занимались *политикой*, чем экономикой, беспокоились не только о благосостоянии, но и о морали, их идеи выросли из потребностей *администрирования*, управления, а не академических задач (Small, 1909: 83, 89, 106).

Камерализм воплощался и на практике в конкретных мерах, к которым относят заботу о здоровье и безопасности, создание больниц и домов призрения, поддержание фертильности через браки и разводы, создание специальных условий для иностранных мигрантов, религиозную толерантность, контроль за ценами. Такой подход, во многом продолжающий Раева, реализован в сборнике о Северной Европе «Камерализм на практике» под редакцией историка из Тарту Мартена Зеппеля (Seppel, Tribe, 2017).

Коль скоро речь идет о текстах Юсти и его переводах на русский язык, то главным вектором понимания камерализма для данного очерка следует признать «камеральные науки», «камерализм книг». Вместе с тем сама биография Юсти показывает, что гораздо более плодотворно понимать это явление более цельно: и как учение, и как практику.

Переводы Юсти: общие замечания

Подготовка и выпуск переводов книг камералистов в России второй половины XVIII в. – явление заметное и требующее дополнительного изучения. Начиная с 1760-х гг. выходят переводы книг Юсти, Бильфельда, Зонненфельса (Юсти, 1763–1882; Бильфельд, 1768; Зонненфельс, 1787). Очевидно, что значение публикаций этих текстов выходит за рамки придворного (Бугров, Киселев, 2016). Вместе с тем их массовость и расчет на более широкую публику еще не свидетельствуют об их академическом характере. Они в определенном смысле служат поддержкой и оправдывают реформы эпохи Екатерины II. Два основных центра академической жизни – Императорская академия наук и Московский университет играют заметную роль в работе над переводами камералистов. Они появились одновременно с текстами Томаса Калпепера, Верона де Форбонне, Фердинандо Галиани, Давида Юма, Жана-Франсуа Мелона, Пьетро Верри (Clendenning, 1972).

Трудно сказать однозначно, какую практическую роль они имели. Часто это были неполные переводы. Далеко не всегда на русском языке создавалось равновеликое произведение, терминология еще не устоялась. В большинстве случаев подготовленному читателю было проще понять немецкий или французский оригинал. С 1760-х гг. переводы выходили достаточно массово – изданиями более тысячи экземпляров, само количество переводимых текстов также было весьма ощутимо. В последнее время интерес к переводам растет не только со стороны тех, кто изучает литературу (Рак, 1998), но и со стороны историков экономической мысли. Внимание обращают на добавления,

комментарии, выбор дополнительных источников, подготовленные предисловия. Это отражает процесс распространения знания, трансграничной циркуляции идей модернизации и Просвещения как в рамках *République de Lettres*, так и для более широкой аудитории (Alimento, 2014; Reinert, 2011).

В 1760-е гг. камерализм в России оказывается в центре внимания. Переводы иностранных книг по политико-экономической тематике совпадают с периодом правления Екатерины II. Самым переводимым автором из камералистов стал Юсти. За этот период переведено четыре его произведения, одно из которых даже печатается повторно. Тратат о мануфактурах и фабриках выходит в четырех выпусках журнала «Ежемесячные сочинения»⁷, теоретическое сочинение *Die Natur und das Wesen Staaten* выходит дважды (Юсти 1770; 1802), третья – *Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten* – в отличие от оригинальных двух томов выходит на русском в четырех томах; наконец, четвертое издание Юсти – *Der Handelnde Adel* – само является переводом на немецкий с французского языка, к которому Юсти добавил собственное небольшое предисловие. Объем переведенного наследия Юсти колоссален, он превышает три тысячи страниц.

Эрик и Хьюго Райнерты попытались описать полную библиографию Юсти: «Эта библиография насчитывает 67 книг и семь периодических изданий, которые писались и редактировались Юсти. В добавление имеется 13 переводов на пять языков: французский, испанский, голландский, русский и английский. Мы находим особенно примечательным, что 13 переводов были сделаны с восьми разных книг Юсти» (Reinert, Reinert, 2009: 19). Авторы библиографии учли три издания Юсти на русском (Юсти, 1766; 1770; 1802). Следует же их дополнить четырьмя томами (Юсти, 1772; 1775; 1777; 1778) и серией журнальных публикаций в «Ежемесячных сочинениях» (Юсти, 1763). Переводы на русский язык при таком дополнении выйдут на первое место по значению и охвату творчества Юсти и могут быть сравнимы только с переводами на французский.

Юсти и «Торгующее дворянство»

Имя Юстий появляется на обложке книги «Торгующее дворянство». В 1766 г. в переводе Дениса Фонвизина – автора знаменитого «Недоросля» – выходит первая часть книги «Торгующее дворянство противоположенное дворянству военному, или Два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество? С приложением особого о том же рассуждения г. Юстия» (Юсти, 1766). Перевод данной книги с немецкого на русский является хорошим примером циркуляции идей в Европе того времени, интеллектуальной частью которого все больше становилась Россия. Книга под названием *La noblesse commerçante* аббата-иезуита Габриэля-Франсуа Куайе (Gabriel-François Coqueret, 1707–1782) в поддержку участия дворян в торговле была издана во Франции. Она имела громадный успех: за год выдержала четыре издания, была быстро переведена на испанский, итальянский и немецкий языки. Чуть менее популярным стал ответ Филиппа-Огюста де Сан-Фуа Шевалье (Philippe-Auguste de Sainte-Foix Chevalier, 1721–1779) в поддержку военного дворянства *La noblesse militaire* и последующий ответ аббата. Затем эти книги публиковались под одной обложкой. Юсти снабжает книгу комментарием и переводит на немецкий язык (Justi, 1756). В 1766 г. на русском издается лишь первая часть Куайе в поддержку торгующего дворянства с коротким предисловием Юсти, в котором он однозначно высказывается в пользу коммерции. Юсти исходит из предпосылки, что истина патриотична, но именно из патриотических соображений считает, что полезно было атаковать предрассудок о военном предназначении дворянства еще 300 лет на-

⁷ «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» печатаются в Императорской академии наук в Петербурге по инициативе и под руководством Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783). Для 1763 г. выход перевода книги Юсти о пользе ремесел и производства товаров становится самой большой и значимой экономической публикацией. Юсти высказывается за то, чтобы производители воздерживались от розничной торговли, предоставляя это купцам, государство не взимало слишком большие подати, чтобы поддерживать трудолюбие, и устраивало денежное обращение, а полиция способствовала спокойствию, порядку и здоровью всех.

зад, когда в Германии был силен Ганзейский союз, поскольку для военного дела достаточно усилий и десятой части дворянства. Если бы это произошло, то Германия могла бы процветать за счет колониальной торговли не хуже Испании, Португалии и Великобритании (Юсти, 1766: I–VI).

Почему часть про военное предназначение аристократии не была напечатана, нет достоверных сведений. Это можно считать фактом, в отличие от того, что переведена была вся книга, как настаивают некоторые исследователи (Kamendrowsky, Griffiths, 1978: 202). В отчете Академии наук за 10 апреля 1766 г. значится, что «*титულлярный советник фон Визин в канцелярию Академии Наук при доношении представил перевод с той книги называемой Торгующее дворянство первую часть и требовал, чтобы за оную выдали пятьдесят рублей да и за прочия эти части книги по подаче от него манускрипта заплатить ему по толикому же числу за каждую часть, а при том объявил, что он же переводить будет Юстиеву науку о полицейских делах, состоящую в четырех частях и за каждую б часть по переводе выдать бы ему по пятидесяти же рублей*»⁸. Тем самым есть достоверные сведения о том, что рукопись первой части поступила примерным объемом девять печатных листов и за нее было выплачено 50 рублей. Сведения о переводе еще двух частей, так же как и желание переводить Юсти, отражают лишь намерения Фонвизина. В канцелярии Академии наук есть также сведения о том, что по прошествии семи месяцев в октябре 1766 г. в типографии Академии был отпечатан тираж в восьмую долю 1200 экземпляров, из которых 1100 на обычной бумаге, а 100 на особой, «любской» бумаге. При этом на набор и печать было израсходовано 138 руб. и 75 копеек, или 11 копеек и три четверти за экземпляр⁹.

Видно, что в общих расходах по изданию книги перевод занимает чуть более четвертой части, при этом источником оплаты названы средства, вырученные с текущей продажи книг. Тот факт, что 100 экземпляров были отпечатаны на особой, более дорогой бумаге, говорит, что эти экземпляры предназначались для подарков, а также могли служить символическим объектом, необходимым для убеждения элиты в правильности политического решения о поощрении дворян быть коммерсантами. Как известно, незадолго до этого Петр III в 1762 г. освободил дворянство от обязательной военной службы, которая была введена Петром I, поэтому было, видимо, политически важнее акцентировать внимание именно на пользе для благополучия государства от торговых операций аристократии и в более широком контексте на пагубности предрассудков в отношении торговли. Книга также уравновешивала известную в России позицию Монтескье о пользе для стабильности просвещенной монархии независимости аристократии от торговли и готовила к правильному восприятию реформы Уложения (Adam, 2009). Согласно одному из предположений, идею перевода инициировал граф Никита Панин, который возможно сам имел «камералистское видение» (Kamendrowsky, Griffiths, 1978: 208; Ransel, 1975: 147–149).

В случае с переводом книги в защиту торговли дворянства четко фиксируется готовность подражать немцам, которые, в свою очередь, подражают французам. Данный случай чем-то напоминает перевод на итальянский английский книги о торговле Джона Кэрри, который выполнил Антонио Дженовези по французскому изданию Бютель-Дюмон. В результате примечаний и дополнений Дженовези включил в третий том трактат Томаса Мана о внешней торговле, Навигационный акт – текст увеличился по сравнению с оригиналом в десять раз, превратившись в трехтомный компендиум в полторы тысячи страниц по политической экономии (Reinert, 2011: 198). В переводе Фонвизина мы видим обратную операцию – трехкратное сокращение немецкого текста без каких-либо дополнительных добавлений и комментариев. Выбор не французского оригинала, а именно немецкого текста показывает, что подражать немцам считалось правильным, а предисловие Юсти пользовалось авторитетом.

⁸ Архив Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал (АРАН СПб), Фонд 3, Опись 1, Апрель 1766. Л. 280.

⁹ Там же. Л. 283.

Переводчики книг Юсти

В 1770 г. в типографии Московского университета, которую изначально курировал граф И.И. Шувалов, выходит перевод книги Юсти *Die Natur und das Wesen der Staaten* (Justi, 1760). Он с небольшой доработкой переиздается в 1802 г. За период с 1756 по 1800 г. в типографии университета было напечатано 2709 книг (Мельникова, 1966). Перевел текст Авраам Степанович Волков (1730–1803). Он происходил из дворянской семьи, имел крепостных, сначала поступил в Сухопутный шляхетский корпус, в библиотеке которого, попутно заметим, была хорошая подборка книг Юсти на немецком, служил в Сенате переводчиком (Сазонова, 1988). Перевел ряд книг, относящихся к масонской литературе. В конце жизни был вице-президентом Медицинской коллегии, чем может быть объяснен тот на первый взгляд необычный факт, что второе, усовершенствованное издание выполнено в типографии Медицинской коллегии. Как таковое предисловие отсутствовало, лишь переводчик уведомлял «благосклонного читателя» о ряде замеченных ошибок и просил «великодушного снисхождения» за возможные погрешности. В книге Юсти показывалось, что государственное благосостояние держится на вольности, безопасности и внутренней силе, которые зависят от незыблемости недвижимой собственности, поощрения торговли и нравственности подданных.

Самое крупное издание Юсти готовится в Петербурге в Академии наук и выходит в 1772–1778 гг. Перевод *Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten* выполнил Иван Иванович Богаевский (1750 г. р.) – сын священника, выпускник академической гимназии и Московского университета, который переводит в рамках поручений чиновника в различных подразделениях Академии наук (Мартынов, 1988). Сохранилось 14 расписок за оплату перевода Богаевским Юсти на общую сумму 2507 руб. – колоссальную по тем временам сумму (Семенников, 1913: 41). Фонвизин для сравнения запрашивал всего 200 рублей, по 50 за том. В одном из ранних переводов Богаевский называет Никиту Панина «основателем своего благополучия», что вместе с великой сумм дает основания думать, что данный перевод не мог появиться без серьезной властной поддержки. В результате своей работы переводчиком Богаевский получает в 1778 г. чин титулярного советника, а в 1780 г. – надворного советника, который дает ему право на потомственное дворянство.

Нелишним будет сказать, что данный перевод книги Юсти был выполнен для «Собрания старающегося о переводе иностранных книг», учрежденного лично Екатериной II и просуществовавшего с 1768 по 1783 г. Первым переводом «собрания» стало сочинение прусского короля Фридриха II «Рассуждения о причинах установления или уничтожения законов», затем переводили Вольтера, Монтескьё, Беккариа. За все время существования было подготовлено 112 названий, составивших 173 тома (Семенников, 1913). Кроме авторов Нового времени переводились греческие и римские авторы, книги по истории и географии, труды по математике, физике и другим естественным наукам; печатались и пьесы для театра.

Стратегия перевода: полиция как благочиние и благоустройство

На примере данного перевода уместно коснуться характера передачи терминологии, особенно в связи с тем, что через 30 лет во втором издании некоторые фразы в переводе были поправлены. Начнем с названия. В полной версии немецкое название *Die Natur und das Wesen der Staaten, als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Polizey und aller Regierungsverwaltungswissenschaften, desgleichen als die Quelle aller Gesetze abgehandelt* (Justi, 1760) на титуле перевели как «Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов», на странице после оглавления как «Изображение существа народных обществ и естественного оных состояния, или Основательное знание мудрости правления, гражданства и всякого правительства». Буквальный же современный перевод давал бы: «*Природа и сущность государств, или О научных основах искусства управления государством, о науке полиции и правления, или изучение*

происхождения законов». Тем самым в самом названии фактически оговаривается, что речь в книге идет о государстве, искусстве и науке управления, о полиции, законах и их происхождении. Staaten же передается как «народные общества», Polizey как «гражданство».

Небольшой словарь выбора терминов переводчиками дает следующую картину. Glückseeligkeit переводили как благосостояние, благополучие, благоденствие, Polizey¹⁰ – благочиние, благоустройство; Polizeywissenschaft – государственное благочиние, Polizey Gesetze – благоустройственные законы, или законы благоустройства, Polizey-Direction – правление благоустройственных дел, Gemeinschaftlichen Besten – общее благо, Freiheit – вольность. Во втором издании уточняется перевод типов правления: отделение о монополии переводится уже не как «О единоначалии», но «О монархии или единовластии», отделение об аристократии – не «О многоначалии», но «О аристократии или вельможевластии», о демократии – не «О народоначалии», но «О демократии или народовластии». Из этого последнего примера видно, что терминология еще не устоялась.

Вчитаемся в более обширные части перевода. В главе о гражданских законах в параграфе 253 первого издания перевода Юсти объясняет главные цели законов: «Свойственное¹¹ конечное намерение как гражданских, так и наказательных законов состоит в безопасности гражданина, нетокмо в рассуждении его лица, прав и вольностей, но и имения его; общественное благоденствие, сие всеобщее конечное всех государств или народов намерение, из коего яко из высочайшего его закона, все прочие уставы проистекать должныствуют ... утверждается особливо на трех главных понятиях, на вольности, безопасности и на внутренней силе» (Юсти, 1770: 358; Юсти, 1802: II, 244–245). Со свойственной ему назидательностью и многословием Юсти еще несколько раз повторяет тезис, что благосостояние государства основано на вольности, безопасности и внутренней силе (Юсти, 1770: 370). Совершенно не случайно на первое место Юсти помещает вольность или свободу, а не безопасность и силу. Юсти не скрывает, что на его мировоззрение существенное влияние оказал Монтескьё и его книга «О духе законов», которая в переводах Юсти звучит как «О разуме законов». В индексе, который помещен в конце немецкого издания (Justi, 1760), Монтескьё – это самый упоминаемый автор, индекс содержит 13 отсылок к разным частям текста. Из индекса становится также ясно, что образцом для Юсти, как и у Монтескьё, является Голландия и еще в большей степени Англия. Это лишний раз свидетельствует в пользу того положения, что в Европе эпохи Просвещения идеи свободно циркулировали через границы стран и языков. Подобно тому как Дженовези в Неаполе смотрел на Лондон и Париж и доверял Кэрри и Мелону, Юсти даже еще в большей степени опирался на Монтескьё, а опыт Англии считал образцовым.

Вот как далее Юсти определяет, а переводчик передает смысл термина полиция в параграфе 262¹²: «Понятие благоустройства приемлется в тройном смысле. В пространном знаменании¹³ разумеются чрез то все государственные законы и установления о умножении общаго имения и внутренних сил, и о учинении их деятельными и соответствующими общему благу; и по сему понятию правительства попечение о купечестве градскаго и земскаго и прочаго строительства государственнаго принадлежит к благоустройству, земским называемому. В ограниченном смысле разумеется чрез благоустройство, все законы и меры правительства, дабы сохранить потребные к градскому житию доброе содержание и порядок, прокормление привести в цветущее состояние и в точное соответствие с благосостоянием одинаких родов и всего общества, и в сем смысле называется просто благоустройством. В тесном же знаменова-

¹⁰ См. обсуждение эволюции концепций полиции и полицейского государства: (Филиппов, 2012; Кильдошов, 2013).

¹¹ Собственное – в пер. 1802 г.

¹² Еще одна достаточно характерная особенность перевода: номера параграфов при переводе не совпадают. 272-й параграф в оригинале соответствует в переводе 261-му параграфу. Не совпадает нумерация книг, глав и параграфов и в четырехтомном издании Юсти (1772–1778).

¹³ Значении – в пер. 1802 г.

нии, говоря о благоустройстве, разумеется чрез оное градочиние, яко¹⁴ то: чистота, украшение и порядок в городах, присмотр над ремесленными людьми, над¹⁵ съестными припасами, над справедливыми мерою и весом, попечение о отвращении в городах всех несчастных¹⁶ приключений, и так далее. Господин *Монтескью*¹⁷ весьма мало в сочинении своем о законах упоминает о благоустройстве...» (Юсти, 1770: 368; Юсти, 1802: II, 257–258)¹⁸ (*подчерк. – Д. Р.*). Тем самым к полиции относятся у Юсти все регулирование и устройство (законы и меры) на различных уровнях, которые способствуют увеличению благосостояния, порядка и счастья. Условно полиция распадается на экономию, собственно полицию и градочиние. Цель – общее благо, методы достижения – хорошие законы и установления на уровне государства и на местах. Общее благо сочетается с благосостоянием частных семей (Юсти, 1772: I, 7–8). Полиция, как и в других текстах, переводится как благоустройство, что заставляет весь текст звучать в «благой» тональности.

Характер перевода основных терминов и стиль перевода сохраняется и в самом крупном издании «Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния». Полиция преимущественно переводится как благочиние; соответственно, полицейские науки – как науки о государственном благочинии. Не будет преувеличением сказать, что основным способом передачи мысли Юсти на русском становится «благо», чуть реже «добро». Полиция как благочиние, благоустройство, благоучреждение стремится к общему благу и заботится о благосостоянии, благоденствии, благополучии, благонравии и благоразумии, что осуществляется через добрые законы и нравы. Типично следующее название главы: «О законодательном благоразумии в благоустройственных делах» (Юсти, 1778: IV, 45).

В многословных трактатах Юсти с огромными повторениями предшествующих трактатов, заимствованиями из других текстов тем не менее проглядывает определенная позиция, которую удалось сохранить в переводе. Это жанр назидания, советов, предписаний, который сегодня принято обозначать как нормативный. Фуко назвал это «великой дисциплинарной мечтой»¹⁹. Юсти разделяет два уровня – теории и практики, но собственно практические советы не выходят за рамки умозрительных построений, дисциплинарной мечты.

Читатель узнает очень много подробных советов, которые, скорее, отсылают по своей стилистике к «Домострою». Надо заботиться о дровах и щадить леса, в т.ч. благодаря тому, что строить печки, которые нагреваются от малого количества дров, употреблять дерн и каменный уголь; способствовать «хлебосеянию» и скотоводству; беречь «народ-

¹⁴ Как – в пер. 1802 г.

¹⁵ За – в пер. 1802 г.

¹⁶ Несчастных – в пер. 1802 г.

¹⁷ *Монтескью* – в пер. 1802 г.

¹⁸ Приводим вариант современного перевода параграфа 272: «Понятие полиции берётся в трёх различных пониманиях. В широком смысле под полицией понимаются все законы и учреждения государства, предназначенные для преумножения его общей способности и внутренних сил и для того, чтобы сделать их действительными и согласующимися с общим благом; и согласно этому пониманию попечение правительства о коммерции, о городской экономии и экономии земель, а также других экономиях государства принадлежит полиции, которую в этом отношении обыкновенно называют земельной полицией. В узком смысле под полицией понимают все законы и санкции правительства, предназначенные для поддержания хороших дисциплины и порядка, необходимых для гражданской жизни, обеспечивающих процветание продовольственного обеспечения и поставления его в должную взаимосвязь с благосостоянием отдельных семейств и общественным благом: и в этом значении название «полиция» обыкновенно используют без добавлений. Однако в самом узком понимании о полиции говорят, имея в виду только полицию в городах, а именно чистоту, красоту и порядок в городах, надзор за ремесленниками, за продуктами питания, за правильностью мер и весов, заботу о предотвращении различных несчастий в городах и многое иное: и в этом значении всегда должно использоваться наименование «городская полиция». Господин фон Монтескью, который в своём произведении о законах говорит о полиции очень мало и понимает её, очевидно, лишь в последнем значении, воспрещая большие наказания со стороны полиции, потому что люди находятся под постоянным надзором вышестоящих властей и поэтому было бы виной самих вышестоящих властей, если бы люди допускали нарушения» (Justi, 1760: 467–468).

¹⁹ Разбор актуализации камерализма в контексте концепции *gouvernementalité* Фуко требует отдельного разговора (Foucault, 2004).

ное здравие»; избегать дороговизны; строить дороги, держать города в чистоте, украшать их «статуями (истуканами)» (Юсти, 1772: I, 160–176, 449–463, 492–521).

Юсти сознает, что корыстолюбие исполнителей благочиния может перевернуть цели и задачи и превратить всенародную пользу в свою противоположность. В обширном примечании он рассуждает о том, что корыстолюбие, побочные намерения могут стать серьезной преградой. Борьба простая – доносы чиновников второго и третьего звена высшим руководителям, жесточайшие казни и достаточное жалование (Юсти, 1772: I, 39–40). Лекарством от коррупции и корысти Юсти считает патриотизм и нравственность. Воспитание управителей, управляющих, разрушающее влияние взяток, коррупции – важный элемент учения Юсти: *«Весьма удобно доказать, что нравственное состояние людей имеет великое участие как в благоденствии частных семей, так и в общественном благе. Верность к государству, любовь к отечеству, ревность и прилежание относительно к усугублению его пользе, суть крепчайшие подпоры гражданских строителств... Честность, нелицемерие, правосудие и справедливость в поступках... из сего черпают равную пользу не токмо частные семьи, но и общее благо... искоренять пороки – обман, злость, насильство и другие продерзости, и утверждать на незыблемом основании как личную, так и всенародную безопасность»* (Юсти, 1772: I, 32–33).

Юсти подчеркивает, что, в отличие от Ксенофонта, отходит от античного понимания экономики как домостроительства. Тем не менее обращение к фигуре отца показывает, что часто метафорой служит частное, единичное хозяйство, его благоразумная мудрость, тогда как в политической экономике и национальной экономике в XIX в. речь уже в большей степени будет идти об общественном хозяйстве: *«Правительство во всем подобно отцовской власти. Когда дети его, подданные, не наблюдают данных к благополучию их законов; то оно имеет и долг, и все нужные способы принуждать к тому детей своих и противу собственной их воли»* (Юсти, 1778: IV, 137–138). Подданные – хоть и свободные, но как дети, которых отец, т.е. иерархически стоящий выше их, может вразумлять и принуждать к их же благу.

Тем самым подробное знакомство с текстами переводов Юсти о камеральных науках и полиции показывает, что в русском звучании элемент нормативности еще более усиливается даже по сравнению с оригиналом. Полиция²⁰ и многие другие термины передаются на русском с помощью концептов «благо» и «добро». Это усиливает патернализм и нормативность, которые, как было показано, и так имманентно присущи повествованию. В этом последнем смысле неслучайно, что уже в XIX в. подобный подход будет критиковаться за то, что в подобных построениях из наблюдений за частным хозяйством выводятся постулаты для народного хозяйства (см. Ушинский, 1848: 45).

Кто же читал книги камералистов?

Культура цитирования того времени не позволяет даже предположить, насколько часто ссылались на работы Юсти. Образованных людей было немного, научные книги на русском языке не пользовались высоким спросом. Так, известный книгоиздатель и просветитель Николай Новиков сетовал на неподготовленность публики к научному чтению: *«на русском языке прежде почти не было полезных книг, а печатались только романы и сказки, но, однако, их покупали очень много; теперь же, когда переведены многия полезные “к украшению разума служащие” книги, их и в десятую долю против романов не покупают. Какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена. О нравы. Ободряйтесь российские писатели! Сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут»* (Семенников, 1912: 13–14). Так, в дополнение можно сказать, что издания Общества стара-

²⁰ Для справедливости следует отметить, что в первом переводе 1763 г. в главе «О союзе мануфактур и фабрик с общим состоянием и свойством государства» полиция в переводе именуется именно полицией. К примеру, когда говорится о «великой связи» «мануфактур и фабрик» с учреждением полиции, под ней Юсти подразумевает спокойствие, порядок, здоровье, «ассикурацию от пожаров», заботу о дешевизне товаров, чтобы у производителей издержки не были слишком велики (Юсти, 1763b: 336–337).

ющихся о переводе иностранных книг раскупались далеко не все. «Разговоры о хлебном торге» Фердинандо Галиани вышли в 1776 г. тиражом 300 экземпляров, а более чем через 30 лет, в 1808 г., 121 экземпляр так и не был продан (Семенников, 1913: 10–12).

В тех случаях, когда Юсти упоминается, отсылка часто идет к немецкому изданию. К примеру, Яков Павлович Козельский, работы которого вошли в избранные произведения русских писателей XVIII в., обращается к авторитету Юсти, когда формулирует собственные идеи по безопасности и военному искусству. В то же время он, в отличие от Юсти, не советует государям становиться предводителями армий, поскольку «без крайней нужды лучше управлять дома» (Козельский, 1952: 548–549). В своих политических рассуждениях Козельский ссылается на немецкий текст Юсти, ценит его наряду с Руссо и Монтескье. Вместе с тем Козельский знаком с Юсти именно по немецкому изданию, к которому и отсылает²¹.

Богатая коллекция книг Юсти на немецком (частично французском), которая хранится в российских библиотеках, подтверждает тезис о том, что оригинальные издания чаще использовались в научных целях. Так, в Российской национальной библиотеке (Императорская публичная библиотека) более 30 различных книг Юсти, изданных с 1748 по 1794 г. (часть из них поступила из библиотек Сухопутного шляхетского и Кадетского корпусов). Практически такая же крупная коллекция оригинальных текстов Юсти представлена в библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге.

Один из показателей востребованности перевода – это количество переизданий. В эту категорию практически не попадает литература по экономической тематике. Как показывает К.Д. Бугров, массовые переиздания, измеряемые десятками дополнительных тиражей, касаются в XVIII в. таких авторов, как Вольтер, Руссо, Фенелон, св. Августин. Сам автор видит несовершенство этого индикатора востребованности, поскольку Монтескье – очевидный властитель дум этого периода – не попадает, как бы мы теперь сказали, в рейтинги продаж (Бугров, Киселев, 2016). Вместе с тем надо согласиться, что книги, подобные книгам Юсти, – это заявка на массовость и воздействие не только на придворную, но и на публичную сферу.

Трудно считать адресатом книг Юсти академическое сообщество. Это подтверждается как тем, что эти переводы не попадают в цитирование, так и тем, что они не снабжены дополнительным научным аппаратом: предисловием, индексом, примечаниями, дополнениями. Главы и параграфы часто не соответствуют нумерации в оригинальном издании, индекс немецкого издания опускался, используемая терминология часто делала текст менее понятным по сравнению с немецким изданием, поэтому для образованного читателя надежнее и быстрее было ознакомиться с оригиналом.

Заключение

Переводы книг Юсти составили мощную коллекцию артефактов. Их присутствие до сих пор ощущается в библиотеках. По количеству книг и объему страниц переводы Юсти на русский язык выдвинулись на первое место, опередив переводы на французский и другие европейские языки. Если не для академического сообщества, то для административных реформ и публичного пространства книги Юсти были важным явлением. История с изданием его книг показывает, насколько огромен был интерес к многостороннему творчеству немецкого камералиста.

Не будет преувеличением сказать, что центральной темой камеральных наук у Юсти становится полиция. При передаче на русский язык термин *Policei* преобразуется в различные производные от слов «благо» и «добро». Полиция как благочиние и благоустройство должна стремиться к общему благу и заботиться о благосостоянии и

²¹ Как показывает коллекция Императорской публичной библиотеки, не только тексты Юсти, о чем была речь выше, но и книги немецких камералистов были хорошо представлены. Так, можно легко найти книги Симона Петера Гассера (1676–1745) (Gasser, 1729), Юстуса Кристофа Дитмара (1677–1737) (Dithmar, 1745) и таких чуть более поздних авторов, как Георг Генрих Цинке (1692–1768) (Zinke, 1751–1752). В электронный каталог РНБ данные издания еще не внесены.

благоденствию, что осуществляется через добрые законы и нравы. С одной стороны, такой перевод достаточно правильно передает более широкое значение термина «полиция», которое ему придавалось в XVIII в., с другой – у текстов переводов появляется еще более нормативный и приторный характер.

Судя по вниманию к переводам камералистов в типографиях Академии наук и Московского университета, академические интересы не сильно отделимы от политических и административных. Средства на перевод и заказы поступают от влиятельных особ, в некоторых случаях есть основания полагать, что от Екатерины II, графа Никиты Панина, графа Ивана Шувалова, Ивана Мелиссино. Переводят не свободные литераторы, а образованные чиновники, которые получают заказ и достаточно щедрые дополнительные ассигнования, иногда профессора Московского университета. Переводы отражали желание подражать лучшим практикам управления других монархий. В них достаточно мало академических справок, сносок, примечаний или указателей. Чаще встречаются сокращения, как в случае «Торгующего дворянства», когда была опубликована лишь треть. В красивых изданиях с кожаным переплетом русскую прописку получает сам текст. Перевод становится символом просвещенности того места, где эти тексты знают и воспроизводят не без торжественности, как в случае с четырьмя томами Юсти (1772–1778). Именно поэтому – из-за очевидного присутствия политической воли, государственного дела – не столь заметно проникновение переводов в образование и науку. Возникает ощущение, что в XIX в. о них вообще забывают. Их место остается вместе с пышной и вышедшей из моды мебелью и другими антикварными, уже безжизненными атрибутами былого величия, хотя по подражательному замыслу они должны были стать двигателями изменений и Просвещения.

Албион Смолл, создавая в начале XX в. энциклопедию камералистов, предложил разделять «камералистов книг» и «камералистов бюро». Сам Юсти, пожалуй, одинаково ярко сочетал в себе оба начала: выпускал книги, преподавал камеральные науки, но параллельно искал и находил для себя коллегии и бюро, где участвовал в управлении. В Россию Юсти не приезжал, но переводы его текстов невероятно продвинули «камерализм книг».

ЛИТЕРАТУРА

- Бильфельд, Я. Ф. (1768). *Наставления политическая*. Часть первая. М.: Императорский Московский университет.
- Бугров, К. Д., Киселев, М. А. (2016). *Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*. Екатеринбург: Из-во Уральского университета.
- Германия (1763) // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах*, июль, с. 91–92.
- Готовцева, А. Г. (2017). Европейская экономическая мысль на страницах журнала Академии наук // *Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология*, (7), 9–17.
- Зонненфельс, И. (1787). *Начальные основания полиции или благочиния*. М.: Университетская типография (Н. Новикова).
- Зубков, К. И. (2013). Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // *Уральский исторический вестник*, (3), 20–29.
- Кильдюшов, О. В. (2013). Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // *Социологическое обозрение*, 12(3), 9–40.
- Козельский, Я. (1952). Философские предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Я. Козельским // *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*, Т. 1. М.: Гос. из-во политич. литературы.
- Мартынов, И. (1988). Иван Иванович Богаевский, с. 99–100 / В кн.: *Словарь русских писателей XVIII века*. Л.: Наука, т. 1.

- Мельникова, Н. (1966). *Издания, напечатанные в типографии Московского университета XVIII в.* М.: Издание Московского университета.
- Рак, В. Д. (1998). *Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции.* СПб.: Академический проект.
- Расков, Д. Е. (2019). Антонио Дженовези – основатель первой кафедры политической экономики? / В сб.: В. Т. Рязанов (ред.) *Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: путь в 200 лет.* СПб.: Из-во СПб. ун-та.
- Сазонова, Л. И. (1988). Авраам Степанович Волков // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л.: Наука.
- Семенников, В. П. (1912). *Раннее издательское общество Н. И. Новикова (1773 года) // Оттиск из журнала Русский Библиофил, 13–14.* СПб.
- Семенников, В. П. (1913). *Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783.* Историко-литературное исследование. СПб.
- Ушинский, К. (1848). *О камеральном образовании. Речь, произшедшая в историческом собрании Ярославского Демидовского Лицея 18-го сентября 1848 года.* М.: Университетская типография.
- Филиппов, А. (2012). Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии // *Отечественные записки, (2).*
- Юсти, И. Г. Г. (1763а). О нужности и пользе мануфактур и фабрик // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, июль, 42–68.*
- Юсти, И. Г. Г. (1763b) О союзе мануфактур и фабрик с общим состоянием и свойством государства // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, сентябрь, 249–265, октябрь, 335–347.*
- Юсти, И. Г. Г. (1763с). О заведении и основании мануфактур и фабрик // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, декабрь, 490–547.*
- Юсти, И. Г. Г. (1766). *Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному, или два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество?* СПб.: Академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1770). *Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов.* М.: Императорский Московский университет.
- Юсти, И. Г. Г. (1772). *Основание силы и благосостояния Царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, Т. 1.* СПб.: Имп. академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1775). *Основание силы и благосостояния Царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, Т. 2.* СПб.: Имп. академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1777). *Основание силы и благосостояния Царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, Т. 3.* СПб.: Имп. академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1778). *Основание силы и благосостояния Царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, Т. 4.* СПб.: Имп. академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1802). *Существенное изображение естества народных обществ и различных законов, Т. 1–2.* СПб.: Медицинский коллегийум.
- Adam, U. (2006). *The Political Economy of J.H.G. Justi.* Oxford: Peter Lang.
- Adam, U. (2009). Justi and the Post-Montesquieu French Debate on Commercial Nobility in 1756, pp. 75–98 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi.* Springer.

- Alimento, A. (2014). Translation, Reception and Enlightened Reform: The Case of Forbonnais in Eighteenth-Century Political Economy // *History of European Ideas*, 40(8), 1011–1025.
- Backhaus, J. G. (ed.) (2009). *The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Clendenning, P. H. (1972). Eighteenth Century Russian Translations of Western Economic Works // *Journal of European Economic History*, Winter, 745–753.
- Dithmar, J. Ch. (1745). *Einleitung in die Oeconomische Policei und Cameral-Wissenschaften*. Frankfurt an der Oder.
- Foucault, M. (2004). *Security, Territory, Population. Lectures at the College de France. 1977–78*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gasser, S. P. (1729). *Einleitung Zu den Oeconomischen Politischen und Cameral-Wissenschaften, Worinnen für dieses mal Die Oeconomico-Cameralia Vonden Domainen- oder Cammer- auch andern Gütern*. Halle: Verlegung des Wäysenhauses.
- Justi, J. H. G. (1756). *Der handelnde Adel, dem der kriegerische Adel entgegen gesetzt wird. handlungen über die Frage: Ob es der Wohlfarth des Staates gemäß sey, Kaufmannschaft treibe? Aus dem Französischen übersetzt und mit einer Abhandlung diesen Gegenstand versehen von Johann Heinrich Gottlob Justi*. Göttingen.
- Justi, J. H. G. (1760). *Die Natur und das Wesen der Staaten als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Polizey und aller Regierungs wissenschaften, desgleichen als die Quelle alle Gesetze abdehandelt*. Berlin.
- Kamendrowsky, V., Griffiths, D. M. (1978). The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in The Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge, 26(2), 198–221.
- Nokkala, E. (2019). *From Natural Law to Political Economy: J.H.G. von Justi on State, Commerce and International Order*. Zürich: Lit.
- Raeff, M. (1975). The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*, 80(5), 1221–1243.
- Raeff, M. (1983). *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia*. New Haven and London: Yale University Press.
- Ransel, D. (1975). *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. London.
- Reinert, E. (2009). Johann Heinrich Gottlob von Justi – The Life and Times of Economist Adventurer, pp. 33–74 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The beginnings of Political Economy. Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Reinert, E., Reinert, H. (2009). A Bibliography of J.H.G. von Justi, pp. 19–31 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy. Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Reinert, S. (2011). *Translating Empire. Emulation and the Origins of Political Economy*. Cambridge and London: Harvard University Press.
- Sandl, M. (2016). Development as possibility. Risk and chance in the Cameralist discourse / In: Ph. Rössner (ed.) *Economic Growth and the Origins of Modern Political Economy. Economic reasons of state, 1500–2000*. London and N.Y.: Routledge.
- Schiera, P. (1968). *Il Cameralismo e l'assolutismo tedesco. Dall'arte di Governo alle Scienze dello Stato*. Milano: A. Giuffrè.
- Schumpeter, J. (2006). *History of Economic Analysis*. London: Routledge.
- Seppel, M., Tribe, K. (2017). *Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*. Woodbridge: Boydell Press.
- Small, A. (1909). *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity*. Chicago: The University of Chicago Press.

- Tribe, K. (1988). *Governing economy. The Reformation of German Economic Discourse 1750–1840*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tribe, K. (2006). Cameralism and the Sciences of the State, pp. 525–546 / In: M. Goldie and R. Wokler (eds.) *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wakefield, A. (2009). *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago: University of Chicago.
- Zincke, G. H. (1751–1752). *Cameralisten-Bibliothek: worinne nebst der Anleitung, die Cameral-Wissenschaft zu lehren und zu lernen, ein vollständ. Verzeichniß der Bücher u. Schriften von der Land- & Stadt-Oeconomie, d. Policy-, Finanz- u. Cammer-Wesen zu finden*. Jakobi: Leipzig.

REFERENCES

- Adam, U. (2006). *The Political Economy of J.H.G. Justi*. Oxford: Peter Lang.
- Adam, U. (2009). *Justi and the Post-Montesquieu French Debate on Commercial Nobility in 1756*, pp. 75–98 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Alimento, A. (2014). Translation, Reception and Enlightened Reform: The Case of Forbonnais in Eighteenth-Century Political Economy. *History of European Ideas*, 40(8), 1011–1025.
- Backhaus, J. G. (ed.) (2009). *The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Bielfeld, B. (1768). *Political Institutions*, p. 1. Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Bugrov, K., Kiseliyov, M. (2016). *Natural Law and Virtue. The Integration of European Influence into the Eighteenth-Century Russian Political Culture*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russian.)
- Clendenning, P. H. (1972). Eighteenth Century Russian Translations of Western Economic Works. *Journal of European Economic History*, (3), 745–753.
- Dithmar, J. Ch. (1745). *Introduction to the Economic Policy and Cameral Sciences*. Frankfurt an der Oder. (In German.)
- Filippov, A. (2012). Police State and the Common Good. To the History of one Ideology. *Domestic notes (Otechestvennye zapiski)*, (2). (In Russian.)
- Foucault, M. (2004). *Security, Territory, Population. Lectures at the College de France. 1977–78*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gasser, S. P. (1729). *Introduction to the Economic and Cameral Sciences*. Halle: Verlegung des Wäysenhauses. (In German.)
- Germany (1763). *Monthly writings and news of scientific affairs (Ezhemesiachnye sochine-niia i izvestiia o uchionyh delah)*, July, 91–92. (In Russian.)
- Gotovtseva, A. (2017). European Economic Thought on the pages of the Journal of Academy of Sciences. *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, (7), 9–17. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1763a). On the need and utility of manufactures and factories. *Monthly writings and news of scientific affairs (Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenyx delax)*, July, 42–68. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1763b). On the union of crafts and factories with the general condition and quality of State. *Monthly writings and news of scientific affairs (Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenyx delax)*. September, 249–265, October, 335–347. (In Russian.)

- Justi, J. H. G. (1763c). On the establishment of manufactures and factories. *Monthly writings and news of scientific affairs (Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenyh delax)*, December, 490–547. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1766). *Trading Nobility*. Saint Petersburg: Akademiya nauk Publ. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1770). *The essential image of the nature of popular societies and all kinds of laws*. Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1772). *The foundation of the power and welfare of the Kings or a detailed outline of all knowledge relating to state police*, vol. 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1775). *The foundation of the power and welfare of the Kings or a detailed outline of all knowledge relating to state police*, vol. 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1777). *The foundation of the power and welfare of the Kings or a detailed outline of all knowledge relating to state police*, vol. 3. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1778). *The foundation of the power and welfare of the Kings or a detailed outline of all knowledge relating to state police*, vol. 4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1802). *The essential image of the nature of popular societies and all kinds of laws*, vols. 1–2. Saint Petersburg: Medicinskij kollegium Publ. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1756). *Trading Nobility. With the introduction of von Johann Heinrich Gottlob Justi*. Göttingen. (In German.)
- Justi, J. H. G. (1760). *The nature and essence of states as the basic science of statesmanship, of the police, and of all governmental sciences, as well as the source of all laws of law*. Berlin. (In German.)
- Kamendrowsky, V., Griffiths, D. M. (1978). The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in The Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge, 26(2), 198–221.
- Kildyushov, O. (2013). Police as a Science and Politics: on the Birth of Modern Order from Philosophy and Police Practice. *Sociological Review (Soziologicheskoe obozrenie)*, 12(3), 9–40. (In Russian.)
- Kozelskiy, Ya. (1952). Philosophical Proposals Written by the Court Counselor and the Governing Senate Secretary. *Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century (Izbrannye proizvedeniya russkix myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka)*, vol. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature Publ. (Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury). (In Russian.)
- Martynov, I. (1988). Ivan Ivanovich Bogaevskij, pp. 99–100 / In: *Dictionary of the Russian writers of XVIII century*, vol. 1. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian.)
- Melnikova, N. (1966). *The Editions Published in the Eighteenth-Century Moscow University's Printing House*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russian.)
- Nokkala, E. (2019). *From Natural Law to Political Economy: J.H.G. von Justi on State, Commerce and International Order*. Zürich: Lit.
- Raeff, M. (1975). The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach. *The American Historical Review*, 80(5), 1221–1243.
- Raeff, M. (1983). *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia*. New Haven and London: Yale University Press.

- Rak, V. D. (1998). *Russian literary collections and periodicals of the second half of the 18th century. Foreign sources, composition, compilation technique*. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt Publ. (In Russian.)
- Ransel, D. (1975). *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. London.
- Raskov, D. E. (2019). Antonio Genovesi as a founder of the first Chair of Political Economy / In: V. T. Ryazanov (ed.) *Economic theory at St. Petersburg University: a journey of 200 years (Ekonomicheskaya teoriya v Sankt-Peterburgskom universitete: put v 200 let)*. Collection of articles. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ. (In Russian.)
- Reinert, E. (2009). Johann Heinrich Gottlob von Justi – The Life and Times of Economist Adventurer, pp. 33–74 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The beginnings of Political Economy. Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Reinert, E., Reinert, H. (2009). A Bibliography of J.H.G. von Justi, pp. 19–31 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy. Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Reinert, S. (2011). *Translating Empire. Emulation and the Origins of Political Economy*. Cambridge and London: Harvard University Press.
- Sandl, M. (2016). Development as possibility. Risk and chance in the Cameralist discourse / In: Ph. Rössner (ed.) *Economic Growth and the Origins of Modern Political Economy. Economic reasons of state, 1500–2000*. London and N.Y.: Routledge.
- Sazonova, L. I. (1988). Avraam Stepanovich Volkov / In: *Dictionary of the Russian writers of XVIII century*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian.)
- Schiera, P. (1968). *Cameralism and German Absolutism. From the Art of Management to the Science of State*. Milano: A. Giuffrè. (In Italian.)
- Schumpeter, J. (2006). *History of Economic Analysis*. London: Routledge.
- Semennikov, V. P. (1912). Early printing house of N. I. Novikov (1773). Imprint from the journal *Russian Bibliophile (Russkij Bibliofil)*, pp. 13–14. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Semennikov, V. P. (1913). Society aiming at the translation of foreign books, established by Catherine II, 1768–1783. Historical and literary research. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Seppel, M., Tribe, K. (2017). *Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*. Woodbridge: Boydell Press.
- Small, A. (1909). *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Sonnenfels, J. (1787). *Basics of Police and Good Order*. Moscow: Universitetskii tipografiia (N. Novikov). (In Russian.)
- Tribe, K. (1988). *Governing economy. The Reformation of German Economic Discourse 1750–1840*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tribe, K. (2006). Cameralism and the Sciences of the State, pp. 525–546 / In: M. Goldie and R. Wokler (eds.) *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ushinsky, K. (1848). On Cameral Education. (The speech that took place in the historical collection of the Yaroslavl Demidov Lyceum on September 18, 1848). Moscow: University Printing House. (In Russian.)
- Wakefield, A. (2009). *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago: University of Chicago.
- Zincke, G. H. (1751–1752). *Cameralisten-Bibliothek: In addition to the instruction how to teach and learn the Cameral-Sciences*. Jakobi: Leipzig. (In German.)
- Zubkov, K. I. (2013). Cameralism as a model of interaction between the state and society: a new vision. *Ural Historical Journal*, (3), 20–29. (In Russian.)

КАМЕРАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ XVIII ВЕКА¹

Ирина Геннадьевна ЧАПЛЫГИНА,
кандидат экономических наук, доцент,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,
e-mail: igch@yandex.ru

Цитирование: Чаплыгина, И. Г. (2019). Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века // *Terra Economicus*, 17(4), 80–94. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-80-94

В статье рассматривается вопрос о влиянии камерализма на развитие экономической науки и системы образования в России XVIII в. В первой части статьи переосмысливается понимание термина камерализм. На основе анализа исторических предпосылок развития этого течения обосновывается вывод о том, что камерализм стал ответом на изменение политики национальных государств после Тридцатилетней войны и процессов секуляризации общества, на распространение идей о том, что основой политической власти и национальной независимости является сильная экономика. Это формирует определенный запрос на новый тип экономического знания, целенаправленного на решение прикладных экономических задач. В результате складывается ряд отличительных особенностей камералистской научно-образовательной программы: акцент на сбор информации о национальном хозяйстве, прикладной характер исследований, эклектичность предмета и метода, публичность академической деятельности. Во второй части статьи дается оценка развития экономических дисциплин в России XVIII в.; делается акцент на тех тенденциях, которые представляются общими с европейским камерализмом: понимание «экономии» как практического применения любых наук для рационализации хозяйственной жизни государства; концентрируется внимание на роли естественно-научных дисциплин в развитии экономического знания. Отдельно анализируется характер курсов, преподававшихся в Московском университете с 1755 по 1804 г., на основе чего делается вывод о том, что, несмотря на отсутствие явных экономических дисциплин, на всех трех факультетах (философии, права и медицины) преподавались отдельные аспекты камералистской проблематики, а также о том, что эта дисциплинарная разобщенность сохранилась даже после учреждения в 1804 г. кафедры политической экономии.

Ключевые слова: камерализм; русская экономическая мысль XVIII века; Московский государственный университет; эволюция экономической мысли

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

CAMERALISM AND ECONOMIC DISCIPLINES IN THE EIGHTEENTH-CENTURY MOSCOW UNIVERSITY

Irina G. CHAPLYGINA,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
e-mail: igch@yandex.ru

Citation: Chaplygina, I. G. (2019). Cameralism and economic disciplines in the eighteenth-century Moscow University. *Terra Economicus*, 17(4), 80–94. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-80-94

The main purpose of this article is to investigate the impact of European cameralism on the development of Russian economic science and education in the 18th century. Cameralism as a Science of the State or Science of Regulation was a response to the profound political changes provoked by the Thirty Years War and Peace of Westphalia as well as by the process of secularization. Young national states developed the idea of civil and economic regulation as a main source of its power and sovereignty. This new political strategy demanded a new type of economic knowledge – applied, pragmatic, and practical-oriented. As a result, new cameral sciences demonstrated few distinctive features: the emphasis on collecting data of national economy, the practical focus of research, the methodological and disciplinary eclectics as well as the growth of the publicity of academic activity. Thus, the investigation of the Russian economic thought and education of 18th century is aimed to discover common features with European cameral tendencies. In this period, “economy” designated the practical application of any scientific knowledge in order to rationalize the economic life of the state. As a result, natural sciences played the notable role in the development of economic science. The structure of the courses of Moscow University from 1755 to 1804 did show that economic disciplines are represented at all three faculties, – Philosophy, Law and Medicine. Even after the department of political economy was established in 1804, this disciplinary disunity tended to persist.

Keywords: cameralism; Russian economic thought of XVIII century; Moscow State University; Russian economic education; evolution of economic thought

JEL classifications: B11, B19, B30, B31

Камерализм как термин, обозначающий систему мышления, экономическую практику и набор учебных дисциплин, не имеет четких контуров. Стандартно под камерализмом понимали немецкую версию меркантилизма. Й. Шумпетер называет камерализм «наукой о государстве» (Staatswissenschaft) или «системой экономического управления и политики» (Polizeywissenschaft) и полагает, что такого рода литература и практика встречались и в других европейских странах, в связи с чем термин «камерализм» считает неудачным, так как он ассоциируется только с Германией (Schumpeter, 2006: 155). Сам он использует более широкое понятие – консультанты-администраторы.

У. Кларк называет камералистов теоретиками бюрократической рационализации жизни общества. Он переводит термин Polizeywissenschaft как «наука контроля» и в

доказательство верности такой интерпретации приводит слова фон Юсти: «камералист должен быть экономистом и специалистом в области контроля, наведения порядка (policing)» (Clark, 1953: 11). Цель этого контроля – развитие «культуры земель (culture of the lands)», включающее в себя три задачи: распространение полезных искусств, наук и ремесел; рациональное использование богатств; обеспечение занятости. При этом Кларк настаивает на германском происхождении камерализма, утверждая, что «это были те [ученые] или то [течение], что имела Германия в противовес британской политической экономии или французским физиократам» (Clark, 1953: 12).

К. Трайб утверждает, что камерализм как концепция включал в себя две части – экономику как анализ направлений экономической политики (определение объектов управления) и полицию² как науку, вырабатывающую сами методы управления государством и его экономикой в частности (Tribe, 1995: 22).

Первые камералистские трактаты были представлены в форме наставлений протестантским государствам Священной Римской империи (Tribe, 1995: 8). Ю. Бэкхауз утверждает, что камерализм начинает возникать как учебная дисциплина в северо-восточной Европе после Тридцатилетней войны (1618–1648); и происходит это в связи с возникновением множества независимых суверенных государств, признающих принцип невмешательства во внутренние дела друг друга. Объединенные в рамках Священной Римской империи, эти государства оказываются вынуждены конкурировать между собой и при этом не могут использовать военные методы. Поэтому конкуренция перетекает в мирное русло, что заставляет государства обратиться к экономическим вопросам (Backhaus, Wagner, 1987: 4). Камерализм в результате стал ответом на запрос со стороны власти усовершенствовать методы управления своим национальным хозяйством.

Близкую позицию можно встретить в рассуждениях Мишеля Фуко, который, правда, объединяет понятия камерализм и меркантилизм. С его точки зрения, оба течения являются отражением общей тенденции государств к регуляционизму, которая возникает в XVII в. в связи с новым балансом сил в Европе, когда государства отказались от имперских амбиций и сконцентрировались на задаче выживания и развития. Это приводит к переориентации интересов правителей с вопросов ведения войн и политических интриг в область хозяйства и рационального использования ресурсов (Фуко, 2010: 405–409).

Возникновение идей государственной регуляции хозяйственной жизни не в последнюю очередь связано с процессом секуляризации. Ослабление роли церкви в ходе Реформации приводит к определенному управленческому вакууму. Церковь перестает выполнять традиционно принадлежащие ей функции по упорядочиванию социальной жизни, поэтому часть этих функций берет на себя государство (Schumpeter, 2006: 141–142). Секуляризация приводит и к смене старой идеи божественного происхождения власти. Распространяется концепция общественного договора. В результате власть правителя отныне оправдывается теми общественными функциями, которые он выполняет: государь остается государем, пока он неустанно заботится о социальном мире и общем благополучии. В частности, Ларс Бериш (Behrisch, 2016: 246) считает, что новая светская концепция власти налагала на эту власть более жесткие требования по реализации интересов общего блага. В результате чего формируется запрос на утилитаристскую программу «просвещенного абсолютизма» и новые экономические концепции. В Германии такой концепцией и стал камерализм.

В целом регуляционизм камералистов основывается на фундаментальной идее о том, что достижение общественного благополучия возможно только путем целенаправленного управления жизнью социума. Необходимость управлять вытекает из общего понимания, что регулярность общественной структуры не возникает сама по

² Использование термина Polizei К. Трайб объясняет тем, что в ту эпоху термин Policy относился только к внешней политике. А вот термин Polizei как раз касался принципов внутреннего управления государством.

себе, естественным путем из свободного взаимодействия людей. Это результат осознанной рационализации. Как пишет Трайб: «Эта задача государства, оправдание ее существования не было чем-то, что возникает естественным образом из общественной жизни людей, ибо сложение их действий не демонстрирует регулярности, но лишь хаотичное повторение – таким образом внутренняя гармония государства представляла как состояние, требующее постоянной и сознательной заботы, вечно расширяющейся и никогда не завершающейся проблемой» (Tribe, 1995: 20). В этой связи К. Трайб рассматривает идею полицейского государства как еще одно проявление общей тенденции анализируемой эпохи к рационализации: наравне с рациональным экономическим агентом, появление которого описывал М. Вебер, возникает и рациональное государство как еще одна ипостась веры в человеческий разум.

При этом рационализм практики не означает методологического рационализма самой концепции управления. Трайб пишет о том, что камерализм – это управление не по законам, выстроенным на основе универсальной логики, а по понятиям, когда государь, ориентирующийся на свои личные представления о благе народа, не считающийся ни с какими универсальными правами, выстраивает счастье своего народа. «Полицейское государство (Polizei) представляет собой не-юридическую форму регуляции, форму организации, не основанную на законе» (Tribe, 1995: 22). Такое понимание природы законов сочетается с идеей абсолютного верховенства воли монарха, часто встречающейся в камералистской литературе, а также тенденцией к эмпиризму – сборанию и сравнению по степени эффективности реальных практик управления, законов, политических стратегий. Рационализм этой стратегии проявляется в стремлении использовать достижения науки для совершенствования хозяйственной практики.

Логичным завершением идеи целенаправленного управления становится мелочная регуляция. Сама постановка задачи – целенаправленное обеспечение «совершенного счастья» нации – требовала включения в круг пристального внимания со стороны государя все больших сторон деятельности людей. Таким образом стратегии *Polizeiordnungen* и *Polizeywissenschaft* распространяются на все более широкие сферы общественной жизни, приводя ко все большей централизации власти и развитию все более детализированной регламентации. (Tribe, 1995: 21). Трайб приводит цитату фон Берга: «Полицейское государство подобно благонамеренному гению, бережно выравнивающему дороги, по которым ходят его подданные; очищающему воздух, которым они дышат; обеспечивающему безопасность деревень и владений, в которых они обитают, и дорог, по которым они ходят; оберегающему хлеб, который они выращивают, защищающему их дома от огня и наводнения и их самих от болезней, бедности, невежества, предрассудков и безнравственности... Его зоркий взгляд вездесущ; его поддерживающие руки всегда наготове, и мы незримо окружены его нескончаемой заботой» (Tribe, 1995: 20).

Исторической иллюстрацией такой мелочной политики может служить иосифизм. Иосиф II³, искренне стремясь обеспечить счастье своему народу, полагал, что это счастье может быть достигнуто лишь благодаря жесткому регулированию. Известна его фраза: «Все для людей, ничего самими людьми»⁴. В результате в период его правления было издано более 6000 эдиктов и 11 000 новых законов, установивших унифицированное правление всеми землями⁵.

При этом регуляционизм не означал ликвидацию личной свободы. В частности, У. Кларк пишет о камералистско-буржуазной политике свободы: «рациональное государство не должно пытаться управлять всем», «министры должны облегчать задачу предпринимателям, которые организуют производство на свой страх и риск», «гор-

³ Иосиф II (1741–1790), император Священной Римской империи с августа 1765 г. и единый правитель Габсбургских земель с ноября 1780 г.

⁴ «Everything for the people, nothing by the people».

⁵ Стоит отметить, что после смерти Иосифа практически все законы были отменены в связи с аристократической реакцией.

няки, как и ученые, нуждаются в определенной степени свободы» (Clark, 1953: 12). Но эта идея свободы носила не романтический, а «хладнокровный прагматический характер» (Clark, 1953: 13): необходимость предоставления свободы была вызвана пониманием того, что в таких условиях хозяйственная деятельность людей, как и профессиональная деятельность ученых, даст бóльшие плоды. В этой связи любопытна оценка Й. Шумпетером взглядов фон Юсти на свободу: «Он также не был слеп к возможностям свободного предпринимательства, на которое он смотрел с отрешенностью, но без враждебности. Фактически, несмотря на его одобрение государственного регулирования вплоть до признания целесообразным требовать государственными указами производства конкретных благ, он заявлял в качестве общего принципа, что все, что на самом деле нужно промышленности и торговле, – это свобода и безопасность» (Schumpeter, 2006: 166).

Камерализм и научно-образовательная стратегия

Камерализм как учебная и научная дисциплина возникает на фоне старой системы образования, которая если и включала экономические знания, то в рамках права или нравственной философии⁶ (Schumpeter, 2006: 156), куда входила наравне с политикой. При этом экономика рассматривалась как наука о ведении домашнего хозяйства, а политика – как наука о государственном устройстве, не затрагивающем напрямую вопросы экономики. В целом экономические вопросы поднимались с целью моральной и правовой оценки хозяйственного поведения отдельных индивидов (включая государей).

Камерализм по своему характеру значительно отличался от предшествовавшей ему традиции. Он выступал, во-первых, как наука о государственном хозяйстве, во-вторых, демонстрировал ярко выраженную прикладную направленность анализа. Интересное противопоставление двух традиций дает Кларк: «После 1763 года возникло две системы. Одна аристократическая, куртуазная система, основанная на связях, подарках, покровительстве, и в основном существовавшая для высших слоев общества, которая противостояла буржуазной, бюрократической системе, основанной на проверке (examination), работе и заслугах и в основном существовавшая для средних и низших слоев общества. Эта вторая система соответствовала рационалистическим настроениям, витавшим в академической среде» (Clark, 1953: 11).

Новая политика национальных государств, в рамках которой вопросы рационализации хозяйства достигли масштаба отдельных княжеств, королевств и герцогств, сформировала запрос на новый тип знаний: на сбор информации о национальном хозяйстве, на прикладные знания и профессиональные кадры, которые могли бы эти знания применять. Кларк приводит слова прусского камералиста Цинке, который называет школы «в действительности политическим институтом (Policey-Anstalt)» и пишет, что «забота о землях требовала хорошего управления школами и академическими институтами, которые ... просвещенные камералисты и политические ученые рассматривали как особую форму общественного и экономического производства» (Clark, 1953: 12).

Но образование было нужно полицейским государствам не только для того, чтобы управлять. Во многих государствах, где главным источником пополнения казны была хозяйственная деятельность собственных подданных, распространение грамотности и практических хозяйственных знаний среди населения рассматривалось как важный источник роста национального богатства. В качестве иллюстрации такой политики можно привести деятельность Эрнста I Благочестивого (1601–1675), который, не имея ни рудников, ни выхода к транспортным путям – традиционным источникам доходов государств того времени, сделал ставку на образование, в первую очередь гражданских служащих. Еще один пример – уже упомянутая ранее политика Иосифа II.

Эта ориентация на широкое распространение знаний проявится в одной из особенностей новой университетской системы – требовании публичности академической де-

⁶ Первая кафедра нравственной философии возникает в Болонском университете в XIV в.

тельности (например, в обязательности чтения публичных лекций). Кларк называет этот процесс «культивированием рынка в академических кругах» и говорит о том, что для получения университетской кафедры ученый должен был обладать публичной известностью (Clark, 1953: 8–14).

Так или иначе, образовательная политика становится одним из приоритетов регуляционистских государств: возникают университеты, создающиеся муниципальными администрациями (Кельнский или Университет г. Эрфурт), обучающихся студентов рассматривают как полезный инструмент государственной политики, как будущих чиновников и законопослушных граждан (Clark, 1953: 13). Государственное значение приобретают и науки. Как пишет Зонненфельс, теперь «науки формируют важную часть образования и ... становятся субъектом государственного обеспечения» (Clark, 1953: 12). В этой связи стоит упомянуть об известном отличии германских университетов от английских: если последние представляли собой совокупность колледжей и выполняли, прежде всего, учебные функции, то первые состояли из кафедр и были нацелены на научные исследования.

Говоря об особенностях самих знаний, которые развивались в рамках камерализма, можно выделить несколько наиболее характерных. Первая – особое внимание к сбору самой широкой хозяйственной информации, причем с акцентом на национальные особенности. Развиваются централизованные практики сбора таких данных: торговой статистики, отчетов о сборах урожая, смертности населения. Как пишет Берриш, начиная с 1760 г. официальные власти Франции и Германии все больше опираются на количественные показатели при проведении экономической политики (Behrisch, 2016: 245). О важности сбора информации упоминает и Трайб. Он отмечает, что с середины XVIII в. начинают появляться тексты со ссылками на такие количественные данные. В частности, приводит в пример работу фон Юсти «Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten» (Tribe, 1995: 21).

В этой связи Бэхауз пишет, что «эта [камеральная] литература характеризовалась определенным базовым реализмом» (Backhaus, 2009: 2). Трайб также указывает на эмпирический характер формирующейся теории, которая в отличие от предыдущей традиции опиралась не столько на рационалистические методы анализа, сколько на исследование существующих практик и поиск наилучших из них.

Следующая особенность – прикладной характер знаний, направленных на решение конкретных задач в области государственного управления. Из него вытекают два очень важных следствия. Во-первых, как пишет М. Раев, способствовал выделению чисто экономической проблематики, в частности, при анализе таких категорий, как труд. Если в рамках схоластической традиции вопросы труда были смешаны с вопросами морали, равно как со всем комплексом социальных и культурных аспектов поведения, то в рамках нового подхода в силу прикладного характера исследований акцент ставится на хозяйственной пользе, тем самым создается экономическое понимание труда в современном его значении (Raeff, 1983: 78, 105).

Во-вторых, с нашей точки зрения практическая направленность формируемого знания объясняет его эклектичность как в выборе предмета, так и метода. Системообразующим элементом теорий оказывалась сама реальность. В зависимости от того, какими ресурсами владел тот или иной государь, на той области хозяйственных вопросов и концентрировался интерес. Если национальная экономика носила торговый характер, на первый план выступала торговля, если ресурсный – то вопросы горного дела, металлургии и сельского хозяйства. То же касается и теоретических источников, которые выбирали камералисты – в трактатах могли использоваться идеи физиократов (Тюрго), французских и итальянских просветителей (Монтескье, Галиани, Дженовези, Беккариа)⁷, английских политэкономов (Петти) без особой заботы о логической

⁷ Об этом, в частности, говорил Alexandre Cunha, Universidade Federal de Minas Gerais, на Ежегодной конференции Европейского общества по истории экономической мысли, ESHET (23–25 мая 2019 г., Лилль).

согласованности концепций разных авторов. Это свидетельствует о том, что целью изысканий было формирование свода любых полезных знаний, способствующих росту конкурентных преимуществ нации, а не целостной теории или «системы политической экономии» в шумпетеровском понимании этого термина.

В этой связи знания собирались из разных дисциплин – географии, натуральной истории, минералогии, горного дела, агрономии, инженерии. Как справедливо пишет Каратаев, «познания ученых XVIII века, как правило, сохраняли энциклопедический характер. Современными им народно-хозяйственными проблемами с большим успехом занимались не только ученые, посвятившие себя изучению общественных знаний, но и естествоиспытатели, техники, металлурги. ... Не приходится удивляться наблюдавшимся в литературе попыткам установить связи между физикой и экономией, определить ту пользу, которую может принести физическая наука земледелию и всей коммерции. На страницах научных журналов появились даже рассуждения о необходимости особой экономической физики» (Каратаев, 1960: 12).

Этой же особенностью характеризуется и система преподавания: будущих управленцев готовили не только кафедры камеральных и полицейских наук, но и кафедры статистики и земледелия (Schumpeter, 2006: 155), сами камералисты получали знания в области минералогии, химии, физики, инженерии и т.д. В их трактатах вопросам сельского хозяйства, горного дела и минералогии, технологиям ремесленного производства уделяется не меньшее внимание, чем проблемам государственных финансов и политической экономии (Backhaus, 2009: 2).

Таким образом, новый идеал науки предполагал самый широкий анализ наилучших практик управления хозяйством на основе собранной информации об этом хозяйстве и существующего опыта, а также максимальную популяризацию результатов этого анализа. При этом задачу рационализации государственного управления решали не только кафедры камеральных наук, но и естественно-научные.

Экономические дисциплины в России XVIII века

Экономическая наука обособилась в России лишь в начале XIX в. В частности, в Уставе Академии наук 1803 г. впервые фигурирует «политическая экономия», а в учебном плане 1804 г. Московского университета предусмотрено ее преподавание. В XVIII в. термин «экономия» понимался в основном в ксенофоновско-аристотелевском духе как наука об управлении домашним хозяйством или поместьем. Проблемы управления экономикой государства – объект нашего исследования, – если они и рассматривались, то могли включаться только в предмет «политики». В частности, в труде Юрия Крижанича «Политичны думы» экономия представлена как наука об управлении домохозяйством, а политика – об управлении народом. Как пишет Каратаев, в определенный момент стали применять разделение на экономию поместья и экономию государственную. Именно этот термин – «государственная экономия» – наиболее близок в XVIII в. понятию «камерализм».

Чтобы избежать современных ассоциаций с термином экономия, стоит ненадолго остановиться на особой его интерпретации в рассматриваемый период. Во-первых, экономия государственная рассматривалась как обычная экономия, т.е. то же домоуправление, только в масштабах хозяйства государя. В рамках монархического уклада изменение ракурса почти не требовало смены принципов управления. Подобно тому как помещик управлял поместьем, монарх управлял монархией. Отсюда и широкий охват вопросов, которые могли включаться в предмет исследования и их вариативность в зависимости от местных условий.

Выход экономической проблематики на национальный уровень был связан как с усложнением казенного хозяйства, так и с распространением идеи о том, что именно хозяйство является основой любой политической власти. Мы уже говорили о том, что в Европе камерализм начинает развиваться в связи с тем, что политика национальных

государств переориентируется с вопросов военного противостояния на экономическое. В России эта тенденция также проявляет себя. Наиболее очевидным является пример политики Петра I, концентрирующейся на экономических реформах ради достижения национальной мощи. В текстах эпохи также можно найти множество иллюстраций этой идеи. Например, Татищев⁸, который определяет «государственное попечение, мудрость экономия» как «приобретение и хранение всех польз государственных»: 1) «во умножении народа»; 2) в «довольствии всех подданных»; 3) «побуждение и способы к трудолюбию, ремеслам, промыслам, торгам и земским работам»; 4) «во умножении всяких плодов от животных и растений»; 5) «в научении страху божею и благонравию»; 6) «в умеренном употреблении имения и проч.», далее пишет, что «через сии способы всяк, собственно, и все государство обогащается, усиливается и славу приобретает» (Платонов, 2014: 150–152).

Подобные взгляды высказывает и один из первых профессоров философии Московского университета Н.Н. Поповский: «Пускай другие ищут бессмертия в завоевании новых земель, в обгащении полей человеческой кровью, в воинской славе и победах; пусть приобучают народ свой к свирепству, бесчеловечию и убийствам... Мы в том общую пользу империи полагаем, чтобы душевные его [человека] силы, свойства и дарования возбудить, увеличить и украсить» (Речи, 1820: 28). Аналогичные идеи продвигал и Десницкий: «превосходное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и преимуществ над другими». Единственно с его помощью, писал он, правители «делаются повелителями над своими согражданами и удерживают свое достоинство и власть над всеми» (Белявский, 1955: 236). Таких же взглядов придерживался и Третьяков, считавший экономику (в первую очередь обмен и торговлю, но также промышленность и образованное население) основой мощи государства (Белявский, 1955: 248–249).

Возвращаясь к особому пониманию термина «экономия», следует отметить, что он в целом означал использование любых пригодных знаний для улучшения материальной жизни общества. В качестве иллюстрации можно привести цитату из программной статьи первого журнала ВЭО: «У всех народов нынешний наш век попечительным распространением наук и знаний, способствующих общей пользе человеческого рода, а особливо успешным произведением опытов и неусыпным старанием, чтоб земледелие и домостроительство привести в лучшее состояние, столько себя отличает, что по справедливости можно одной назвать экономическим веком...» (Каратаев, 1960: 45). Еще одна иллюстрация – отзыв на стажировку русских студентов М. Афонина и А. Карамышева, представленный проф. Эмануэлем Экманом⁹ Московскому университету: «В моих семинарах по экономике они занимались усидчиво и лекции о применении минералов в хозяйственной области усвоили так хорошо, что самостоятельно написали новую работу» (Документы, 1962: 28–29). Показательно и название этой «новой работы» М. Афонина – «О пользе естественной истории в общественной жизни»¹⁰, в которой речь шла «о практическом значении предметов живой природы (растений и животных) в быту» (Документы, 1963: 418).

С одной стороны, такое использование термина «экономия» в принципе совпадает с привычным для нас пониманием экономической задачи как рационального и эффективного использования ресурсов. С другой стороны, в ту эпоху фактически речь шла о прикладном аспекте естественных наук. На наш взгляд здесь экономия предстает в таком же универсальном статусе, что и философия, только если последняя стоит над всеми науками, обобщая их выводы в области ментального, то экономика, имея такой

⁸ Речь идет о его работе «Напомнение на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств» 1744 года

⁹ Экман значился «ординарным профессором практической экономии» и «ординарным адъюнктом экономии» в Университете г. Уппсала (Документы, 1962: Т. 2, с. 29).

¹⁰ Издана в Упсале в 1766 г. и дважды напечатана в издании Линнея (*Amoenitatis Academicæ*, в 1766 и 1789 г., т. VII). В России так и не была ни переведена, ни напечатана.

же вне- или наддисциплинарный статус, обобщает выводы наук в области материального, хозяйственной практики.

В итоге «государственная экономия» предстает как прикладное применение всех полезных знаний ради более эффективного управления имеющимися в распоряжении государя ресурсами. При этом современное понимание подобной политики как узко экономической еще не было сформировано. Вопросы управления хозяйством отдавались на изучение любым пригодным к этому делу наукам, в частности, естественным – физике, химии, медицине, минералогии, геодезии. Показателен составленный М.В. Ломоносовым проект об учреждении государственной коллегии земского домостроительства: согласно проекту, президент и вице-президент этой коллегии должны были быть «весьма знающие в натуральных науках» (Ломоносов, 1952: 411), а их советникам и вовсе полагалось быть учеными: физик, химик, ботаник, механик, зоолог и т.д. Об этом же свидетельствует состав участников конкурсов, объявлявшихся ВЗО. Работы на экономические темы представляли математики, астрономы и физики, например, Леонард и Альбрехт Эйлеры.

Можно привести в пример фигуры российских ученых-естественников, которые интересовались вопросами экономики. М.В. Ломоносов, помимо уже упомянутого проекта, выступал с инициативой создания при Академии наук журнала «Российские ведомости», «которые бы в государственной экономии и частных людей, а особливо в купечестве приносили пользу отечеству сообщением знания о внутреннем состоянии государства» (Каратаев, 1960: 36), а также разработал план создания «Экономического лексикона российских продуктов», который предполагал сбор информации как о производимых продуктах, так и о ценах и рынках сбыта.

Еще одна яркая фигура – руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов. Его книга «Цветущее состояние Всероссийского государства...», написанная в 1727 г.¹¹, содержала экономико-географические данные о заводах и промыслах со статистико-географическими таблицами. При этом его последователь П.И. Рычков пишет о нем как о человеке очень широкого круга интересов: это «был великий рачитель и любитель наук, а особливо математики, механики, истории, экономии и металлургии, не жалея об этом никакого своего труда и иждивения» (Каратаев, 1960: 85).

Структура курсов Московского университета XVIII века¹²

Анализ структуры образовательных курсов рассматриваемой эпохи заставляет делать аналогичный вывод – по факту экономические вопросы поднимаются в рамках разных дисциплин. Характерен проект гимназий и училищ для дворянского сословия, представленный в 1766 г. в Сенате И.И. Шуваловым. В перечень дисциплин входила «экономия» и отдельно география, свойства земли и коммерция. Последняя охватывала вопросы мануфактур и промышленности (Каратаев, 1960: 29).

В курсах Московского университета также экономическая проблематика выкристаллизовывалась постепенно, причем на разных не только кафедрах, но и факультетах. Согласно проекту 1755 г. преподавание должно было вестись на трех факультетах – философском (первая ступень), юридическом и медицинском, включавших 10 кафедр (профессоров). Среди этих кафедр в первую очередь обращает на себя внимание кафедра «политики» юридического факультета¹³. Но, согласно протоколам Конференции, профессор этой кафедры «должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время» (Документы, 1961: 285), т.е. освещать в первую очередь вопросы международного права.

О том, что экономические вопросы практически не рассматривались в лекциях юридического факультета в первые годы, свидетельствует и план преподавания юри-

¹¹ Впервые издана в 1831 г. М. Погодиным.

¹² О камеральных науках в Московском университете см.: (Raskov, 2019: 288–294).

¹³ ПСЗ, т. XIV, №10346.

дических наук, представленный Ф.Г. Дильтеем, долгое время¹⁴ единственным профессором этого факультета (Летопись, 1979: 19), Конференции профессоров Московского университета 20 марта 1764 г. (Документы, 1961: 285). Этот проект предполагал преподавание сводов различных законов. Вопросы государственной политики, в том числе экономической, не рассматривались. Единственный раздел курса, который касался хозяйственной деятельности, – это вексельное право¹⁵.

Лишь к концу XVIII в. ситуация изменилась: в структуре курсов этого факультета 1799 г. уже фигурирует полицейское право (полицейские законы). По всей видимости, эти изменения связаны с деятельностью С.Е. Десницкого. Вернувшись из Англии в 1767 г., он и И.А. Третьяков начали читать чисто правовые курсы (Документы, 1963: 423). В то же время в 1768 г. Десницким было представлено «Оглавление 1 книги прав Российских» в качестве приложения к своей речи в Московском университете, четвертый раздел которой посвящен изучению «полиции или благоустройства гражданского». В этом разделе должно было рассматриваться «введение и ободрение мануфактур, покровительство коммерции, надежное учреждение банков и монеты для благопоспешности купечества..., приведение хлебопашества в совершенство..., собирание казны» и т.д. (Белявский, 1955: 242). Как мы видим, по проблематике этот раздел сформирован в чисто камералистском духе и охватывает стандартные сферы политики полицейских государств.

Взгляды Десницкого в целом представляются близкими камералистскому духу – он выступал за активное вмешательство государства, настаивал на том, что основой любой власти является не божественное ее происхождение, не голое насилие, а «превосходное богатство». Он стремился придать правовой науке и образованию прикладной характер, для чего требовал изучения российского законодательства и составления свода российских законов, а также реальной судебной практики¹⁶, чтобы студенты по окончании университета могли сразу приступить к обязанностям судей. При анализе природы права он высказывался резко против идеалистической традиции последователей Пуффендорфа в лице германских профессоров Дильтея, Ланге и Шадена и старался основывать свои работы на эмпирических данных, в частности материалах этнографической экспедиции С. Крашенинникова на Камчатке.

Любопытно развитие хозяйственных дисциплин на медицинском факультете. Изначально на нем преподавал проф. Керштенс, который читал курсы по металлургической химии, минералогии и экспериментальной физике. Первые две дисциплины вполне вписываются в классическую проблематику камералистских наук. В программе курсов 1799 г. на этом факультете значится сельское хозяйство¹⁷, что, по всей видимости, связано с деятельностью читавшего здесь по возвращении со стажировки М. Афонина¹⁸. Изначально он получил образование в области естественных наук. Согласно его отчету, представленному Конференции, в 1759 г. он с А. Карамышевым был отправлен изначально в Кенигсберг без определенного указания дисциплин для изучения. Там они прослушали курсы естествознания. Но далее их перенаправили в Швецию (Уппсальский университет¹⁹) для знакомства с земледелием и горным делом

¹⁴ Вплоть до возвращения из-за границы Десницкого и Третьякова две предусмотренные уставом 1755 г. позиции профессоров юридического факультета сохранялись вакантными (Белявский, 1955: 211).

¹⁵ Именно по вексельному праву впоследствии Дильтей напишет свою наиболее значимую работу (1768 г., «Начальные основания вексельного права...»). В частности, она пользовалась большой популярностью и среди студентов, и среди русских купцов. При подготовке этой книги большая редакторская работа была проделана Десницким (Томсинов, 2015: 3–11).

¹⁶ В частности, предлагал ввести должность профессора теории русского права и «практического русского законоположения».

¹⁷ Любопытно в этой связи замечание Шумпетера о том, что в Эдинбургском университете профессора сельского хозяйства работали с 1792 г., хотя кафедра политэкономии возникла только в 1871 г.; а в Оксфорде – с 1796 г., при том что политэкономия начала преподаваться только в 1825 г. (Schumpeter, 2006: 156).

¹⁸ Матвей Иванович Афонин ((1739–1810), первый русский ученый, занимавшийся вопросами почвоведения и агрономии).

¹⁹ Кафедра камералистики, созданная в этом университете в 1740 г., была одной из первых в Европе (Schumpeter, 2006: 155).

(Документы, 1963: 231), «поскольку на Московский университет той эпохи была возложена задача подготовки профессоров-специалистов в этой области» (Документы, 1963: 6). Ими были прослушаны курсы «горных наук» Ю.Г. Валлерия, зоологии и ботаники К. Линнея и минералогии А. Тидстрема. Помимо этого, М. Афонин самостоятельно занимался земледелием и луговодством (Документы, 1963: 232).

Экономическая направленность естественно-научных изысканий Афонина отражена и в его работе 1777 г., которая выходит под названием «Слово о пользе знаний, собрания и расположения чернозему, особливо в хлебопашестве»²⁰. После увольнения в том же году из Московского университета и нескольких лет службы в Санкт-Петербурге Афонин состоял «директором экономии» (1784–1788 гг.) в Екатеринославском наместничестве и в Крыму (Документы, 1961: 337), таким образом фактически реализовав свой замысел прикладного, «экономического» применения естественно-научных знаний.

Что касается деятельности Афонина в Московском университете, то по возвращении в Россию в 1769 г. он начал преподавать на медицинском факультете естественную историю, а также «основы земледелия» (агрономии). Такая необычная для современной науки компоновка курсов объясняется тем, что Афонин изучал возможность применения химии в земледелии, в частности исследовал свойства почв. Химия же в то время часто преподавалась именно на медицинских факультетах, поскольку медики зачастую являлись единственными специалистами в этой области. Таким образом, экономические дисциплины обосновались и на этом факультете.

На философском факультете также затрагивались вопросы экономики: по проекту 1755 г. здесь существовала кафедра нравоведения²¹. В первый год на этом факультете преподавали Н.Н. Поповский и И.-Г. Фромман. Поповский читал философию, основания красноречия, стиль латинского и русского языков (Летопись, 1979: 19) и в целом философию рассматривал как основу любого знания, но не занимающуюся прикладными вопросами, а формирующую мышление будущих ученых²².

Нравственную философию или практическую философию²³ читал Фромман²⁴. К сожалению, не осталось письменных свидетельств его научных воззрений. Известно лишь, что он был вольфианцем²⁵, в частности, в период его преподавания в университетскую библиотеку были выписаны учебники представителей вольфианства: Баумейстера²⁶, Винклера, Гейнекция и др.

В 1757 г. на факультете начинают читать новые профессора – А.А. Барсов²⁷, Х.Г. Келнер²⁸, Н. Папафило²⁹, И.Н. Рост³⁰, И.Г. Рейхель, В. Рауль³¹, Д.В. Савич³². Из них вызывают интерес взгляды И.Г. Рейхеля. Будучи профессором истории и статистики,

²⁰ Перепечатана в сб. «Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Моск. университета русскими профессорами...», ч. 2, с. 70–99.

²¹ ПСЗ, т. XIV, №10346.

²² «Хотя она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает, однако главнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание природы, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от нее одной зависят» (Белявский, 1955: 196–197).

²³ Такое название фигурирует в «Объявлении...» о публичных лекциях профессоров Московского университета 1757 г. (Объявление, 1757).

²⁴ Иоганн Генрих Фромман (1729–1775), магистр философии Тюбингенского факультета, преподавал в МУ с 1756 по 1765 г. логику, метафизику и нравственную философию.

²⁵ В частности, заменивший Фроммана на должности профессора философии Аничков активно выступал против идеализма Вольфа, «поколику основания и начала, на коих они утверждают свои мнения, суть неизвестные, сомнительные и произвольные» (Белявский, 1955: 229).

²⁶ Фридрих Христиан Баумейстер (1708–1785). На российскую систему образования больше всего оказали влияние его учебники «Руководство к Логике» (перевод 1788 г.) и «Метафизика» (перевод 1789 г.). См.: (Bartlett, 2017:65–67).

²⁷ Магистр математики, ординарный профессор красноречия.

²⁸ Преподавал универсальную историю.

²⁹ Преподавал итальянский язык и греческую литературу.

³⁰ Преподавал математику, геодезию, экспериментальную физику.

³¹ Читал французский язык.

³² Преподавал географию и оптику.

магистром философии Лейпцигского университета, Иоганн Готфрид Рейхель (1727–1778) был приглашен в 1757 г. для преподавания немецкого языка и литературы. Вскоре он начал преподавать всеобщую историю и статистику, наравне с немецкой словесностью и историей литературы (Документы, 1961: 369).

О характере лекций Рейхеля по статистике говорит название, под которым они были изданы в 1775 году: «Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств». В содержательном плане любопытна речь «О наилучших способах к умножению подданных...», которая была произнесена им в 1766 г. и затем опубликована. В ней Рейхель говорит о том, что главным источником богатства является многочисленное население, после чего выделяет пять факторов, влияющих на демографический рост: развитие земледелия и его рационализация; отсутствие войны; развитие здравоохранения; политика по укреплению семьи; расширение сети образовательных и воспитательных учреждений (Рейхель, 1766: 4–20).

Можно ли оценить взгляды Рейхеля как камералистские? На наш взгляд, как минимум три аспекта действительно сближают его с этим течением. Первый, это акцент на проблеме народонаселения – важной теме для камерализма, который формировался в условиях значительной нехватки населения после Тридцатилетней войны и в то же время рассматривал это население как основу «экономического и налогового потенциала» (Норт, 2017: 95). Рейхель напрямую пишет, что «внутренняя государева сила не изобилием золота и серебра приобретает, но множеством жителей и граждан, которые всеми силами стараются об общей государственной пользе» (Рейхель, 1766: 8). Это сближает его взгляды с идеями И.И. Бехера, а также фон Юсти, считавшего вопросы занятости ключом камералистской теории, тем более что Рейхель упоминает имя фон Юсти в своей речи (наравне с У. Петти). Тем не менее собственно экономического анализа проблемы народонаселения в речи Рейхеля нет. В ней не говорится о влиянии уровня занятости на снижение цены труда и, как следствие, рост конкурентоспособности отечественных товаров на внешних рынках, равно как и о росте спроса на внутреннем рынке как стимуле для развития отечественной продукции, что можно встретить у Бехера (Норт, 2017: 95). Не поднимаются и вопросы об обеспечении занятости населения как важном источнике экономической силы государства, как это характерно для работ фон Юсти.

Второй момент, сближающий идеи Рейхеля с камералистской традицией – высказанное восхищение в адрес Екатерины II и ее политики в области развития знаний о принципах землепользования. Это вполне согласуется с упомянутой ранее нацеленностью всей системы камерализма на широкое распространение хозяйственных знаний. Также следует сказать, что в целом проблематика, которую затрагивает Рейхель, типична для камералистской литературы: население, отсутствие войны, рационализация, образование, здравоохранение. Таким образом, как минимум можно говорить о влиянии камералистского стиля мышления на взгляды Рейхеля.

Также любопытна роль Рейхеля в инициировании работы над проектом устава Московского университета, по которому предполагалось введение на философском факультете должности профессора «для преподавания экономии, камеральных наук и горных дел» (Чтения, 1875: 117; Каратаев, 1960: 39; Raskov, 2019: 292–293). Этот проект разрабатывался профессорами Конференции – И.Х. Керштенсом, А.А. Барсовым, И.Н. Ростом, И.Г. Рейхелем, И.М. Шаденом, К. Лангером и И.Ф. Эразмусом³³. Работа над ним была спешно – «употребля на то... не более трех недель времени» (Документы, 1962: 200) – начата профессорами в связи с письмом, датированным 29 ноября 1765 г., которое проф. И.Г. Рейхель привез из Петербурга от А. Олсуфьева³⁴. В этом письме переда-

³³ Дело о сочинении Устава профессорами Московского университета в 1765 г. находится в ЦГАДА, ф. (разряд) VII Б, д. 39.

³⁴ Адам Васильевич Олсуфьев (1721–1784), сенатор, статс-секретарь Екатерины II.

валась просьба императрицы, «чтобы вы сочинили точному императорского Московского университета положению и содержанию штат ... а если б иногда кто из вас в рассуждении своем с прочими был несогласен, тот за своею рукою положил бы особо мнение свое» (Документы, 1962: 200).

В то же время, согласно сохранившимся документам, Екатерина II желала знать мнение профессоров об общих принципах воспитания молодого поколения, а не о структуре университета. В этой связи, по мнению историков, оно и не было одобрено императрицей и никак не повлияло на развитие университета. В 1767 г. этот проект был переведен по просьбе Екатерины II на русский язык³⁵. В 1776 г. Екатерина повторно запросила себе этот документ, но никакой реакции не последовало (Документы, 1963: 308).

Еще одним негативным для проекта фактором стало то, что в работу над проектом не был вовлечен М.М. Херасков, директор университета с 1763 по 1771 г. Это вызвало его глубочайшее возмущение и даже заставило высказать сомнение в подлинности письма, привезенного Рейхелем. Конфликт достиг таких масштабов, что разбирался в Сенате³⁶ (Документы, 1963: 310).

Как бы то ни было, но проект так и остался лишь проектом, и экономические вопросы преподавались в Московском университете разрозненно на разных кафедрах и даже факультетах: как на юридическом и философском, так и на медицинском. Причем эта дисциплинарная разрозненность сохранялась даже после создания кафедры политической экономии. По уставу 1804 г. эта кафедра была учреждена на отделении нравственных и политических наук. В то же время на отделении физических и математических наук существовали кафедры сельского домоводства, технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам (Летопись, 1979: 39).

ЛИТЕРАТУРА

- Белявский, М. Т. (1955). *М.В. Ломоносов и основание Московского университета*. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века* (1961): В 3 т., т. 1. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века* (1962): В 3 т., т. 2. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века* (1963): В 3 т., т. 3. М.: Издательство Московского университета.
- Каратаев, Н. Л. (1960). *Очерки по истории экономических наук в России XVIII века*. М.: Издательство Академии Наук СССР.
- Летопись Московского университета 1755–1979* (1979). М.: Издательство Московского университета.
- Ломоносов, М. В. (1952). *Полное собрание сочинений*, т. 6. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР.
- Норт, М. (2017). Экономическая история Священной Римской империи германской нации в XVII–XVIII веках // *Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней*: В 3 т., т. 1. М.: ИНФРА-М.
- Объявление, какие лекции и в которые дни и часы быть имеют публично в ИМУ в последнюю половину сего 1757 года* (1757). М.: Императорский Московский университет (Отдел редких книг Фундаментальной библиотеки МГУ, 5Те28 № 1).
- Платонов, Д. Н. (2014). *У истоков русской экономической науки*. М.: МАКС-ПРЕСС.

³⁵ Этот перевод был опубликован в 1875 г. в «Чтениях» под названием «Мнение об учреждении и содержании императорского университета и гимназии в Москве».

³⁶ ЦГАДА, ф. XVII Б, д. 45.

- Рейхель, И. Г. (1766). *О наилучших способах к умножению подданных*. М.: Издательство Императорского Московского университета.
- Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского Университета русскими профессорами оною, с краткими их жизнеописаниями* (1820). М.: Издательство Императорского Московского университета.
- Томсинов, В. А. (2015). Первый профессор юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723–1781) // *Вестник Московского университета*. Серия «Право», (2), 3–11.
- Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики*. М.: Наука.
- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете* (1875). Кн. I, отд. V. М.: Издательство Императорского Московского университета.
- Backhaus, J., Wagner, R. E. (1987). The Cameralists: A Public Choice Perspective // *Public Choice*, 53(1), 3–20.
- Backhaus, J. G. (2009). From Wolff to Justi, pp. 1–18 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy*. Springer.
- Bartlett, R. (2017). Cameralism in Russia: Empress Catherine II and Population Policy, pp. 65–90 / In: M. Seppel and K. Tribe (eds.) *Cameralism in Practice: State Administration and Economy in Early Modern Europe*. Boydell Press.
- Behrisch, L. (2016). Statistics and Politics in the 18th Century // *Historical Social Research*, 41(2), 238–257.
- Clark, W. (1953). *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Raeff, M. (1983). *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia*. New Haven: Yale University Press.
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism in Eighteenth-Century Russia: Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–301 / In: E. Nokkala and N. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment: Happiness, Governance, and Reform in Transnational Perspective*. New York, London: Routledge.
- Schumpeter, J. (2006). *History of economic analysis*. London: Routledge.
- Tribe, K. (1995). *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950*. NY: Cambridge University Press.

REFERENCES

- An announcement of what lectures and on which days and hours will be given publicly in the IMU in the last half of this 1757* (1757). Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Backhaus, J., Wagner, R. E. (1987). The Cameralists: A Public Choice Perspective. *Public Choice*, 53(1), 3–20.
- Bartlett, R. (2017). Cameralism in Russia: Empress Catherine II and Population Policy, pp. 65–90 / In: M. Seppel and K. Tribe (eds.) *Cameralism in Practice: State Administration and Economy in Early Modern Europe*. Boydell Press.
- Behrisch, L. (2016). Statistics and Politics in the 18th Century. *Historical Social Research*, 41(2), 238–257.
- Belyavskij, M. T. (1955). *M.V. Lomonosov and the foundation of Moscow State University*. М.: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta. (In Russian.)
- Chronicle of Moscow University 1755–1979* (1979). Moscow: The Moscow University Publ. (In Russian.)

- Clark, W. (1953). *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century* (1961): In 3 vols., vol. 1. Moscow: The Moscow University Publ. (In Russian.)
- Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century* (1962): In 3 vols., vol. 2. Moscow: The Moscow University Publ. (In Russian.)
- Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century* (1963): In 3 vols., vol. 3. Moscow: The Moscow University Publ. (In Russian.)
- Foucault, M. (2010). *The Birth of Biopolitics*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Karataev, N. L. (1960). *Essays on the history of economic sciences in Russia in the 18th century*. Moscow: Publ. by the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian.)
- Lomonosov, M. V. (1952). *The Complete Works*, vol. 6, Moscow – Leningrad: Publ. by the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian.)
- North, M. (2017). The economic history of Holy Roman Empire of the German nation in the XVII–XVIII centuries. *Economic history of Germany: from Cameralism to the present day*, vol. 1. Moscow: IFRA-M Publ. (In Russian.)
- Platonov, D. N. (2014). *At the origins of Russian economic science*. Moscow: MAKS-PRESS. (In Russian.)
- Raeff, M. (1983). *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia*. New Haven: Yale University Press.
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism in Eighteenth-Century Russia: Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–301 / In: E. Nokkala and N. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment: Happiness, Governance, and Reform in Transnational Perspective*. New York, London: Routledge.
- Readings at the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University* (1875). Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Rejhel, I. G. (1766). *On the best ways to multiply subjects...*, Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Schumpeter, J. (2006). *History of economic analysis*. London: Routledge.
- Speeches delivered at the solemn meetings of Moscow University by Russian professors, with their brief biographies* (1820). Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Tomsinov, V. A. (2015). The first professor of law at Moscow University Philip-Henry Dilthey (1723–1781). *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ser. «Pravo», (2), 3–11. (In Russian.)
- Tribe, K. (1995). *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950*. NY: Cambridge University Press.
- Backhaus, J. G. (2009). From Wolff to Justi, pp. 1–18 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy*. Springer.

ИДЕИ КАМЕРАЛИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ Е.Ф. КАНКРИНА¹

Александр Николаевич ДУБЯНСКИЙ,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: assig@inbox.ru

Цитирование: Дубянский, А. Н. (2019). Идеи камерализма в экономической политике Е.Ф. Канкрин // *Terra Economicus*, 17(4), 95–112. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-95-112

Объектом исследования в данной статье является история экономической мысли России и отечественная экономическая история начала XIX в. Предметом изучения служит экономическая политика министра финансов России тех времен Е.Ф. Канкрин. Выдвинута и обосновывается гипотеза о том, что министр финансов являлся сторонником экономического учения камерализма. При этом акцент делается не на экономических воззрениях Канкрин, как принято в исследованиях по истории экономической мысли, а на анализе его действительной экономической политики. Данный подход позволяет взглянуть на этого выдающегося государственного деятеля времен императоров Александра I и Николая I под новым углом зрения. В начале XIX в. в России существовала уникальная ситуация в экономике – параллельное денежное обращение, когда одновременно функционировали две равноправные валюты: бумажные ассигнации и серебряный рубль, курс между которыми устанавливался на бирже. С одной стороны, параллельное обращение дестабилизировало денежное хозяйство страны. С другой – оно способствовало пополнению государственной казны средствами в благородных металлах. Фискальная выгода параллельного обращения останавливала Канкрин от действий по устранению этого аномального для денежного обращения явления. Министр финансов Российской империи в своих действиях более руководствовался практическими соображениями, нежели теоретическими шаблонами, популярными в то время, что полностью отвечало идеям камерализма. Духу этого экономического учения соответствовала и политика протекционизма, активным сторонником которой был Канкрин. Все это позволяет автору сделать вывод о том, что в своей практической деятельности на посту министра финансов Канкрин следовал постулатам камерализма.

Ключевые слова: камерализм; Канкрин Е.Ф.; параллельное денежное обращение; ассигнации; финансовая политика

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

IDEAS OF CAMERALISM IN ECONOMIC POLICY OF CANCRIN

Alexander N. DUBYANSKY,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: assig@inbox.ru

Citation: Dubyansky, A. N. (2019). Ideas of cameralism in economic policy of Cancrin. *Terra Economicus*, 17(4), 95–112. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-95-112

The paper deals with the history of economic thought of Russia and the domestic economic history of the early XIX century. The subject of study in this paper is the economic policy of the Minister of Finance of Russia E.F. Cancrin. The author's purpose is to prove the hypothesis that the Minister of Finance was a supporter of the economic doctrine of cameralism. At the same time, the article focuses not on the economic views of Cancrin, but on the analysis of activities through which he implemented his policies. This approach appears rather new to investigate the economic policy of this outstanding political figure during the reign of Alexander I and Nicholas I. In early XIX century, there was a unique situation in Russia, namely parallel money circulation with two equal currencies, banknotes and silver coins, simultaneously operated; exchange rate between them was established on the stock exchange. On the one hand, the parallel circulation destabilized the monetary economy of the country, but on the other, contributed to the replenishment of the state Treasury with the necessary funds in precious metals. It is the advantage of dual circulation to finance the budget prevented Cancrin from eliminating this unconventional phenomenon. His actions were guided more by practical considerations than by the theoretical patterns popular at the time. This policy met the criteria of cameralism. The spirit of cameralism corresponded to the policy of protectionism, the supporter of which was Cancrin. All this allows the author to conclude that Cancrin was a cameralist.

Keywords: *Cameralism; Cancrin E.F.; parallel monetary circulation; banknotes; financial policy*

JEL classifications: *B11, B31, B41*

Введение

В условиях экономических санкций, в которых вынуждена существовать наша страна в настоящее время, при выработке мер по реализации экономической политики могут быть вновь востребованы отдельные положения камерализма, такие как рост бюджетных доходов за счет увеличения несырьевого экспорта, политика импортозамещения и др.

Камерализм можно трактовать и как экономическое учение, и как экономическую политику, принятые в управленческой элите немецких государств в XVII–XVIII вв. Сам термин происходит от латинского слова *camera* (камера), который переводится как комната и государственная казна. Понятие камерализма является сложным, многоплановым и не может быть ограничено только научной концепцией и политикой. Мы используем его в отношении идей, целью которых является научное обоснование экономической политики, направленной в первую очередь на формирование финансовых резервов государства с целью обеспечения его экономической независимости.

Камерализм в контексте экономической политики был актуален для небольших и небогатых немецких государств, не имевших внутренних ресурсов для экономического развития, по сравнению с ведущими европейскими странами, что особенно наглядно проявилось после опустошительной Тридцатилетней войны (1618–1648), которая, как указывает Й. Шумпетер, прервала социально-экономические тенденции развития Германии: «На большей части опустошенной земли, население которой местами сократилось более чем на 90%, князья, их солдаты и чиновники практически составляли то немногое, что сохранилось из политических сил прошлого» (Шумпетер, 2004: 186). Европейский политический ландшафт претерпел в то время серьезные регрессивные изменения: буржуазия практически исчезла и власть в большинстве европейских государств, за исключением Англии, Венгрии и Швейцарии, оказалась в руках аристократии. «Безусловная цель политики этих государств состояла в увеличении богатства и мощи: экономическая политика должна была максимизировать государственные доходы для поддержания двора и армии, а внешняя политика – обеспечить новые завоевания и победы» (Шумпетер, 2004: 187).

В рамках такой экономической политики акцент делался на повышении эффективности управления государственным имуществом путем минимизации расходов и максимизации доходов, а также введением «...монополии на ряд [] отраслей промышленности» (Святловский, 1913: 139). Это было обусловлено тем, что «...правительства были сильно ограничены привилегиями обширной родовой аристократии, ...они искали новых источников доходов» (Святловский, 1913: 139). Помимо этого, формировались необходимые институты, хозяйственные структуры и денежные фонды для развития государственных структур и осуществления внешней экспансии.

Экономические сочинения, в которых рассматривались вопросы государственного управления в Германии XVII в., «... называли камеральной наукой или государственной наукой [Polizeiwissenschaft]», хотя более правильно их было бы назвать «основами экономического управления и экономической политики» (Шумпетер, 2004: 202). Со временем камерализм трансформировался в такие научные дисциплины, как полицейское право (наука об управлении городом или страной) и финансы.

В истории экономической мысли большинство исследователей не причисляют Е.Ф. Канкрин к научной школе камерализма. Так, например, немецкий ученый Й. Цвайнерт относил Канкрин к романтическому экономическому направлению (Romantische Wirtschaft Lehre) Адама Мюллера, сторонники, которого проповедовали возврат к феодальным элементам экономики (Цвайнерт, 2008: 162–167). Другие, в первую очередь западные историки экономической мысли, вообще не считали его взгляды научными. Например, известный исследователь русской экономической мысли Э. Кингстон-Манн считает Канкрин реакционером, преданно служившим царскому режиму (Kingston-Mann, 1999). У. Пинтнер, другой авторитетный исследователь деятельности Канкрин, делает акцент на реакционном характере политики российского министра финансов, которую он якобы заимствовал у А. Мюллера (Pintner, 1967: 25).

Ряд экономистов считают, что Канкрин был сторонником идей «русского камерализма», которые он осуществлял на практике². В частности, американский ученый К. Мондей полагает, что Канкрин является ярким представителем камерализма в русской экономической мысли (Мондэй, 2018: 81; Мондэй, 2014). В значительной степени это объясняется тем, что будущий российский министр финансов получил образование в Гиссенском и Марбургском университетах, где в то время уже преподавали экономические дисциплины, лежавшие в основе камералистского учения. Известный немецкий ученый-камералист И. Зонненфельс давал следующее обобщающее определение этим наукам: «Благочиние³, торговля и доходы разумеют также под словом государ-

² Более подробно о российском камерализме в XVIII веке см.: Raskov, 2019.

³ Юридический термин, относившийся в Российской империи к законодательству о мерах для поддержания безопасности и порядка в городах.

ственного домохозяйства, или называют оные науки экономическими. Обе последние именуют также в особливости науками камеральными...» (Зонненфельс, 1787: 20).

Советский историк экономической мысли И.Г. Блюмин констатировал: «Под значительным влиянием немецкой камералистики находился министр финансов Канкрин» (Блюмин, 1940: 49). В работах российских исследователей Н.М. Арсентьева, Л.Е. Шепелёва также отмечается, что по своему мировоззрению Канкрин может быть отнесен к направлению камерализма (Арсентьев, 2017: 35; Шепелёв, 2001).

Другими словами, Канкрин был причислен к камералистам на основании, так сказать, «косвенных признаков». Сам он камералистом себя не считал, а труды Канкрин не дают оснований для однозначного вывода о научном мировоззрении, хотя бы в силу эклектичности экономических воззрений этого яркого представителя российской государственной бюрократии XIX в.

В данной статье предпринимается попытка доказать, что взгляды Канкрин все-таки позволяют отнести их к камералистскому течению экономической мысли. При этом мы исходим не из текстов его работ, как делают большинство ученых, а отталкиваемся от логики экономической политики Канкрин как министра финансов. Уверенно судить о приверженности чиновников или политических деятелей той или научной концепции можно только по их действиям или мероприятиям, инициаторами которых они выступают.

Например, если рассмотреть финансовую реформу 1810 г., которую пытался провести в России М.М. Сперанский, становится очевидно, что его знаменитый План финансов был составлен экономистами либерального толка. Сперанский разделял идеи А. Смита и предлагал усовершенствовать экономическую систему России на принципах, сформулированных классиком политической экономии. В ходе реформы предполагалось создать в России устойчивое денежное обращение на основе серебряного рубля, упорядочить бюджетную систему, а также сделать более справедливой налоговую систему за счет более справедливого распределения налогового бремени (Дубянский, 2012а). Представляется, что анализ взглядов Канкрин через призму его практической деятельности поможет более четко выявить, каких экономических доктрин он в действительности придерживался.

Экономические взгляды Канкрин

Экономические воззрения Канкрин невозможно определить однозначно, так как в его работах можно найти одобрение идей физиократов и методологии, характерной для немецкой исторической школы. Отчасти он разделял даже идеи представителей классического направления, хотя в целом отвергал это учение за излишнюю абстрактность и универсализм. В трудах Канкрин можно обнаружить и влияние идеологии немецкого камерализма. К главным его работам, в которых Канкрин изложил свои научные взгляды, относятся «Мировое богатство и национальная экономика, или новый взгляд на политическую экономию» (*Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft, oder Versuch neuer Ansuchten der Politischen Oekonomie*), изданная в 1821 г. и недавно переведенная на русский язык (Канкрин, 2018а), и «Экономика человеческого общества и состояние финансов» (*Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaft en und das Finanzwesen*) (Канкрин, 1845). Первая работа была издана еще до того, как Канкрин стал министром финансов, и по существу в ней изложена программа действий будущего министра. Во втором произведении Канкрин подводит итоги своей государственной деятельности. По мнению русского экономиста В.П. Безобразова, «Самое основное начало, на котором зиждется все экономическое учение графа Канкрин, высказано в [этих] его сочинениях» (Безобразов, 1867: 24).

В эссе Канкрин, опубликованном в 1821 г., было кратко изложено его научное мировоззрение в области экономической теории, которым он в дальнейшем руководствовался в своей государственной деятельности. Сам автор определял жанр своей

книги как практическое пособие для пытливых читателей, желающих разобраться в проблемах экономики того времени. Во введении Канкрин сразу оговаривался, что его сочинение не является научным изданием, основанным на «строгом философском порядке», и просил критиков не оценивать его по научным критериям. Он предупреждал, что намерен только «...очертить лишь основные контуры и по возможности избежать хорошо известного и привычного анализа» (Канкрин, 2018а: 135). Эти предварительные замечания понадобились автору, чтобы защитить себя от возможной в будущем критики его произведения с позиций экономической теории.

И. Шумпетер в этой связи писал, что начиная с XV в. в Италии, а затем и в других европейских странах чиновники «...начали излагать на бумаге свои идеи относительно рационального управления экономикой и особенно финансами своих стран» (Шумпетер, 2004: 203). Он называл таких авторов консультантами-администраторами и относил их по научному мировоззрению к направлению камерализма. Своеобразие их творчества состояло в том, что они обладали практическим опытом, но при этом «...не владели приемами систематизации материала и не обладали эрудицией университетских преподавателей, зато они хорошо знали факты и отличались новизной подхода» (Шумпетер, 2004: 203). Думается, что Канкрин как раз можно отнести к таким администраторам. Действительно, он издавал свои труды в первую очередь как руководство для чиновников, а не как научные произведения.

Как уже отмечалось, Канкрин не разделял положений классической политической экономии и в первую очередь был не согласен с ее основной концепцией – трудовой теории стоимости, которая к началу XIX в. прочно укоренилась в экономической науке. Он был искренне убежден, что «...нет более одностороннего и необоснованного постулата, чем тот, который приписывает производство исключительно или преимущественно труду, ведь в этом случае необходимому отдается предпочтение перед еще более необходимым» (Канкрин, 2018а: 139). По мнению Канкринина, в основе производства лежит не только труд, а целая совокупность различных сил, которые совместно с трудом участвуют в создании новой стоимости. Он делил эти факторы на несколько видов: «Чистые силы мертвой природы: сила растений, минералы и другие полезные предметы. Физические силы людей и животных: труд. Интеллектуальные силы: высокий гений разума. Смешанные силы: совершенствование физических с помощью интеллекта, разделение труда, оснащение сил: машины» (Канкрин, 2018а: 139).

Очевидно, в этих высказываниях проявляется эклектичность и порождаемая ею внутренняя противоречивость экономических взглядов будущего министра финансов. Канкрин смешивает положения трудовой теории стоимости с идеями физиократов, утверждавших, что в создании стоимости наравне с трудом участвует и земля, т.е. природные факторы производства. В русле физиократической доктрины Канкрин определяет производительный труд как труд, производящий больше, чем он расходует. Исходя из предложенной дефиниции, дается и определение чистого дохода: «Этот прирост есть так называемый чистый доход» (Канкрин, 2018а: 153). Определение чистого дохода Канкринина в общих чертах воспроизводит аналогичное определение у физиократов.

В частности, Ф. Кенэ определял чистый доход как доход, получаемый классом собственников, который, в свою очередь, представляет «...чистый продукт от земледелия, уплачиваемый ему ежегодно производительным классом, после того как последний вычел из ежегодно воспроизводимых им богатств часть, необходимую на возмещение ежегодных затрат и на поддержание богатств, употребляемых на обработку» (Кенэ, 2008: 350). По сравнению с Канкринным, чистый доход у Кенэ несет другую идеологическую нагрузку, в первую очередь с точки зрения воспроизводства и с акцентом на то, что доход создается в сельском хозяйстве. Последнее рассматривается физиократами как ведущая отрасль народного хозяйства, а крестьяне (фермеры) – как производительный главный класс общества. В системе воззрений Канкринина категория чистого

дохода имеет не столь важное значение, как у физиократов, но он, несомненно, был знаком с работами Кенэ, о чем свидетельствует его определение производительного труда. «Чисто производительными являются те виды труда, в которых участвует растительная сила природы: земледелие, скотоводство, разведение дичи и, главным образом, рыболовство» (Канкрин, 2018а: 154).

Представляется, что наибольший интерес в монографии Канкрин вызывает его рассуждения о деньгах. Особое внимание будущий министр финансов уделил вопросам бумажноденежного обращения, которое в России в те годы было сильно расстроено. Возможно, его рассуждения по этому вопросу привлекли внимание правящей элиты и послужили основанием для его будущего назначения министром финансов.

Канкрин относился к бумажным деньгам скорее негативно. «Государству не стоит рекомендовать переходить на бумажные деньги, как не стоит советовать молодому человеку посещать игорные заведения» (Канкрин, 2018а: 180). Возможно, на его воззрения повлияла позиция самого известного представителя немецкого камерализма И.Г.Г. Юсти, с предубеждением относившегося к бумажным деньгам (Юсти, 1772: 357–360). Тем не менее, несмотря на отрицательное отношение к бумажной валюте, Канкрин понимал, что эпоха металлических денег близилась к закату и, следовательно, отрицать бумажные деньги было бы недальновидно. Кроме того, бумажные деньги являются для небогатых стран зачастую единственным источником финансовых ресурсов. Впрямую в этом контексте Россию будущий министр финансов не упоминал, но, очевидно, подразумевал. Недаром рассуждениям о бумажных деньгах посвящена значительная часть его работы. В этом также проявляются черты камералистского мировоззрения Канкрин.

Рассуждения Канкрин о бумажных деньгах носят не отвлеченный, теоретический, а сугубо прикладной характер, его интересует в первую очередь то, как можно эффективно использовать деньги для экономического развития страны. По мнению Канкрин, для того чтобы бумажные деньги были относительно безопасными, они должны были отвечать ряду условий. Первое условие предполагало, что деньги должны быть абсолютно дробимыми, т.е. иметь все номиналы в необходимых пропорциях. Второе условие заключалось в обеспеченности бумажных денег металлическим фондом. Третье условие сводилось к свободной конвертации (обмениваемости) бумажных денег на звонкую монету. Четвертое условие было связано с возможностью систематического обновления быстро изнашивающихся купюр. Пятое требование предполагало наличие у бумажных денег защиты от подделок и борьбу с их фальсификацией. Мы видим, что характеристики безопасной денежной системы, какой ее видел Канкрин, были призваны нивелировать основные недостатки бумажных денег.

Кроме того, Канкрин сформулировал свое видение если и не идеального, то хорошо устроенного государства. «Свобода производства, забота о справедливости, личная свобода, соразмерная армия, соответствующая денежная и удовлетворительная финансовая система (идеальной финансовой системы не существует); там, где все это есть, там государственное устройство, будь то монархия или республика, прекрасно содействует росту национального богатства» (Канкрин, 2018а: 148).

Для того чтобы составить представление о действительных взглядах Канкрин, мы обратимся к его деятельности на поприще министра финансов.

Денежное обращение в России в начале XIX века

Прежде чем приступить к анализу деятельности Канкрин на посту министра финансов, необходимо охарактеризовать состояние денежного обращения в России. Вследствие Отечественной войны 1812 г. в стране возникли серьезные проблемы в финансовой сфере и денежном обращении. Важнейшей из них было совместное функционирование в обращении платежных средств двух типов – ассигнаций и монет из драгоценных металлов, имевших друг по отношению к другу плавающий биржевой,

а не фиксированный курс. Другими словами, в России существовало параллельное денежное обращение. Главная особенность параллельного денежного обращения состояла в отсутствии фиксированного курса между разнородными валютами и, следовательно, в том, что не действовал закон Грэшема, согласно которому «плохие» деньги вытесняют из обращения «хорошие». Точнее сказать, в условиях параллельного денежного обращения закон Грэшема действовал, но не в неполной мере, т.е. «плохие» деньги не полностью вытесняли «хорошие» из обращения, а лишь частично. В итоге каждая валюта обращается в своем, отчасти изолированном контуре обмена, что и является параллельным обращением.

Кроме того, в 1812 г. для поддержания курса бумажной валюты правительство приняло решение о том, чтобы все фискальные платежи в казну проводить исключительно в ассигнациях. В результате в разных районах страны периодически происходило скачкообразное повышение курса ассигнаций на внутренних рынках, и эти курсовые колебания получили название «простонародных лажей».

Данный термин был очень популярным в XVII–XIX вв. Этимологически «лаж» происходит от итальянского слова *aggio*, означающего превышение рыночной оценки валютных курсов, золота, векселей и других ценных бумаг над установленным номиналом (Расков, 2008). Непосредственной причиной лажей являлась обязанность производить все сделки только в ассигнационных рублях, курс которых заранее не устанавливался. Поэтому обычной практикой было включение в условия о поставках товара пункта о том, что расчет будет происходить по более низкому биржевому курсу, чем существовавший на момент заключения договора, так как по умолчанию подразумевался перманентно снижающийся курс ассигнаций. Вследствие этого цены устанавливались в условных, счетных рублях, как правило, 4 рубля ассигнациями за рубль серебром. Целью использования счетного ассигнационного рубля было стремление хеджироваться от постоянных ценовых колебаний, которые с неизбежностью возникали бы, если бы за основу брался биржевой курс ассигнаций (Катыхова и др., 1994: 41). Когда наступало время расплачиваться за товар, покупатель либо недоплачивал, либо переплачивал за него. Во избежание этого необходимо было производить корректирующие перерасчеты по текущему курсу, которые большая часть населения страны или не могла делать, или не могла проверить (крестьяне были в массе своей неграмотны) (Дубянский, 2012b). Существовали даже специальные таблицы, с помощью которых можно было быстро вычислить размер лажа (Ер-Енц, 2014).

В результате сложных расчетов курсовой разницы при сделках курс ассигнаций иногда занижался до 4,20 рубля по сравнению с биржевым курсом, который колебался обычно в пределах 3,50–3,60 рубля ассигнациями за 1 серебряный рубль. Все это очень напоминает манипуляции российских торговцев в 1990-е – начале 2000-х гг. с курсами покупки и продажи доллара, когда цены на товары в так называемых «условных единицах» при переводе в рубли пересчитывались по более высокому курсу доллара, а не по биржевому курсу или курсу его покупки (Дубянский, 2013).

Основную выгоду от курсовой разницы получало купечество и другие торговые посредники. Издержки несли главным образом крестьяне как основные налогоплательщики, так как они рассчитывали, что если в сделке (по продаже своей продукции перекупщикам) зафиксирован определенный курс ассигнаций, то в соответствии с ним они и должны производить свои расчеты с казной. Однако при уплате налоговых платежей выяснялось, что ассигнации у них принимались по более высокому курсу. Получались своего рода «курсовые ножницы», или, говоря другими словами, дополнительное налогообложение в пользу недобросовестных торговцев. Естественно, что такая ситуация в денежном обращении вызывала массовое недовольство и возмущение. Система денежного обращения в России объективно нуждалась если не в немедленном реформировании, то хотя бы в упорядочении.

Начиная с 1818 г. ситуация с колебаниями лажей изменилась. Это связано с тем, что после Отечественной войны российское министерство финансов под руководством Д.А. Гурьева приступило к частичному выкупу и дальнейшему уничтожению выведенных из обращения бумажных денег, чтобы повысить курс ассигнаций. В данном случае правительство руководствовалось идеями, заложенными в План финансов М.М. Сперанского, некоторые мероприятия которого были частично осуществлены в 1810 г. Согласно этому плану, страна должна была прийти к серебряному монометаллизму и избавиться от обесценившейся бумажной валюты – ассигнаций. Эмиссия последних была прекращена, и весь объем уже эмитированных ассигнационных рублей признавался государственным долгом перед населением страны, который правительство должно было погасить. Однако после того, как Сперанский попал в опалу, реализация плана приостановилась, а начавшаяся в 1812 г. война и вовсе вынудила от него отказаться, так как для финансирования военных расходов вновь требовалась эмиссия бумажных денег, а иных ресурсов у страны не было.

При выкупе бумажных денег реализовывалась идея Сперанского о необходимости погашения государственного долга, номинированного в ассигнациях (Дубянский, 2019). Очевидно, что правительство в этих мероприятиях по укреплению ассигнационного рубля исходило из догматического толкования количественной теории денег (Марней, 2009). Согласно этой теории, ценность денег определяется их количеством, а значит, при сокращении денежной массы, соответственно, должна возрасти ценность денежной единицы.

Мероприятия по выкупу ассигнаций продолжались в течение шести лет, с 1818 по 1823 г. В результате объем бумажной денежной массы сократился с 836 млн рублей в 1817 г. до 595,8 млн рублей к 1823 г. Справедливости ради стоит отметить, что выкуп ассигнаций мало способствовал повышению курса бумажных денег по отношению к серебряному рублю. Так, в 1817 г. за 1 рубль серебром давали 3,84 рубля ассигнациями, а в 1823 г. курс был равен 3,73 рубля (Бржеский, 1884: 5). Количественная теория денег хороша как научная гипотеза, но далеко не всегда подкрепляется фактами реальной жизни. Неэффективность мероприятий по выкупу ассигнаций хорошо иллюстрируется данными, приводимыми в табл. 1.

Таблица 1

Изменение денежной массы в России в 1812–1823 гг.

Год	Выпущено руб. ассигнациями	Изъято из обращения ассигнациями	Итого в обращении		
			руб. ассигнациями	Составляющие	
				по курсу	в сереб. руб.
1812	64 500 000	—	645 894 400	388	166 699 590
1813	103 440 000	—	749 334 400	397	186 230 327
1814	48 791 500	—	798 125 900	396	201 546 955
1815	30 197 800	—	825 823 700	421	196 157 648
1816	5 600 000	—	831 423 700	404	205 797 965
1817	4 576 300	—	836 000 000	384	217 708 333
1818	—	38 023 875	797 976 125	379	210 547 790
1819	1 578 500	80 229 030	719 325 595	372	193 367 095
1820	1 461 056	35 614 105	685 172 545	374	183 201 215
1821	3 754 965	37 242 410	651 685 100	378	172 403 465
1822	—	44 968 230	606 776 870	375	161 791 165
1823	—	10 940 560	595 776 310	373	159 728 233

Источник: Шторх, 1868: 52.

В результате мероприятий по изъятию бумажных денег курс ассигнаций стал медленно повышаться. Впрочем, главной причиной этого роста видится острый дефицит ассигнаций из-за сокращения их количества, требующегося для уплаты налогов, в силу того, что все фискальные платежи должны были осуществляться исключительно в ассигнационных рублях. При изменении вектора лажа издержки от повышения курса бумажной валюты начали нести уже должники, а кредиторы получали выгоду, хотя, на наш взгляд, ревальвация не имела столь серьезных и однозначных последствий, по сравнению с простонародными лажами. Точнее говоря, беспокойство держателям бумажных денег доставляли не столько простонародные лажи, сколько постоянные колебания курса ассигнаций, и даже не сами эти изменения, а неясность позиции государства в данном вопросе, отсутствие государственной воли, которая должна была бы выразиться в установлении твердого курса ассигнаций по отношению к серебряному рублю.

Приведенные суждения будут справедливыми, если рассматривать параллельное денежное обращение как сугубо негативное явление, дестабилизировавшее экономическую жизнь. Если же взглянуть на него с другой стороны, можно отметить и положительные черты совместного обращения валют и лажей, правда, они являются позитивными главным образом с позиций государства, вернее, с точки зрения его фискальных интересов. Видимо, их и имел в виду Канкрин, оттягивая начало денежной реформы, насколько позволяла экономическая ситуация. Вероятно, он видел положительные черты параллельного денежного обращения.

Впрочем, параллельное денежное обращение оказывало и положительное влияние. В пользу параллельных денег свидетельствует их соответствие неоднородной структуре российской экономики. Согласно фундаментальному принципу кибернетики, разнообразие сложной системы требует дополнения (управления), которое само обладает определенным разнообразием. Если система не обладает достаточным разнообразием составляющих ее элементов, она становится неустойчивой по отношению к внешним воздействиям и внутренним возмущениям. Другими словами, для каждого сектора экономики должны существовать деньги, адекватные условиям хозяйствования в этой сфере.

Исходя из принципов системного подхода, для неоднородной экономики России параллельное денежное обращение было вполне адекватным, поскольку она представляла собой совокупность разнородных элементов, как с точки зрения хозяйственного развития, так и в территориальном плане.

С одной стороны, были области с достаточно высоким по российским меркам уровнем развития, такие как прибалтийские губернии, Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Сюда можно отнести также территории с активно развивавшимся сельским хозяйством капиталистического типа (Юг России) и губернии, через которые велась внешняя торговля – Астраханская, Архангельская и, конечно, столичная Петербургская губерния.

На этих территориях в денежном обращении доминировало серебро, а ассигнации были представлены незначительно. Во всех других губерниях, уступавших по экономическому развитию названным территориям, в обращении господствовали ассигнации. Иначе говоря, более развитые и ориентированные на внешнюю торговлю регионы пользовались устойчивой серебряной валютой, а менее развитые в экономическом плане территории – дешевающими год от года ассигнациями (Дубянский, 2018). В итоге каждый регион получил валюту, соответствующую своему уровню развития.

Естественно, такое положение дел не могло не вызывать экономических и политических противоречий. «Обращение обесцененных бумажных денежных знаков отвечало интересам большей части дворян, имущество которых было в долгах» (Мальшев, Таранков, Смиранный, 1991: 30). Действительно, обесценивающаяся валюта выгодна должникам, так как в этом случае инфляция частично «списывает» долговое бремя.

Кроме того, слабая валюта создает дополнительные конкурентные преимущества для производителей. Помещики центральных российских губерний при помощи ассигнаций получали возможность успешнее сбывать свой основной товар – зерновые культуры довольно низкого качества.

Подобное положение не устраивало вставших на капиталистический путь представителей дворянства и нарождавшуюся русскую буржуазию. Для них параллельное денежное обращение было «тормозом для развития капиталистической деятельности, обесценивало доходы от нее» (Мальшев, Таранков, Смиранный, 1991: 30). Представители этой группы были объективно заинтересованы в стабильной валюте.

Данное обстоятельство сыграло решающую роль в проведении направленной на устранение параллельного денежного обращения денежной реформы 1839–1843 гг., которую вынужден был провести Канкрин. Однако перипетии одной из самых успешных денежных реформ в истории страны не могут быть рассмотрены в данной статье в силу ограничений, обусловленных тематикой работы.

Проявление камерализма в экономической политике Канкрин

Главной целью государственного управления, формулируемой в учении камерализма является максимизация доходов в государственных бюджетах небогатых стран. Россия, как и немецкие государства, была бедной страной с абсолютной монархией, и поэтому перед ней стояла та же задача: увеличение бюджетных доходов и сокращение расходов. Если в немецких государствах в ходе Тридцатилетней войны буржуазия практически исчезла, то в России к началу XIX в. она еще не сформировалась как класс. Поэтому государство должно было опираться на собственные силы в генерировании доходов.

Деятельность по укреплению российского бюджета Канкрин начал еще до вступления на пост министра финансов, так как он занимал должность консультанта-администратора правительственных чиновников. Канкрин стал идеологом и вдохновителем «запретительного» таможенного тарифа, введенного в России в 1822 г. вместо фритредерских тарифов, которые практически не приносили доходов в бюджет. Благодаря повышению пошлин доходы российской казны с 1823 г. по 1845 г. увеличились в три раза (Божемянов, 1897: 24), а внешнеторговый товарооборот вырос с 97,4 млн рублей серебром в 1823 г. до 176,45 млн рублей в 1839 г. (Военно-статистический сборник, 1871: 668). Несмотря на сомнения значительной части российского истеблишмента, высокие тарифы не оказали заметного отрицательного влияния на внешнюю торговлю.

В связи с повышением таможенного тарифа ожидаемо выросли объемы контрабанды, что потребовало упорядочивания деятельности таможенной службы. В те годы занять должность на таможне считалось «улыбкой фортуны» (Мухамедина, 2012: 64). Для повышения эффективности деятельности таможенной службы Канкрин осуществил ее кардинальную реформу, в рамках которой был обновлен кадровый состав таможен, приняты законодательные акты о борьбе с контрабандой, увеличен штат пограничной стражи. На всей пограничной линии несли службу около 9 тысяч человек, часть из которых приходилась на дозорщиков из отставных солдат (Канкрин, 1894: 208).

Как уже отмечалось, из-за ограничений, связанных с дворянской привилегией, освобождавшей это сословие от налогов, требовался поиск новых источников доходов и реанимация старых. Наиболее перспективными источниками пополнения казны были государственные монополии, к которым в России относились в первую очередь винные и соляные монополии. Винная монополия реализовывалась в России посредством взимания питейных сборов. Правила последних неоднократно менялись, но, как говорил Канкрин, система всегда была двойкой: «...питейный доход поступал или за продаваемые непосредственно от самого Правительства питья, или же получаем был

от отдачи означенной продажи, на известное время, в откупное содержание частным лицам» (Канкрин, 2018b: 341).

Начиная с 1781 г. в стране действовала откупная система, а в 1819 г. была введена казенная продажа крепкого алкоголя⁴. Однако в 1827 г. казенное управление питейными сборами вновь было упразднено «по замеченным важным неудобствам оно и по упадку дохода, и восстановлены опять откупа в улучшенной системе» (Канкрин, 2018b: 341). За восстановление винных откупов, из-за которых обогащались перекупщики, Канкрин сильно критиковали как современники, так и более поздние исследователи русской экономической истории. Канкрин видел все недостатки откупной системы, связанные в первую очередь с качеством спиртных напитков и манипулированием откупщиков с прибылями, однако более значимого источника казенных доходов в стране не существовало. Поступления с откупов превзошли размеры подушной подати и оброка с государственных крестьян в государственном бюджете (Горюшкина, 2013: 204).

По инициативе Канкрин в 1818 г. в России отказались от соляной монополии ввиду ее убыточности для казны из-за больших расходов на транспортировку и хранение. Была разрешена «вольная продажа соли». Правительство оставило за собой контроль над ценами посредством акциза, который во времена Канкрин был стабильным. В результате вместо убытков в 2 721 045 рублей (1810 г.), например, в 1819 г. казна получила чистую прибыль от продажи соли в 9 426 543 рубля, а к 1823 г. она возросла до 18 640 751 рубля (Канкрин, 2018b: 345–348).

Кроме того, Канкрин считал неприемлемым повышение налогов, особенно подушной подати (Сементовский, 2012: 28), и за то время, когда он находился на посту министра финансов, новых налогов не вводилось. Для устранения кассовых разрывов, обусловленных чрезвычайными расходами, правительство обращалось к внутренним и внешним займам. Благодаря рациональной политике Канкрин были сэкономлены значительные средства, за счет которых были профинансированы русско-иранская (1826–1828), русско-турецкая (1828–1829) войны и подавление польского мятежа (1830–1831) (Канкрин, 2018b: 387).

В начале своей деятельности на министерском посту Канкрин прекратил выкуп ассигнаций, который был начат по инициативе его предшественника Гурьева. Новый министр отмечал: «Уменьшение массы бумажных денег не такое простое дело, оно связано с бесконечными сложностями и рисками» (Канкрин, 2018a: 180). Если и приступать к уменьшению денежной массы, то очень осторожно и постепенно, предварительно взвесив все возможные негативные последствия. Еще более категорично Канкрин высказывался относительно уменьшения количества бумажных денег за счет заимствованных средств: «Нет ничего более дикого, чем желание сократить массу бумажных денег с помощью займов или фондов...» (Канкрин, 2018a: 181). Отметим, что российское правительство именно так и поступало, т.е. финансировало выкуп ассигнаций за счет внутренних, но в основном внешних заимствований.

На пагубность правительственных мероприятий по выкупу ассигнаций для состояния государственного бюджета указывал и русский экономист П.А. Шторх: «Вот весь успех меры, стоившей огромных расходов и обременившей государственное казначейство долгом более чем в 252 000 000 рублей серебром с ежегодными по нему процентами до 15 млн рублей, – бремя, которое будет переходить с одного поколения на другое» (Шторх, 1868: 46).

Канкрин полагал, что неправильно считать ассигнации государственным долгом, потому что это может полностью парализовать государственные финансы, так как основной их задачей станет обслуживание задолженности. Он также высказывал

⁴ Эта система взимания питейных сборов относилась только к 29 великороссийским губерниям. В остальных губерниях, исходя из местной специфики, действовала смешанная система или осуществлялась свободная продажа алкоголя.

рациональную мысль, идеологически близкую идеологии камерализма, о том, что: «...бумажные деньги всякого рода в существе своем вовсе не то, что какой-либо государственный долг, и вовсе не логично величают их так. Бумажные деньги скорее имеют сходство в сущности своей с ухудшенными металлическими монетами, – это род затаенного налога без названия» (Канкрин, 1894: 101). В этих словах Канкрин проявлялся его государственный рационализм, выражавшийся в стремлении всемерно сохранять государственные средства, коим в небогатой стране всегда найдется иное применение, нежели выкуп бумажных денег.

Нельзя пройти мимо еще одного высказывания министра финансов относительно внешнего влияния на экономическую политику, когда при ее проведении бездумно, без учета местных особенностей используются инструменты, применяемые в других странах: «И менее всего здесь надо руководствоваться стремлением к подражанию, которое, как кажется, очень ярко выражено в некоторых странах Европы» (Канкрин, 2018а: 180). Очевидно, что, говоря о европейских странах, Канкрин подразумевал в первую очередь Россию. Мы видим, что он отрицательно относился к бездумному использованию «рецептов», почерпнутых из опыта других стран или рекомендованных экономической наукой. Стоит отметить, что признание ассигнаций государственным долгом и их дальнейший выкуп, прекращенный Канкриным, был инспирирован М.М. Сперанским. Государственный секретарь не имел систематического экономического образования (как, впрочем, и подавляющее большинство высших российских чиновников) и опирался при формировании своего знаменитого Плана финансов на доклад известного в то время экономиста М.А. Балугьянского, признанного авторитета в области экономических наук, разделявшего современные для того времени идеи либерализма. Как отмечал В.М. Штейн, отставка Сперанского не сказалась на влиянии Балугьянского в министерстве финансов, так как стал он советником министра финансов Гурьева и «...именно ему, по-видимому, принадлежит составление нового финансового плана в 1814 году» (Штейн, 1948: 33).

Канкрин как государственно деятеля отличало нежелание следовать шаблонам или абстрактным теоретическим схемам. Поэтому вновь назначенный в 1823 г. министр финансов не стал сразу исправлять расстроенное денежное хозяйство России. Он заметил, что параллельное денежное обращение, несмотря на издержки для населения, было чрезвычайно выгодно государству. Например, начиная с 1833 г., т.е. после того, как была разрешена уплата налогов серебром, поток последнего в казну резко возрос. Российский экономист П.Х. Шванебах приводил следующие данные: «В 1829 г. приход монетою составил 13,8 млн рублей ассигнациями; поступления держались около этого до 1832 г., а затем обнаружился быстрый рост металлического прихода: 1833 – 23,9 млн; 1834 – 25,8; 1835 – 38,5; 1836 – 38; 1837 – 43,9; 1838 – 58,2; 1839 – 96,3 млн рублей ассигнациями» (Шванебах, 1901: 8).

Из каких источников поступала серебряная наличность в обращение? Во-первых, из-под спуда, т.е. из личных запасов населения. Звонкая монета извлекалась из сокровищ главным образом потому, что в обращении ощущался острый дефицит наличности, обусловленный, с одной стороны, сокращением массы ассигнаций, а с другой – начавшимся экономическим ростом. Кроме того, падение курса серебряных денег по отношению к бумажным стимулировало их массовый приток в сферу обращения. Парадоксально, но факт: серебряный рубль превратился в относительно «худший» вид денег по сравнению с ассигнациями, и население, согласно закону Грэшема, стремилось избавляться от обесценивавшейся серебряной валюты. Во-вторых, в рассматриваемый период в Россию начался приток серебра из-за рубежа. Ввоз иностранной серебряной монеты был обусловлен более выгодными ставками по депозитам в российских банках. «У нас минимальный рыночный процент 5, в других государствах – от 2%-1%», – отмечал В.Т. Судейкин (Судейкин, 1891: 38).

Канкрин обращал внимание на еще одну причину, которая «состояла в большом развитии заграничной торговли российскими продуктами при замене многих иностранных изделий собственными» (Канкрин, 2018b: 430). Политика импортозамещения, как бы ее сейчас назвали, была главной целью протекционизма, сторонником которого был министр финансов. К тому же развитие внешней торговли сопровождалось наличием устойчивого положительного сальдо. М.И. Туган-Барановский писал: «Россия в течение ряда лет после окончания наполеоновских войн имела чрезвычайно благоприятный торговый баланс: серебро и золото приливали в страну и перечекивались в монету» (Туган-Барановский, 1917: 75). Внешнеторговый оборот России в эти годы наглядно иллюстрирует указанную тенденцию (табл. 2).

Таблица 2

Внешняя торговля России в 1816–1839 гг., млн золотых руб.

Период	Вывоз	Привоз	Сальдо
1816–1819	61,5	41,7	+19,8
1820–1821	54,9	58,5	-3,6
1822–1825	55,1	45,3	+9,8
1826–1830	61,5	54,5	+7,0
1831–1835	66,4	54,9	+11,5
1836–1839	83,4	68,2	+15,2

Источник: Покровский, 1901: Приложение, с. 4.

Все эти процессы привели к тому, что государство смогло значительно увеличить свой металлический фонд, необходимый для поддержания стабильного денежного обращения в стране, не приложив к тому никаких особых усилий. В этом наглядно проявлялась политика по росту доходов, основанная на идеях камерализма. В прежние годы для пополнения своего металлического фонда правительство вынуждено было прибегать, как правило, к внешним заимствованиям, которые обременяли казну высокими процентными выплатами по долгам.

Естественно, что Канкрин не могло не устраивать такое положение дел, при котором состояние государственных финансов постоянно улучшалось, и он объективно был не заинтересован в демонтаже параллельной системы денежного обращения. Этим, наверное, и можно объяснить неторопливость министра финансов в проведении реформы денежной системы. Своеобразие сложившейся ситуации отмечал В.Т. Судейкин: «... с полным правом можно утверждать, что последовавшее в 1812–1839 гг. допущение совместного обращения металлических и бумажных денег на нашем рынке, не оказывая влияния на обесценение последних, укрепило в то же время запасы металла в народном хозяйстве, что сделало возможным самое восстановление металлического обращения в стране» (Судейкин, 1891: 39).

В конечном итоге в России сложилась экономическая система Канкрин, о формировании которой он много говорил в своих работах. В.А. Лебедев определял сущность этой системы в «...поощрении промышленности и вместе поднятии этим путем финансового благосостояния государства» (Лебедев, 1896: 7). Очевидно, что главной целью Канкрин являлось обеспечение финансового благосостояния государства, что соответствовало идеям камерализма.

Заключение

Рассмотренные в статье примеры показывают, что, исходя из характера мероприятий, проводившихся Канкриным на посту министра финансов России, его в полной мере можно считать камералистом.

В первую очередь это выражалось в повышении импортных пошлин, в создании эффективной системы сбора доходов от государственных монополий, в рациональном управлении денежным обращением в стране. Канкрин (буквально по Шумпетеру) ограничивал государственные расходы для финансирования войн, которые Россия была вынуждена вести со своими соседями.

Далеко не все исследователи экономической истории нашей страны сходятся в позитивной оценке деятельности Канкринина. Так, например, В.М. Штейн, говоря о российском министре финансов констатировал, что тот «оставался в сущности только “главным кассиром”», применявшим к государственному хозяйству «копеечные приемы домашнего скопидомства» (Штейн, 1948: 72).

Возможно, эти обвинения и справедливы, и Канкрину не хватало государственного размаха, соответствующего масштабу такой страны, как Россия, однако он являлся наиболее подходящим министром финансов. Когда Канкрин вступил на этот пост, денежная система страны находилась в расстроенном состоянии, бюджет был глубоко дефицитным и в целом экономика страны находилась на грани кризиса. Россия была бедной страной, не имевшей устойчивых источников доходов, а прибегать к займам было рискованно в силу того, что не было понятно, за счет чего можно будет погашать долги. В этой ситуации Канкрин выбрал, как представляется, оптимальный вариант действий: он исходил из той конкретной ситуации, в которой находилась экономика России, и вынужден был ориентироваться на мобилизацию внутренних резервов. Думается, что консерватизм Канкринина, проявлявшийся в неприятии железных дорог, банков и прочего, был обусловлен в первую очередь стремлением к экономии государственных средств. Известный историк экономической мысли М. Блауг, характеризуя доиндустриальную эпоху развития, отмечал, что: «...на всем протяжении человеческой истории склонность сберегать преобладала над побуждением инвестировать...» (Блауг, 1994: 13).

Сам Канкрин как министр финансов видел свою главную задачу в стабилизации курса ассигнаций. Однако он отказался от немедленной реформы денежного обращения, а занял выжидательную позицию. В этой связи В.А. Лебедев отмечал, что Канкрин «...не тотчас же приступил к выполнению плана реформы, а выжидая благоприятных обстоятельств, которые и действительно явились ему в помощь» (Лебедев, 1896: 10). Именно в этой осторожности и проявлялся камерализм в экономической политике Канкринина. Он не стал сразу фиксировать курс ассигнаций для борьбы с простонародными лажами, а использовал параллельное обращение для решения проблем, связанных с повышением доходов казны. В результате за счет накопления значительного металлического фонда и без привлечения иностранных кредитов Канкрин смог провести денежную реформу, которая впоследствии получила его имя.

Дж.М. Кейнс писал о таких меркантилистах⁵ из числа государственных управленцев (администраторов): «...если говорить о вкладе в искусство государственного управления экономической системой в целом и обеспечения оптимальной занятости всех ресурсов этой системы, то ранние представители экономической мысли XVI и XVII вв. в некоторых вопросах достигали практической мудрости, которая в оторванных от жизни абстракциях Рикардо была сначала забыта, а потом и вовсе вычеркнута» (Кейнс, 2007: 308). Думается, что Канкрин в полной мере может быть отнесен к этой когорте представителей экономической мысли, вклад которых более важен в практическом аспекте их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсентьев, Н. М. (2017). Дилемма индустриализации в России в XIX в. // *Экономическая история*, (3), 31–49.
- Безобразов, В. П. (1867). О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе / В кн.: *Соч. В. П. Безобразова*. М.: Унив. тип. (Катков и К°).
- Блауг, М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело Лтд.

⁵ Камерализм является по существу проявлением меркантилизма в условиях германских государств в XVII–XVIII вв.

- Блюмин, И. Г. (1940). *Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века*. М.-Л.: Издательство Академии наук Союза ССР.
- Божемянов, И. Н. (1897). *Граф Е. Ф. Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления министерством финансов*. СПб.: Изд. гр. И. В. Канкрин.
- Бржеский, Н. К. (1884). *Государственные долги России*. СПб.: Типо-лит. А. М. Вольфа.
- Военно-статистический сборник (1871)*. Вып. 4. Россия. СПб.
- Горюшкина, Н. Е. (2013). «Я брошу откупа, но укажите мне, чем их заменить»: О возврате откупов в министерство Е. Ф. Канкрин // *Известия Юго-Западного государственного университета*, (6-1), 202–206.
- Дубянский, А. Н. (2012а). Финансовая реформа в России в начале XIX века // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия «Экономика», (2), 91–98.
- Дубянский, А. Н. (2012b). Простонародные лажи в денежном обращении России в начале XIX века // *ЭКО*, (10), 179–188.
- Дубянский, А. Н. (2013). Категория параллельных денег в русской экономической литературе XIX–XX веков // *Вопросы экономики*, (7), 111–123.
- Дубянский, А. Н. (2018). Е. Ф. Канкрин – жизнь и деятельность, 15–58 / В кн.: Канкрин, Е. Ф. *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Дубянский, А. Н. (2019). Михаил Андреевич Балугьянский как ученый-экономист и политик, с. 67–76 / В сб.: *Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет*. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Ер-Енц, А. К. (2014). *Русская нумизматика, или Вспомогательные таблицы для счисления денег*. М.: Книга по требованию.
- Зонненфельс, И. (1787). *Начальные основания полиции или благочиния*. М.: Унив. тип., у Н. Новикова.
- Канкрин, Е. Ф. (1845). *Экономика человеческого общества и состояние финансов*. СПб.
- Канкрин, Е. Ф. (1894). *Очерки политической экономии и финансии*, в 3 ч. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук.
- Канкрин, Е. Ф. (2018а). *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Канкрин, Е. Ф. (2018b). Краткое обозрение российских финансов, 313–482 / В кн.: Канкрин, Е. Ф. *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Катыхова, Л. А., Бокарев, Ю. П., Боханов, А. Н. и др. (1994). *Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв.* М.: Прогресс-Академия.
- Кейнс, Дж. М. (2007). *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Эксмо.
- Кенэ, Ф. (2008). Анализ «Экономической таблицы», 350–357 / В кн.: Клюкин П. Н. (ред.) *Физиократы. Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П.-С. Дюпон де Немур. Избранные экономические произведения*. М.: Эксмо.
- Лебедев, В. А. (1896). *Граф Егор Францович Канкрин*. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов.
- Мальшев, А. И., Таранков, В. И., Смиранный, И. Н. (1991). *Бумажные денежные знаки России и СССР*. М.: Финансы и статистика.
- Марней, Л. П. (2009). *Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в.* М.: Идрик.
- Мондэй, К. (2014). Национальная идентичность и экономическая наука: Е.Ф. Канкрин в русском общественном сознании // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия «Экономика», (3), 86–112.

- Моңдэй, К. (2018). Камерализм как источник научного аппарата Е. Ф. Канкрин, 59–81 / В кн.: Канкрин, Е. Ф. *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Мухамедина, Ш. (2012). Уроки реформ: министр финансов Е. Ф. Канкрин и его оппоненты // *Вестник финансового университета*, (5), 62–71.
- Покровский, В. И. (1901). *К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли*. СПб.: Тип. И. Гольдберга.
- Расков, Д. Е. (2008). Денежная реформа Алексея Михайловича и проблема доверия // *Вестник СПбГУ. Серия «Экономика»*, (3), 69–80.
- Сементовский, Р. И. (2012). *Е. Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность*. М.: Книга по требованию.
- Святловский, В. В. (1913). *Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России*, Ч. 1. СПб.: Тип. «Герольд».
- Судейкин, В. Т. (1891). *Восстановление в России металлического обращения (1839–1843 гг.)*. М.: Ред. Юрид. вестн.
- Туган-Барановский, М. М. (1917). *Бумажные деньги и металл*. Петроград: Юрид. кн. скл. «Право».
- Цвайнерт, Й. (2008). *История экономической мысли в России. 1805–1905*. М.: Изд. Дом ГУ – ВШЭ.
- Шванебах, П. Х. (1901). *Денежное преобразование и народное хозяйство*. СПб.: Стасюлевич.
- Шепелёв, Л. Е. (2001). Е. Ф. Канкрин и торгово-промышленная политика финансового ведомства (1823–1844), 145–226 / В сб.: Л. Е. Шепелёв (отв. ред.) *Английская набережная, 4. Ежегодник*. СПб.
- Штейн, В. М. (1948). *Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков*. Ленинград: Изд-во и тип. Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та.
- Шторх, П. А. (1868). *Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год*. СПб.: Печатня В. Головина.
- Шумпетер, Й. А. (2004). *История экономического анализа: В 3 т. Т. 1*. СПб.: Экономическая школа.
- Юсти, И. Г. Г. (1772). *Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния*, Т. 1. СПб.: Типография при Имп. Акад. Наук.
- Kingston-Mann, E. (1999). *In The Search of the True West: Culture, Economic, and Problems of Russian Development*. Princeton University Press.
- Pintner, W. M. (1967). *Russian economic policy under Nicholas I*. New York: Cornell University Press.
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism in Eighteenth-Century Russia: Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–301 / In: E. Nokkala and N. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment: Happiness, Governance, and Reform in Transnational Perspective*. New York, London: Routledge.

REFERENCES

- Arsentev, N. M. (2017). The Dilemma of industrialization in Russia in the XIX century. *Russian Journal of Economic History*, (3), 31–49. (In Russian.)
- Bezobrazov, V. P. (1867). *On the influence of economic science on public life in modern Europe*. Moscow: University typography Katkov i K°. (In Russian.)
- Blaug, M. (1994). *Economic Theory in Retrospect*. Moscow: Delo Ltd. (In Russian.)

- Blyumin, I. G. (1940). *Essays on economic thought in Russia in the first half of the XIX century*. Moscow – Leningrad: Publ. by the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian.)
- Bozheryanov, I. N. (1897). *Count E. F. Cancrin, his life, literary works and twenty years of control activities by the Ministry of Finance*. Saint Petersburg: Publ. by gr. I. V. Kankrin. (In Russian.)
- Brzheskiy, N. K. (1884). *The State debts of Russia*. Saint Petersburg: Type lithography of A. M. Volf. (In Russian.)
- Cancrin, E. F. (1845). *The economy of human society and the state of finance*. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Cancrin, E. F. (1894). *Essays on political economy and finance*, in 3 vols. Saint Petersburg: Typography of the Academy of Sciences. (In Russian.)
- Cancrin, E. F. (2018a). *World wealth and national economy*. Moscow: Publishing house «Delo» by RANEPa. (In Russian.)
- Cancrin, E. F. (2018b). A brief review of the Russian finance, pp. 313–482 / In: Cancrin, E. F. *World wealth and national economy*. Moscow: Publishing house «Delo» by RANEPa. (In Russian.)
- Dubyansky, A. (2013). Parallel Money in the Russian Economic Literature of the XIX–XX centuries. *Voprosy Ekonomiki*, (7), 111–123. (In Russian.)
- Dubyansky, A. N. (2012a). Financial Reform in Russia at the Beginning of XIX Century. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, (2), 91–98. (In Russian.)
- Dubyansky, A. N. (2012b). Folksy mess in the monetary circulation of Russia in the early XIX century. *ECO*, (10), 179–188. (In Russian.)
- Dubyansky, A. N. (2018). E. F. Cancrin – Life and Activity, pp. 15–58 / In: Cancrin, E. F. *World wealth and national economy*. Moscow: Publishing house «Delo» by RANEPa. (In Russian.)
- Dubyansky, A. N. (2019). Michael A. Balugiansky as a scientist-economist and politician, pp. 67–76 / In: *Economic theory at St. Petersburg University: The way in 200 years*. Collection of articles dedicated to the 200th anniversary of the Department of political economy (economic theory) of St. Petersburg State University. Saint Petersburg: Publ. Of St. Petersburg State University. (In Russian.)
- Er-Ents, A. K. (2014). *Russian numismatics or Auxiliary tables for the calculation of money*. Moscow: Kniga po Trebovaniyu Publ. (In Russian.)
- Goryushkina, N. E. (2013). «I'll give up the payoff, but tell me what to replace them»: on the return of payoffs to the Ministry of E.F. Cancrin. *Proceedings of the Southwest State University*, (6-1), 202–206. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1772). *The Foundation of the Power and Welfare of the Kingdoms, or a Detailed Outline of all Knowledge Relating to the State Police*, Vol. 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Katykhova, L. A., Bokarev, Yu. P., Bokhanov, A. N. et al. (1994). *Russian ruble. Two centuries of history. XIX–XX centuries*. Moscow: Progress-Akademiya Publ. (In Russian.)
- Keynes, J. M. (2007). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)
- Kingston-Mann, E. (1999). *In The Search of the True West: Culture, Economic, and Problems of Russian Development*. Princeton University Press.
- Lebedev, V. A. (1896). *Count Yegor Frantsovich Cancrin*. Saint Petersburg: Typography of the General Administration (Tipografiya glavnogo upravleniya udelov). (In Russian.)
- Malyshev, A. I., Tarankov, V. I., Smirennyj, I. N. (1991). *Paper money in Russia and USSR*. Moscow: Finansy i statistika Publ. (In Russian.)

- Marney, L. P. (2009). *D. A. Guriev and financial policy of Russia in the early XIX century*. Moscow: Idrik Publ. (In Russian.)
- Military Statistical Collection* (1871). Vol. 4. Russia. Saint Petersburg.
- Monday, Ch. (2014). National Identity and Economics: Georg Cancrin in the «Russian School» of Economic Thought. *St. Petersburg university journal of economic studies*, (3), 86–112. (In Russian.)
- Monday, Ch. (2018). Cameralism as the source of the research of E. F. Cancrin, pp. 59–81 / In: Cancrin, E. F. *World wealth and national economy*. Moscow: Publishing house «Delo» by RANEPА. (In Russian.)
- Mukhamedina, Sh. (2012). Lessons of reforms: Minister of Finance E. F. Cancrin and his opponents. *Bulletin of the Financial University*, (5), 62–71. (In Russian.)
- Pintner, W. M. (1967). *Russian economic policy under Nicholas I*. New York: Cornell University Press.
- Pokrovskiy, V. I. (1901). *On the stability of the active balance of Russian foreign trade*. Saint Petersburg: Typography of I. Goldberg. (In Russian.)
- Quesnay, F. (2008). Analysis of the Economic Table, pp. 350–357 / In: P. N. Klykin (ed.) *Kene F., Tyurgo A. R. Zh., Dyupon le Nemur P. S. The physiocrats. Selected economic works*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism in Eighteenth-Century Russia: Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–301 / In: E. Nokkala and N. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment: Happiness, Governance, and Reform in Transnational Perspective*. New York, London: Routledge.
- Raskov, D. E. (2008). Monetary Reform of Alexey Mikhailovich and the Problem of Trust. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, (3), 69–80. (In Russian.)
- Sementovskiy, R. I. (2012). *E. F. Cancrin. His life and public activities*. Moscow: Kniga po Trebovaniyu Publ. (In Russian.)
- Shepelev, L. E. (2001). E. F. Cancrin and commercial and industrial policy of the financial Department (1823–1844), pp. 145–226 / In: L. E. Shepelev (ed.) *English embankment, 4. Yearbook*. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Shvanebah, P. Kh. (1901). *Monetary change and national economy*. Saint Petersburg: Stasyulevich Publ. (In Russian.)
- Sonnenfels, J. von (1787). *The Initial Foundation of the Police or the Welfare*. Moscow: University typography of N. Novikov. (In Russian.)
- Stein, V. M. (1948). *Essays on the Development of Russian Socio-economic Thought of XIX–XX centuries*. Leningrad: Publ. and Typography of the Leningrad State Order of the Lenin University. (In Russian.)
- Storkh, P. A. (1868). *Materials for the History of the National Currency in Russia from 1653 to 1840*. Saint Petersburg: Printing House of V. Golovin. (In Russian.)
- Sudeykin, V. T. (1891). *Restoration of metal circulation in Russia (1839–1843)*. Moscow: Editorship of the Law Bulletin (Redaktsiya yuridicheskogo vestnika). (In Russian.)
- Svyatlovskiy, V. V. (1913). *Essays on the history of economic views in the West and in Russia*, Part 1. Saint Petersburg: Typography «Gerold». (In Russian.)
- Schumpeter, J. A. (2004). *History of Economic Analysis*, in 3 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola Publ. (In Russian.)
- Tugan-Baranovskiy, M. M. (1917). *Paper money and metal*. Petrograd: Legal book warehouse «Pravo». (In Russian.)
- Zwainert, J. (2008). *History of Economic Thought in Russia. 1805–1905*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)

Terra Economicus, 2019, 17(4), 113-128

DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128

МЕЖДУ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЕЙ КОММУНИЗМА И ОРТОДОКСАЛЬНЫМ МАРКСИЗМОМ (ОСМЫСЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 1950–1960-Х ГГ.)¹

Григорий Германович ПОПОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Цитирование: Попов, Г. Г. (2019). Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным марксизмом (осмысление эволюции советского экономического развития 1950–1960-х гг.) // *Terra Economicus*, 17(4), 113–128. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128

Статья посвящена осмыслению советского экономического прошлого в ракурсе противопоставления двух моделей народного хозяйства, сформированных при разных политических режимах. Автор отвечает на вопросы, насколько экономические системы в условиях сталинской диктатуры и постсталинского умеренного коммунистического режима различались между собой, почему сталинский курс экономической политики изжил себя в начале 1950-х гг. Рассматриваются кратковременные, но довольно результативные либеральные (насколько это было возможно в советских условиях) реформы Г.М. Маленкова (1953–1955 гг.), антитезой которым стал предложенный Н.С. Хрущевым технократический курс преобразования советской экономики, подразумевавший сохранение экстенсивного экономического роста на фоне внедрения (путем крупных инвестиций) новейших на то время технологий и реформы государственного управления. Технократический курс Н.С. Хрущева, как доказывает автор, при всех его провалах недооценен в отечественной историографии (в частности, много позитивного было сделано в жилищном строительстве и энергетике). В то же время хрущевский курс реформ игнорировал вопрос рентабельности капиталовложений, что в итоге привело советскую экономику к кризису избыточных инвестиций и к «закату оттепели». Автор обращает особое внимание на роль советских ученых-экономистов в «поворотах» 1950-х гг., опираясь на малоизученные ранее источники по экономической истории СССР.

Ключевые слова: плановая экономика; экономические реформы в СССР; экономическая наука в СССР; сталинский курс; реформы Г.М. Маленкова; политика Н.С. Хрущева

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00680 «Исследование институциональных механизмов взаимодействия науки и управления экономикой в СССР (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) в контексте развития системы стратегического планирования в государственном секторе экономики РФ».

BETWEEN THE LIBERALIZATION OF COMMUNISM AND ORTHODOX MARXISM (UNDERSTANDING EVOLUTION OF SOVIET ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE 1950S AND 1960S)

Gregory G. POPOV,

Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA),
Moscow, Russia,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Citation: Popov, G. G. (2019). Between the liberalization of communism and orthodox marxism (understanding evolution of soviet economic development in the 1950s and 1960s). *Terra Economicus*, 17(4), 113–128. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128

The paper deals with the Soviet economy from the perspective of two contrasting models of the national economy, shaped under different types of political regimes. The author discusses the differences between the economic system under Stalin's dictatorship and post-Stalin moderate Communist regime. The main reasons why Stalinism has run its course in the early 1950s are analyzed. Short-term, but quite effective liberal (as far as it was possible under Soviet regime) reforms put forward by Georgy Malenkov, 1953–1955, are discussed. As opposed to Malenkov's reforms, Nikita Khrushchev's technocratic course to transform the Soviet economy is analyzed. The latter implied extensive economic growth, with the massive investments into advanced technology, and public administration reforms. The author argues that Khrushchev's technocratic policy, despite its failures, is undervalued by the Russian historiographers (in particular, much has been done for housing construction and energy industry). Meanwhile, Khrushchev's reforms neglected the issue of return on investment, and eventually resulted in over-investment crisis of the Soviet economy and failure of the Khrushchev Thaw. Relying on still insufficiently studied historical sources, the author focuses on the role of Soviet economists in policy «shifts» which took place in 1950s.

Keywords: *planned economy; economic reforms in the USSR; economics in the USSR; Stalin's course; G.M. Malenkov's reforms; N.S. Khrushchev's policy*

JEL classifications: *B24, N14, N34, N44*

Введение

В научной литературе можно найти очень много аналитической информации о сталинских реформах, довольно много – о реформах Косыгина, но советским реформаторам 1950-х повезло гораздо меньше. Между тем именно в этот период советская экономика совершила крупный скачок в развитии, и этот феномен мало изучен в экономической литературе.

Экономические реформы Г.М. Маленкова (1953–1955 гг.) и Н.С. Хрущева (1955–1964 гг.) недостаточно изучены и в России, и на Западе. Наблюдается дефицит и специальных компаративистских исследований; интересными в этой связи представляются лишь работы М.Л. Альпидовской (Альпидовская и др., 2017) и С.В. Смирнова (Smirnov, 2015), посвященные данным реформам в контексте долгосрочного развития СССР. Это

вытекает, как верно утверждает В.Л. Некрасов, из ослабленного интереса историков экономики к архивным материалам по экономике периода «оттепели» (Некрасов, 2017). Исключением является работа Г.И. Ханина (Ханин, 2008), однако он, с одной стороны, преувеличивает достижения сталинской модели экономики, а с другой – не рассматривает подробно ту научную дискуссию, которая подвигла Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева на частичный демонтаж этой модели.

Целью настоящей статьи является заполнение пробела в анализе эволюции советской экономики – осмысление сущностей, сходства и различия трех (сталинской, маленковской и хрущевской) моделей экономики СССР, сформированных при очень разных политических режимах.

Сталинская экономика: «затухание импульса»?

Даже если взять самые последние годы, есть длинный ряд научных публикаций, освещающих отдельные стороны экономики эпохи сталинизма (Андреенков, 2017; Боркун, Соловьев, 2016; Винслав, 2017; Романченко, 2016; Ильиных, 2017). Все указанные работы объединяет стремление авторами осознать принципиальные различия между сталинским «большим рывком» и предыдущим (нэп) и последующими ближайшими (военный и послевоенный) периодами. В то же время в этих работах трудно найти сопоставления сталинской экономики (1929–1953 гг.) с экономикой СССР следующего десятилетия после смерти Сталина. В результате возникает существенное недопонимание причин постсталинских времен. Появляется иллюзия, будто изменения экономической политики отражали лишь смену «вождей». Однако «политическая воля» всегда и везде детерминирована объективными факторами.

По поводу причин качественного изменения социально-экономической политики в СССР 1950-х гг. есть ряд концепций, каждая из которых имеет определенные недостатки.

В мейнстриме западной науки принято считать, что сформировавшаяся на рубеже 1920–1930-х гг. советская политика была мобилизационной, направленной на «рывок» в социально-экономическом развитии. Это происходило путем копирования некоторых западных государственных управленческих практик рубежа XIX–XX вв. с целью достижения высших показателей выпуска промышленной продукции, какие были достигнуты капиталистическими странами, но без копирования основных капиталистических институтов (Kotkin, 1995; Rieber, 2015; Allen, 2009; Chirot, 1991; Sanchez-Sibony, 2014).

Р. Аллен в этой связи приводит данные, что ВВП СССР в начале 1920-х гг. был равен ВВП Индонезии в 1945 г. Такой низкий исходный уровень экономики, кричаще противоречащий и коммунистической риторике о высшем обществе, и объективным задачам национального догоняющего развития, толкал советское руководство, по мнению Р. Аллена, к принятию радикальных решений. П. Грегори отвечает на вопрос о причинах успеха сталинского экономического курса похожим образом, утверждая, что СССР имел при Сталине мобилизационный характер экономики, но в меньшей степени плановую экономику. На том, что советская экономика во второй половине 1930-х гг. имела явно выраженный мобилизационный характер, настаивают также М. Харрисон, О. Хлевнюк и ряд других авторитетных авторов (Davis et al., 2018). Фактически на этой позиции стоит и Р.М. Нуреев, по мнению которого выбор в пользу доктрины Е. Преображенского в 1928 г. привел к формированию мобилизационной модели экономики в СССР, которая просуществовала практически до 1990-х гг. (Нуреев, Гретченко, 2008: 146) Но концепции, согласно которым советская экономика была мобилизационной всегда, не объясняют, почему после смерти И.В. Сталина «мобилизационные» решения принимались редко.

Весьма интересной представляется менее известная идея «революционного импульса», который в сочетании с революционными методами административного дав-

ления на население был важным фактором роста советской экономики, но не на всем ее протяжении, а только в межвоенный период. Помимо А. Ноува, эту концепцию развивают и многие другие ученые. В частности, современным российским сторонником этой концепции «революционной мобилизации» выступает профессор С.А. Красильников (Красильников, 2017; 2018). Мы считаем, что ограниченность такого концептуального подхода заключается в том, что он дает объяснение развития экономики с точки зрения скорее исторической социологии, чем экономической истории. В частности, возникает вполне законный вопрос: почему революционный импульс стал угасать, по мнению сторонников этого подхода, после 1945 г., когда Советский Союз после Великой Победы вступил в полосу противостояния с капиталистическим миром и потребность в «сплочении вокруг флага» отнюдь не исчезла?

Загадку причин смены советской экономической политики в 1950-е гг. попытался решить также Д. Пристланд. Он выделил три направления марксизма: «романтический марксизм», «технократический марксизм» и «радикальный марксизм». Только в рамках последнего и развивалась мобилизация (Priestland, 2007; 2010). Но и эта теория, акцентирующая внимание на противоречиях внутри самого марксистского движения, полностью не объясняет, почему советская элита отказалась от радикального курса после смерти Сталина. Здесь уместно вспомнить подход С. Коткина, который объясняет отказ от «радикального марксизма» к середине 1950-х гг. тем, что СССР столкнулся с «американским вызовом» общества процветания, которое Вашингтон решил построить не только в США, но и в Западной Европе. После этого в Кремле поняли, что со старой сталинской экономической политикой марксизм ожидает идеологическое поражение, так как люди в Советском Союзе жили хуже, чем на Западе (Kotkin, 2015; de Grazia, 2006). Но данный мотив для советской политической элиты мог бы работать в случае угрозы массовых протестных выступлений, которые очень трудно увидеть в СССР 1950-х гг.

Говоря об импульсе, запустившем сталинскую модель экономики в конце 1920-х – начале 1930-х гг., и об угасании данного импульса в 1950-е гг., стоит вспомнить концептуальную идею У. Черчилля о периоде «второй Тридцатилетней войны» (1914–1945). Согласно этому подходу, который укладывается в теорию мир-системного развития, между 1914 и 1945 г. в мире происходит системный сдвиг, характеризовавшийся не имевшим ранее аналогов огосударствлением экономик ведущих стран мира (Нуреев, 2017: 96–97). В рамки этого процесса органически вписывается и сталинская экономика как один из наиболее экстремальных вариантов огосударствления. Соответственно, прекращение «второй Тридцатилетней войны» означало начало затухания импульса, вызвавшего сталинский экономический рост.

Г.М. Маленков vs Н.С. Хрущев (1953–1955 гг.): потерянная альтернатива?

Если хрущевские и косыгинские экономические реформы известны достаточно хорошо, то Г.М. Маленков как реформатор советской экономики почти не известен даже специалистам. Это связано не только с тем, что «мы ленивы и нелюбопытны», но и с тем, что период, когда в руках Г.М. Маленкова была высшая власть, оказался очень коротким. Председателем Совета министров Г.М. Маленков был менее двух лет, с марта 1953 до февраля 1955 г., и реформы этого периода с полным основанием можно считать «маленковскими». В то же время остаточные следы курса Г.М. Маленкова прослеживаются и после того, как в 1955 г. его «сослали» на пост министра энергетики, и даже после 1957 г., когда после осуждения как члена «антипартийной группы» он был вообще выведен из ЦК КПСС. Приблизительным рубежом, когда маленковский курс полностью сменяется политикой Н.С. Хрущева, могут быть 1958–1959 гг.

Хотя нет последовательного изложения концепции реформирования советской экономики, которая была у Г.М. Маленкова, ее можно реконструировать по практическим действиям правительства СССР в 1953–1955 гг. В ее основе лежали отказ от

начатой при Сталине гонки вооружений и наращивание инвестиций в потребление наравне с повышением покупательской способности населения. Данная формула будет в 1970–1980-е гг. реализована в Китае во время реформ Дэна Сяопина. Как и в КНР начального периода реформ, в СССР предполагалась низкая норма прибыли для предприятий потребительского сектора.

Новый курс Маленкова связан с тем, что в 1950-е гг. в советской экономике обозначился дефицит капитала, который не позволял решать одновременно задачи реформы промышленности и гонки вооружений. Поэтому Г. Маленков предложил пойти на примирение с Западом ради внутренних реформ. Это спровоцировало рост оппозиции во главе с Н. Хрущевым, который в феврале 1955 г. обрушился на Г. Маленкова с обвинениями в мягкости по отношению к империализму (Taubman, 2003: 263–269), в результате Г. Маленков потерял власть.

«Маленковская» экономическая политика имеет несколько слагаемых. Прежде всего, Г.М. Маленков сразу после смерти Сталина начал проводить политику по расширению полномочий отраслевых министерств, так что министерства превратились фактически в «полугосударства». Второй элемент маленковских реформ – это кардинальное снижение цен. Тем самым продолжилась стратегия снижения цен, за счет чего еще при Сталине советские экономисты-государственники надеялись стимулировать рост экономики. Происходило это на фоне повышения закупочных цен для колхозов и совхозов. Несомненным результатом такой политики стало принятие дефицитного государственного бюджета 8 августа 1953 г.: плановый дефицит составил 10%, но бюджет удалось свести с небольшим профицитом (Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562, Оп. 41. Д. 113: 181–182). Дефицитный бюджет на фоне радикального снижения цен на товары массового потребления означал рост скрытой инфляции. Третий элемент – это конверсия: уже в 1953 г. расходы на вооруженные силы были сокращены в 2 раза. Четвертое по счету, но, возможно, первое по значению – помощь сельскому хозяйству. Уже в марте 1953 г. Г.М. Маленков пришел к выводу, что кризис в аграрной сфере вызван чрезмерным налогообложением села (Зубкова, 1993: 97–103). В этой связи Г.М. Маленков провел меру по списанию долгов с колхозов. Сельское хозяйство получило, помимо снижения налогового бремени, также увеличение инвестиций и подчинение МТС непосредственно первым секретарям районных комитетов, в результате чего МТС усиливались кадрами. Г.М. Маленков резко повысил оплату труда на селе. Одной из причин таких экстраординарных мер являлась низкая производительность труда на селе, следствием чего была нехватка продовольствия в СССР даже в начале 1950-х гг. По расчетам Р.В. Сеницына, урожайность зерновых составила в 1953 г. 7,8 ц/га, что на 0,4 ц больше, чем в 1951 г., но меньше на 0,1 га, чем в 1950 г. (Сеницын, 2017: 45). Для понимания критичности ситуации со снабжением продуктами питания надо учесть, что минимальной нормой, ниже которой в стране должен был начаться голод, была, судя по показателям 1947–1949 гг., урожайность 6,9–7,3 ц/га.

В связи с осмыслением выбора пути развития экономики СССР следует обратить внимание на научную работу советского экономиста Григория Филиппова в форме доклада М.А. Суслову, секретарю ЦК КПСС, сделанному в 1954 г. М.А. Суслов тогда подключил к работе над анализом сложившейся в сталинский период структуры экономики СССР много специалистов, которые сформулировали концептуальную идею: наращивание инвестиций в тяжелую промышленность ведет к расширению возможностей в сфере производства потребительских товаров за счет повышения оснащенности промышленности средствами производства в целом. В этой связи в работе Г. Филиппова доказывалось, что сталинская модель роста оказалась неправильно понятой Г.М. Маленковым и его последователями, которые видели в ней чрезмерный «перекосяк» в производство средств производства за счет угнетения производства потребительских товаров. На самом деле расширение инвестиций в сектор

производства средств производства вело к росту капиталовооруженности труда и в секторе производств товаров народного потребления, а отнюдь не к истощению их капитальных средств (Российский архив Новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 522: 60–61).

На осеннем пленуме ЦК 1953 г. впервые проявилась противоположность позиций Маленкова и Хрущева о путях реформирования советской экономики. Г.М. Маленков предложил повысить закупочные цены на аграрную продукцию, чтобы сельское хозяйство получило дополнительное финансирование. По мнению же Н.С. Хрущева, отставание сельского хозяйства СССР заключалось больше не в дефиците капитальных вложений в этот сектор, а в неудовлетворительном состоянии управления колхозами и совхозами (Хрущев, 1963: 7–21). Другим фактором, сдерживавшим рост советской экономики, как признал Н.С. Хрущев, было отставание в научно-техническом прогрессе (здесь Н.С. Хрущев получил научную поддержку у известного ученого-экономиста А.А. Арзуманяна (Khrushchev, 2000: 211–214; Некраснов, 2013: 99–103)).

Концептуальная идея научно-технического отставания, озвученная Н.С. Хрущевым, нашла поддержку у крупного советского теоретика марксистской политической экономики А.М. Румянцева из АН УССР. Как объяснял А.М. Румянцев, в советской экономике не мог работать закон потери стоимости оборудования из-за его морального старения, так как в СССР не было рыночной конкуренции, поэтому советские предприятия могли долго применять устаревшую технику. В этой связи Е.Г. Либерман предлагал расширить хозрасчетные отношения в советской экономике (Либерман, 1955). 9 июля 1954 г. проректор ЛГУ С.М. Валандер поднял вопрос о необходимости тотального введения методов математической статистики в планирование не только на общегосударственном уровне, но и на уровне предприятий (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1: 132–151). В связи с поднятыми А.М. Румянцевым и другими экономистами вопросами теоретических основ нового планирования в народном хозяйстве профессор Л.В. Канторович (позже, в 1975 г., ставший лауреатом премии им. А. Нобеля по экономике) заявил о необходимости применения методологической идеи редкости ресурсов при создании планов распределения ресурсов в экономике. Эта идея Канторовича оказалась очень смелой для своего времени, так как бросала вызов трудовой теории стоимости К. Маркса, критиковать которую считалось «святотатством» среди советских экономистов. В ответ Госплан категорически отверг идею Канторовича, назвав ее маржиналистской по своей сути (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1: 132–151). Но Л.В. Канторович лишь четко сказал то, на что намекал А.М. Румянцев: надо положить в основу советского планирования оценки затрат капитала как главного критерия в выработке решений.

В связи с озвученной установкой «догнать и перегнать Америку» Н.С. Хрущев мобилировал достаточно мощный научный аппарат экономистов для сравнительного анализа возможностей социалистической и капиталистической экономик. Академии наук СССР было дано задание – разработать детально, по каким основным группам товаров и когда советская экономика может обогнать США, исходя из среднелетового показателя выпуска. Быстро обнаружилось, что по макроэкономическим показателям Советский Союз просто не мог соревноваться с Западом, так как в СССР отсутствовала система национальных счетов, что и было официально объявлено для ЦК советскими экспертами (РГАЭ. Ф. 99 оп. 1 Д. 668: 20). В 1958 г. НИИ при Госплане сделал достаточно неутешительный для Н.С. Хрущева вывод, что строить планы, исходя из доктрины «догнать и перегнать Америку», непродуктивно, так как СССР и США обладают слишком разными структурами народных хозяйств и достаточно различаются по климатическим условиям (РГАЭ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 668: 16–18). Специалист по истории военной экономики капиталистических стран А.И. Бечин в конце 1950-х гг. сделал еще более смелый вывод: капитализм перешел в принципиально новую стадию развития, когда научный прогресс, а не накопление капитала определяет циклы деловой активности, что делает кризисы капитализма непрогнозируемыми (Архив Российской академии

наук. Ф. 1978. Оп. 1. Д. 43: 3–8). Из этого следовало, что и темпы роста капиталистической экономики тоже стали непрогнозируемыми, а это означало, что строить планирование развития советской экономики, ориентируясь на западные показатели, также бессмысленно.

Когда популистская доктрина «догнать и перегнать Америку» только формировалась, то за ней скрывалась обеспокоенность советского политического руководства ситуацией в советской экономике, вызванной внутренними факторами развития. Еще в сентябре 1953 г. Госплан представил Г.М. Маленкову (как Председателю Совета министров СССР) и Н.С. Хрущеву (как Первому секретарю ЦК КПСС) развернутый доклад, что промышленность не выполнила план по ряду важных ключевых показателей. Кроме того, рост производительности труда составил в 1952–1953 гг. только 5%, когда для выполнения программы пятилетки требовался рост этого показателя в 8,5%. Падение себестоимости продукции в целом составило 3,9%, когда плановый показатель был 4,5%. Во всех бедах обвинили менеджмент предприятий и ведомства, которые затягивали процесс строительства новых заводов и жилищных площадей для их персонала (Российский архив Новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30 Д. 15: 1–44). Именно в связи с набиравшим обороты кризисом и появилась концептуальная идея Г. Маленкова переориентировать инвестиции из сектора производства средств производства в сектор производства потребительских товаров (Некрасов, 2013: 99–103).

Во втором полугодии 1953 г. по настоянию Г.М. Маленкова советское правительство пошло на не имевший аналогов в прошлом шаг – сократило вдвое сельхозналог: если в 1952 г. он дал бюджету 9,5 млрд рублей, то в 1953 г. – 4,1 млрд рублей (по плану). Г. Маленков позволил крестьянам увеличить приусадебные участки в 5 раз. При этом повысилась оплата труда колхозников. В результате если в 1953 г. годовой денежный доход крестьянской семьи составлял 845,2 рубля, то в 1960 г. он равнялся уже 3763 рублям. Эти меры Г.М. Маленкова дали очень существенный положительный результат в 1954–1958 гг. (Попов, 2005: 66). В итоге продовольственная проблема как преодоление возможности голода была решена. Аграрная реформа Маленкова показала, что хозяйственная свобода на селе дает гораздо больший экономический эффект, нежели сталинские трудодни и т.п. Возврат Н.С. Хрущева после изгнания из правительства Г.М. Маленкова к сталинской формуле отношений государства с селом привел к обратным результатам – рост производительности колхозных хозяйств замедлился.

Среди существенных результатов маленковской политики следует отметить также подъем жилищного строительства. Но в этой сфере успехи были менее заметными, резкий скачок (примерно в 2 раза) произошел только в 1955–1960 гг., уже при «единоличном правлении» Н.С. Хрущева.

Курс реформ Г.М. Маленкова оказался не только незавершенным из-за быстрой опалы и отставки с ведущих постов его основоположника, но даже не сформулированным окончательно. К тому же Г.М. Маленков не оставил, в отличие от Хрущева и Брежнева, каких-либо мемуарных работ, по которым можно было бы понять общую направленность его мыслей и действий, реально осуществленных и только планируемых. Если реконструировать «маленковскую альтернативу», то с некоторой условностью можно говорить об общей установке на либерализацию, повышение «заботы о людях». Реально сделать удалось немало, но в основном в аграрном секторе. Очень важно, что в результате либерализации науки при Г.М. Маленкове была облегчена научная дискуссия о развитии народного хозяйства страны.

Хрущевский курс: без Сталина по сталинскому пути?

Особенности хрущевского подхода к экономическому реформированию четко обозначились сразу после «переворота» 1955 г., устранившего Маленкова с поста Председателя Совета министров СССР. На XX съезде КПСС Н.С. Хрущев предложил фактически

продолжить сталинский экономический курс, но с некоторыми поправками. С одной стороны, произошло резкое (почти в режиме *big push*) усиление инвестиций: на 1956–1959 гг. были запланированы государственные капиталовложения в размере 990 млрд рублей, так что инвестиции в экономику СССР за эти три года превосходили весь предыдущий пятилетний план, разработанный еще при Сталине (XX съезд, 1956: 58–59). С другой стороны, началась реформа управления: поскольку Н.С. Хрущев считал, что ведомственные управленцы при Сталине тратили деньги неэффективно, он решает с 1957 г. ввести совнархозы. Частичная замена отраслевых ведомств региональными совнархозами вела к децентрализации в народном хозяйстве, но одновременно усиливала роль в экономике региональных партийных организаций, что должно было вернуть советское общество, по замыслу Н.С. Хрущева, к методам управления первой пятилетки.

Решение о переходе от системы ведомств к системе совнархозов уже в советский период справедливо признавали ошибкой. Эта хрущевская реформа выявила (методом от противного) важную черту советской экономики: ее децентрализация (регионального характера) была опасна для народного хозяйства тем, что ряд его отраслей могли эффективно функционировать только в рамках «монолитного» геоэкономического пространства СССР (Некрасов, Хромов, 2011: 124).

Недовольство Н.С. Хрущева отраслевыми министерствами не следует рассматривать только как проявление «волютаризма». Во многом оно было вызвано также тем, что в последние годы правления И.В. Сталина министерские чиновники вытеснили из управления научные кадры, так что знания экономистов, имевших академическое образование, редко применялись на практике. По мнению Н.С. Хрущева, министерское управление экономикой подразумевало замыкание министерских кадров в рамках Москвы, так что они не получали полную информацию из регионов. Ответом на системные недочеты в отраслевом планировании стало, в частности, создание Государственного комитета по науке и технологиям.

Отчасти взгляды Н.С. Хрущева разделял А. Косыгин, бывший протеже репрессированного по «Ленинградскому делу» Н.А. Вознесенского. По мнению А. Косыгина, которое он высказал в связи с дискуссией хозяйственников по поводу совнархозной реформы, советская экономика страдала не от неправильной структуры управления, а от ошибок в планировании: отдача от капиталовложений оценивалась через два года, но, по А. Косыгину, для этого требовался более длительный срок (Российский архив Новейшей истории Ф. 5. Оп. 30. Д. 196: 65–78).

Хрущевские реформы были связаны не только с совнархозами, но и с освоением новооткрытых энергоресурсов. В сентябре 1957 г. шестой пятилетний план был пересмотрен и урезан в пользу седьмого пятилетнего плана – в первую очередь в связи с открытием в Сибири богатых нефтью месторождений, которые давали качественно новую перспективу развития советской экономики. В основу новой пятилетки была положена идея приоритетного развития нефтехимии как двигателя прогресса. Н.С. Хрущев надеялся за счет выпуска пластмасс сократить издержки в секторе производства товаров народного потребления, чтобы тем самым отказаться от маленковской доктрины перераспределения инвестиций из тяжелой индустрии в потребительский сектор². В связи с неудачным распределением инвестиций в регионах в период шестой пятилетки главой Госплана был назначен А. Косыгин, который уже в 1960 г. начал постепенную ликвидацию совнархозов, сокращая их количество под лозунгом «централизации совнархозов» (Kibita, 2015: 92–95).

В экономической политике Хрущева были, несомненно, и удачные моменты, связанные, в частности, с реорганизацией промышленности. Когда Г. Маленков утверж-

² См. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.09.1957 № 1146 «О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» (<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38076#0599448341201303> – Дата обращения: 31.05.2019).

дал, что индустриализация завершена, он давал несколько неточную картину. В этом аспекте гораздо больше был прав Н.С. Хрущев, указывая на ряд существенных узких мест в развитии советской промышленности, оставшихся в наследие от времен И.В. Сталина. В первую очередь это касалось энергетики, мощности которой составили в СССР в 1950 г. лишь 19,6 млн кВт (Попов, 2005: 65), что меньше, чем в нацистской Германии в конце Второй мировой войны – 25 млн кВт после всех разрушений в результате бомбардировок и износа оборудования в условиях ограничений по его замене. В результате ускоренного строительства электростанций Советскому Союзу удалось в 1965 г. получать уже 115 млн кВт (Попов, 2005: 65). Строительство в энергетике курировал лично Н. Хрущев, встретив, правда, серьезные хозяйственные возражения Госплана (Некрасов, Хромов, 2011: 125).

Потеря Г. Маленковым своих постов в 1955–1957 гг. привела к сворачиванию курса его политики в сельском хозяйстве. Инициированная им еще в конце 1940-х гг. политика снижения цен на товары народного потребления (способ, по замыслу Г. Маленкова, повысить производительность труда) была сменена Н. Хрущевым стратегией повышения цен. Если Маленков рассматривал крестьян как нуждающихся в помощи, то Хрущев возобновил «наступление» на крестьянство: были расформированы МТС, что ухудшило экономическое положение колхозов, развернулась кампания борьбы с личными подсобными хозяйствами. Вместо интенсивного роста аграрного сектора Н. Хрущев предложил освоение целины, т.е. возврат к экстенсивным методам в сельском хозяйстве, которые хорошо подходили для военной советской экономики, но исчерпали себя в мирных условиях 1950-х гг. В результате среднегодовые темпы прироста в аграрном секторе СССР снизились в 1960–1965 гг. до 1,5%, по сравнению с 7,5% в 1958 г. На фоне катастрофического падения заготовок зерновых (до уровня кануна Первой мировой войны) это впервые заставило СССР закупать продовольствие за границей (Вальцев, 2012а: 7).

Таким образом, технократизм Н.С. Хрущева без либерализма Г.М. Маленкова оказался обречен на провалы во многих экономических преобразованиях и, как следствие, на удары со стороны оппозиции справа (сторонников прорыночного развития) и слева (сторонников более решительной ресталинизации). В то же время эти провалы не следует преувеличивать: в период с 1953 по начало 1960-х гг. советская экономика вышла на темпы роста ВВП примерно 10% в год (Вальцев, 2012б: 6). Это «советское экономическое чудо» достигалось во многом за счет оставленного сталинским периодом наследия (Вальцев, 2012б: 6) и колоссальных капиталовложений в промышленность в 1950-е гг. (Яременко, 1999: 32), поэтому оно не могло быть длительным.

Научная критика реформ 1950-х годов

Роль советской экономической науки в реформах 1950-х гг. (как и вообще в выработке политики на протяжении всей истории СССР) была двойственной: с одной стороны, экономисты помогали обосновывать очередной «поворот»; с другой стороны, их научная добросовестность требовала давать критические оценки результатам этих «виражей».

Когда в январе 1959 г. Президиум Академии наук СССР учредил специальную комиссию для оценки издержек в народном хозяйстве, то выводы комиссии, возглавленной известным советским экономистом В.С. Немчиновым, оказались неутешительными. По мнению экономистов, в советском ценообразовании применялись совершенно ненаучные подходы. Единственный выход для советской экономики из кризисной ситуации с назначением цен В.С. Немчинов видел во введении принципа прибыльности в процесс капиталовложений. Он подверг критике хрущевскую доктрину научно-технического прогресса как двигателя экономики, указав на то, что без правильного ценообразования и прибыли от НТП нельзя ждать ожидаемых результатов. По мнению комиссии В.С. Немчинова, в ходе шестой пятилетки произошло замедление роста со-

ветской экономики на фоне небывалого ранее увеличения капиталовложений (Белкин, 2003: 44–47).

Таким образом, комиссия В.С. Немчинова, состоявшая из ведущих советских экономистов, вынесла осуждающий вердикт концепции Н.С. Хрущева – провести реставрацию сталинской модели экономики. По мнению экономистов, эту модель надо было кардинально перестраивать: без прибыли и сбалансированного, основанного на математических расчетах, ценообразования народное хозяйство не могло позитивно развиваться дальше.

Были ли реформы Хрущева и Маленкова на самом деле столь неудачными, как их представил в своем отчете В. Немчинов? Ведь успех государственных реформ нельзя определять только процентом роста национального дохода, ВВП либо других макроэкономических показателей (например, той же отдачей на капиталовложения). Необходимо учесть и качественные изменения. В частности, резкое повышение качества жизни советских граждан в 1953–1964 гг. есть очевидный факт. Запуск первого искусственного спутника Земли (1957 г.) и первого человека в космос (1961 г.) – не только крупнейшие научно-технические достижения рассматриваемого периода, но и эпохальные достижения советского НТП.

В то же время, хотя в отечественной историографии замедление роста советской экономики и ее спад принято ассоциировать со временем правления Л.И. Брежнева, первые признаки «застоя» обнаружились уже в конце 1950-х гг. В середине 1960-х гг. по заданию непосредственно А. Косыгина известный математик Мстислав Келдыш провел расчеты роста советской экономики, согласно которым «перелом» (замедление развития) произошел уже около 1959 г. (табл. 1). Этот «перелом» правомерно связывать не столько с окончательной «отставкой» Г.М. Маленкова в 1957 г., сколько с инициированным Н.С. Хрущевым поворотом к идеалам первой пятилетки в советской экономической политике.

Таблица 1

**Рост советской экономики по ключевым показателям,
согласно расчетам М. Келдыша, %**

Ключевые показатели	1954–1958	1959–1963	1961–1963
Национальный доход	11,0	6,5	5,6
Промышленность	11,4	9,6	9,0
Сектор А	12,3	10,8	10,4
Сектор Б	9,3	7,2	6,5
Сельское хозяйство	8,6	0,0	0,0
Капиталовложения	15,0	6,6	4,0

Источник: (Архив Российской академии наук. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51: 1).

Расчеты М. Келдыша демонстрируют, что реформы изначально противоречивого «кальянса» Хрущева и Маленкова оказались незавершенными с точки зрения переориентации основной массы инвестиций с сектора А в сектор Б. Откровенный провал в сельском хозяйстве говорит в пользу точки зрения о своего рода «итальянской забастовке» во многих колхозах и совхозах (или о ситуации, очень близкой к такому состоянию). Снижение инвестиций указывает больше на то, что в 1950-е гг. был создан избыток капиталовложений и незавершенного строительства, не сопровождавшийся адекватным приростом в секторе Б и в сельском хозяйстве. Избыток инвестиций привел, по расчетам М. Келдыша, к резкому снижению прироста продукции на единицу капитала с 1% до 0,61% в период с 1961 по 1963 гг. (Архив Российской академии наук. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51: 2).

Очень высокие показатели роста советской экономики в 1954–1958 гг. кажутся мистическими, поскольку в предыдущий и последующий периоды не имеют аналогов.

Но их можно объяснить тем, что сработали эффекты НТП и временного снижения военных расходов на фоне улучшения социальных условий труда. С другой стороны, можно говорить о том, что советская экономика после 1958–1959 гг. стала переходить к модели умеренного роста, когда качество вытесняет количество.

Заключение

Итак, советское общество существенно эволюционировало в постсталинский период, столкнувшись еще в конце 1940-х – начале 1950-х гг. с рядом вызовов.

Главный из них – это новая модель гонки вооружений, когда в большей степени, чем ранее, требовались квалифицированные кадры в тяжелой промышленности. На данный вызов после 1953 г. был дан достаточно достойный ответ. Подчеркнем, что успехи ОПК СССР оказались возможны в период «оттепели» во многом за счет наследия 1930–1940-х гг., включая полученный во время Великой Отечественной войны богатый научно-технический опыт. Заметим также, что СССР совершил большой прорыв в оборонной сфере в 1953–1957 гг. в условиях *сокращения* расходов (или, по крайней мере, сдерживания их радикального прироста) на вооруженные силы, данный опыт весьма полезен для современной России.

Второй вызов носил внутренний характер – это замедление роста производительности труда на фоне изменения структуры населения из-за больших потерь в Великой Отечественной войне. Хотя вопрос о динамике производительности труда в СССР периода холодной войны не слишком глубоко изучен, но, судя по изложенным в данной статье материалам, напрашивается вывод, что еще до прекращения реформ Маленкова данная трудность в советской экономике была в основном преодолена, правда, лишь временно.

Третий вызов связан с энергетикой, которая больше не могла, как в XIX в., быть основанной на угле. Этот вопрос носил общенациональный характер, так как от энергетики зависел экономический рост. Решение данного вопроса было связано с наращиванием капитальных вложений, носивших характер долгосрочного строительства, но капитальные вложения в особо дорогостоящие объекты, как показал опыт советской экономики 1960-х гг., замедляли экономический рост.

Четвертый вызов связан с сельским хозяйством, производительность которого не поспевала за демографическим ростом, так как оно было основано на практиках организации доиндустриальных обществ, напоминая институты азиатского способа производства. Эта сложность была отчасти преодолена в ходе реформ Маленкова, но последующий возврат к сталинским по существу методам управления сельским хозяйством привел к новому «застою» в аграрном секторе в начале 1960-х гг.

Пятый вызов – замедление экономического роста на базе наращивания в основном трудозатрат и повышения производительности труда. Как известно из общего курса микроэкономики, сильно опережающий рост одного из факторов производства относительно быстро приводит к замедлению роста общей факторной производительности. В Юсплане это поняли уже в первой половине 1950-х гг., поэтому экономика постепенно стала переходить на фактически капиталистические основы планирования, где главным критерием является рентабельность капитала.

Шестой вызов – слишком запоздалая отдача от инноваций в народном хозяйстве, что отчасти связано с приоритетом в НТП в пользу ВПК. Низкая способность советской гражданской экономики к инноватике оставалась «ахиллесовой пятой» СССР до самого конца его истории.

Седьмой вызов связан с низким научным обеспечением: наука оказалась в результате сталинских «чисток» оторванной от народного хозяйства, особенно это касается экономической теории. Поэтому советское планирование шло в период «оттепели» вперед методом проб и ошибок. Между тем уже к концу 1940-х гг. экономика СССР настолько усложнилась, что без современного научного обеспечения, включая математическую экономику, общество не могло успешно развиваться.

Пытаясь найти ответы на эти семь вызовов, советское партийное руководство после смерти И.В. Сталина в 1953 г. оказалось на распутье.

В конце концов, начавшиеся в 1957 г. реформы Хрущева оказались модификацией сталинского курса: государство, отказываясь от репрессий, продолжило экстенсивными методами проводить ускоренную модернизацию. Мы не согласны с В.Л. Некрасовым, что Н.С. Хрущев изобретал что-то принципиально новое в экономической политике на фоне десталинизации советского общества (Некрасов, 2017: 71). На самом деле он стремился скорее *реанимировать* лучшее, что ему виделось в сталинской эпохе, – в частности, высокие моральные мотивы 1930–1940-х гг. Для этого он пытался предоставить больше свободы партийным кадрам в регионах, что советское государство уже «проходило» во время Великой Отечественной войны.

В то же время мало замеченные советским обществом реформы Маленкова показывают, что у советского государства имелась в 1950-е гг. более либеральная альтернатива, иной путь модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Альпидовская, М. Л., Вахрушева, Н. А., Корняков, В. И. (2017). Уроки истории: экономический подъем в послевоенные годы (1945–1960) // *Энергия: экономика, техника, экология*, (5), 42–48.
- Андреев, С. Н. (2017). «Целинный проект» 1954 г. в аграрной истории Сибири и Казахстана // *Гуманитарные науки в Сибири*, 24(2), 103–108.
- Архив Российской академии наук. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51.
- Архив Российской академии наук. Ф. 1978. Оп. 1. Д. 43.
- Белкин, В. Д. (2003). *Тернистый путь экономиста. Воспоминания о прожитом и размышления о грядущем*. М.: Дело, 199 с.
- Боркун, И. А., Соловьев, В. Ю. (2016). Продовольственная политика государства на этапе свертывания нэпа: значение экономического и политического факторов // *Власть*, 24(11), 175–181.
- Вальцев, С. В. (2012а). Эпоха развитого социализма как время упущенных возможностей // *Проблемы современной науки и образования*, (4), 4–22.
- Вальцев, С. В. (2012б). Оценка преобразований, проводимых в СССР под руководством Н. С. Хрущева // *Проблемы современной науки и образования*, (5), 10–20.
- Винслав, Ю. Б. (2017). Советская оборонная промышленность: из предвоенной, военной и послевоенной истории организации и управления // *Российский экономический журнал*, (4), 23–35.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1. ЛЛ. 132–151.
- Зубкова, Е. Ю. (1993). *Общество и реформы 1945–1964*. М.: Издательский центр «Россия молодая», 196 с.
- Ильиных, В. А. (2017). Агротехника сибирского земледелия в дискурсе 1932–1933 гг. // *Гуманитарные науки в Сибири*, 24(2), 90–95.
- Красильников, С. А. (2017). От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов // *ЭКО*, 47(1), 176–189. (<http://dx.doi.org/10.30680/EC00131-7652-2017-1-176-189>).
- Красильников, С. А. (2018). Социальная мобилизация сталинской эпохи: теория, историография, с. 11–96 / В кн.: С. А. Красильников (ред.) *Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.)*. М.: РОССПЭН.
- Либерман, Е. Г. (1955). Хозрасчетный расчет и материальное поощрение работников промышленности // *Вопросы экономики*, (60), 34–44.

- Некрасов, В. Л. (2013). Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // *Вестник Томского государственного университета*, (368), 99–103.
- Некрасов, В. Л. (2017). Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое общество // *Новый исторический вестник*, (4), 72–73.
- Некрасов, В. Л., Хромов, Е. А. (2011). Н.С. Хрущев и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология // *Вестник Томского государственного университета*, (349), 123–126.
- Нуреев, Р. М. (2017). Истоки огосударствления экономики и его последствия // *Мир новой экономики*, 11(2), 93–104.
- Нуреев, Р. М., Гретченко, А. И. (2008). Реформы и застой в советской экономике // *Историко-экономические исследования*, 9(3), 134–165.
- Попов, Г. Г. (2005). Кризисы советской и российской экономик через призму неокейнсианских теорий // *Экономика и право*, (4), 61–75.
- Российский государственный архив экономики* (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113.
- Российский государственный архив экономики*. Ф. 99. Оп. 1. Д. 668.
- Российский архив Новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 30. Д. 15.
- Российский архив Новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 30. Д. 196.
- Российский архив Новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 17. Д. 522.
- Романченко, В. Я. (2016). Государственные сельские хозяйства России в условиях нэпа и сталинской модернизации // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (7-1), 140–142.
- Синицын, Р. В. (2017). О достоверности дореволюционной статистики в контексте оценки урожайности зерновых культур статистическими органами Российской империи и СССР // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана*, (2-3), 23–33.
- Ханин, Г. И. (2008). *Экономическая история России в Новейшее время*: в 3 т., т. 1. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 516 с.
- Хрущев, Н. С. (1963). *Строительство коммунизма и развитие сельского хозяйства в СССР*, т. 7. М.: Госполитиздат, 494 с.
- Яременко, Ю. В. (1999). *Экономические беседы*. М.: Центр исследований и статистики науки, 344 с.
- XX съезд* (1956). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат.
- Allen, R. C. (2009). *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton University Press, 319 p.
- Chirot, D. (1991). What Happened in Eastern Europe in 1989? // *PRAXIS International*, 11(3-4), 278–305.
- de Grazia, V. (2006). *Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe*. Cambridge: Belknap Press, 608 p.
- Kibita, N. (2015). *Soviet Economic Management under Khrushchev: The Sovnarkhoz Reform*. London: Routledge, 202 p.
- Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkley: University of California Press, 639 p.
- Kotkin, S. (2015). *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*. Reprint edition. New York: Penguin Books, 949 p.

- Khrushchev, S. (2000). *Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower*. Pennsylvania State University Press, 765 p.
- Priestland, D (2007). *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Inter-War Russia*. Oxford: Oxford University Press, 487 p.
- Priestland, D. (2010). *The Red Flag: A History of Communism*. New York: Grove Press, 973 p.
- Rieber, A. J. (2015). *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 420 p.
- Sanchez-Sibony, O. (2014). *Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*. New York: Cambridge University Press, 278 p.
- Smirnov, S. (2015). Economic Fluctuations in Russia (from the late 1920s to 2015) // *Russian Journal of Economics*, 1(2), 130–153.
- Taubman, W. (2003). *Khrushchev N.: The Man and His Era*. New York: W.W. Norton, 876 p.

REFERENCES

- Allen, R. C. (2009). *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton University Press, 319 p.
- Alpidovskaya, M. L., Vakhrusheva, N., Korniyakov, V. I. (2017). Lessons of history: economic recovery in the postwar years (1945–1960). *Energy: economy, technology, ecology*, (5), 2017, 42–48. (In Russian.)
- Andreenkov, S. N. (2017). The «Virgin project» of 1954 in the Agrarian history of Siberia and Kazakhstan. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 24(2), 103–108. (In Russian.)
- Archive of the Russian Academy of Sciences*. Fond 1849. Box 1. File 51.
- Archive of the Russian Academy of Sciences*. Fond 1978. Box 1. File 43.
- Belkin, V. D. (2003). *The thorny path of an economist. Memories of the past and thoughts about the future*. Moscow: Delo Publ., 199 p. (In Russian.)
- Borkun, I. A., Solov'ev, V. Yu. (2016). Food policy of the state at the stage of new economic policy closure: the value of economic and political factors (on materials of the Volga region) // *The Authority (Vlast')*, 24(11), 175–181. (In Russian.)
- Chirot, D. (1991). What Happened in Eastern Europe in 1989? *PRAXIS International*, 11(3-4), 278–305.
- de Grazia, V. (2006). *Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe*. Cambridge: Belknap Press, 608 p.
- Ilyinykh, V. A. (2017). Agricultural technology of Siberian farming in the discourse of 1932–1933. *Humanitarian sciences in Siberia*, 24(2), 90–95. (In Russian.)
- Khanin, G. I. (2008). *The Economic History of Modern Russia: in 3 vols., vol. 1, The Economy of the USSR from the Late 1930s to 1987*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., 516 p. (In Russian.)
- Khrushchev, N. S. (1963). *Building the Communism and agricultural development in the USSR*, vol. 7. Moscow: Gospolitizdat Publ., 494 p. (In Russian.)
- Khrushchev, S. (2000). *Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower*. Pennsylvania State University Press, 765 p.
- Kibita, N. (2015). *Soviet Economic Management under Khrushchev: The Sovnarkhoz Reform*. London: Routledge, 202 p.
- Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkley: University of California Press, 639 p.
- Kotkin, S. (2015). *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*. Reprint edition. New York: Penguin Books, 949 p.

- Krasilnikov, S. A. (2017). From Strikes to «Volynki» (labour sabotage): the Protests of Workers in the Soviet Union of 1920s. *ECO journal*, 47(1), 176–189. (<http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-1-176-189>) (In Russian.)
- Krasilnikov, S. A. (2018). Social mobilization in Stalins's epoch: theory, historiography, pp. 11–96 / In: Krasilnikov, S. A. (ed.) *Social mobilization in Stalins's society (late 1920s – early 1930s)*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)
- Lieberman, E. G. (1955). Cost accounting and material motivation for industrial workers. *Voprosy Ekonomiki*, (6), 34–44. (In Russian.)
- Nekrasov, V. L. (2013). 1955 Gosplan reform: developing new model of economic planning. *Tomsk State University Journal*, (368), 99–103. (In Russian.)
- Nekrasov, V. (2017). Soviet Economic Reformism of the Khrushchev Era: The Authoritarian Reformer, the Party-State System, and the Academic Community. *The New Historical Bulletin*, (4), 71–91. (In Russian.)
- Nekrasov, V. L., Khromov, Ye. A. (2011). N.S. Khrushchev and the new energy policy (late 1950s – early 1960s): power, reforms, ideology. *Tomsk State University Journal*, (349), 123–126. (In Russian.)
- Nureev, R. M. (2017). The Origins of Economic Environment and its Consequences. *The world of new economy*, 11(2), 93–104. (In Russian.)
- Nureev, R. M., Gretchenko, A. I. (2008). Reforms and stagnation in the Soviet economy. *Economic History and History of Economics*, 9(3), 134–165. (In Russian.)
- Popov, G. G. (2005). Crises of the Soviet and Russian economies through the prism of Neo-Keynesian theories. *Economy and law (Ekonomika i pravo)*, (4), 61–75. (In Russian.)
- Priestland, D (2007). *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Inter-War Russia*. Oxford: Oxford University Press, 487 p.
- Priestland, D. (2010). *The Red Flag: A History of Communism*. New York: Grove Press, 973 p.
- Rieber, A. J. (2015). *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 420 p.
- Romanchenko, V. Ya. (2016). State agriculture of Russia in the conditions of nep and Stalinist modernization. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, (7, part 1), 140–142. (In Russian.)
- Russian State Archive of the Economy (RGAE)*. Fond 1562. Box 41. File 113.
- Russian State Archive of the Economy (RGAE)*. Fond 99. Box 1. File 668.
- Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fond 5. Box 17. File 522.
- Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fond 5. Box 30. File 15.
- Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fond 5. Box 30. File 196.
- Sanchez-Sibony, O. (2014). *Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*. New York: Cambridge University Press, 278 p.
- Sinitzyn, R. V. (2017). On the reliability of pre-revolutionary statistics in the context of yield estimation of crops by the statistical authorities of the Russian Empire and the Soviet Union. *The New Historical Perspectives: From Baltic to Pacific Ocean*, (2-3), 23–33. (In Russian.)
- Smirnov, S. (2015). Economic Fluctuations in Russia (from the late 1920s to 2015). *Russian Journal of Economics*, 1(2), 130–153.
- State Archive of the Russian Federation*. Fond 5446. Box. 88. File 1.
- Taubman, W. (2003). *Khrushchev N.: The Man and His Era*. New York: W.W. Norton, 876 p.
- Valtsev, S. V. (2012a). The era of developed socialism as a time of missed opportunities. *Problems of modern science and education*, (4), 4–22. (In Russian.)

-
- Valtsev, S. V. (2012b). Evaluation of the reforms carried out in the USSR, under the leadership of N.S. Khrushchev. *Problems of modern science and education*, (5), 10–20. (In Russian.)
- Vinslav, Yu. B. (2017). Soviet defense industry: from pre-war, war and post-war history of organization and management. *Russian Economic Journal*, (4), 23–35. (In Russian.)
- XX Meeting: Report* (1956). Moscow: Gospolitizdat Publ. (In Russian.)
- Yaremenko, Ju. V. (1999). *Conversation about economy*. Moscow: Center of researches and statistics of science Publ., 344 p. (In Russian.)
- Zubkova, E. Yu. (1993). *Society and reforms of 1945–1964*. Moscow: Publishing center «Rossiya Molodaya», 196 p. (In Russian.)

Terra Economicus, 2019, 17(4), 129-147

DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147

МАЛЫЙ БИЗНЕС И СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Светлана Владимировна ОРЕХОВА,

доктор экономических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: bentarask@list.ru;

Евгений Витальевич КИСЛИЦЫН,

кандидат экономических наук, старший преподаватель,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: kev@usue.ru

Цитирование: Орехова, С. В., Кислицын, Е. В. (2019). Малый бизнес и структурные сдвиги в промышленности // *Terra Economicus*, 17(4), 129–147. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147

Выбор приоритетов государственной структурной политики чаще всего увязывается с определением пропорций между отраслевыми рынками. В то же время анализ внутриотраслевых структурных изменений может дать дополнительную информацию об источниках и факторах роста экономики. В статье обосновано, что в российской экономике малый бизнес не является драйвером экономического развития. Методика исследования базируется на компаративном анализе массы, индекса и скорости структурных сдвигов малого бизнеса по сравнению с промышленностью в целом. Оценка осуществлялась в разрезе трех групп показателей: выручки, среднесписочной численности работников и инвестиций в основной капитал предприятий. Информационную базу исследования составили данные по предприятиям 10 секторов промышленности с 2005 по 2017 г. Результаты исследования подтверждают отраслевую неоднородность между малыми и остальными предприятиями промышленности. Во-первых, темпы изменения выручки за изучаемый период у малых предприятий существенно отличаются от общих тенденций в промышленности. Во-вторых, структурные сдвиги по численности работников и инвестициям в основной капитал подтверждают факт, что малый бизнес растет гораздо медленнее, чем промышленность в целом. В-третьих, оценка корреляции Пирсона между индексом структурного сдвига и рентабельностью продаж показала, что наращивание объемов выпуска (выручки) и инвестиций в основной капитал приводит к снижению эффективности малых промышленных предприятий. Предложенная работа дает основания для дальнейших исследований в сфере оценки эффективности структурной промышленной политики и поведения малых предприятий в России.

Ключевые слова: малые предприятия; промышленность; структурная политика; структурные сдвиги; рентабельность продаж; внутриотраслевой анализ

SMALL BUSINESS AND STRUCTURAL CHANGES IN INDUSTRY

Svetlana V. OREKHOVA,

Doct. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia,
e-mail: bentarask@list.ru;

Evgeniy V. KISLITSYN,

Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer,
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia,
e-mail: kev@usue.ru

Citation: Orekhova, S. V., Kislitsyn, E. V. (2019). Small business and structural changes in industry. *Terra Economicus*, 17(4), 129–147. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147

The choice of priorities of state structural policy is most often linked to the definition of proportions between industry markets. At the same time, analysis of intra-industrial structural changes can provide additional information about the sources and factors of economic growth. As the authors suggest, small business in Russia is not a driver for economic development. The research method is based on a comparative analysis of the mass, index and rate of structural changes of small businesses compared to the industry as a whole. The assessment was carried out in the context of three groups of indicators: revenue, the average number of employees and investments in fixed capital of enterprises. The information base of the study consisted of data on enterprises of ten sectors of industry from 2005 to 2017. The research findings confirm the industry heterogeneity between small and other industrial enterprises. First, the rate of change in revenue for the period under study for small businesses is significantly different from the General trends in industry. Second, structural changes in the number of employees and investment in fixed assets confirm the fact that small business is growing much slower than the industry as a whole. Third, Pearson's assessment of the correlation between the structural change index and profitability of sales showed that the increase in output (revenue) and investment in fixed assets leads to a decrease in the efficiency of small industrial enterprises. The proposed work provides grounds for further research in the field of assessing the effectiveness of structural industrial policy and behavior of small enterprises in Russia.

Keywords: *small enterprises; industry; structural policy; structural changes; profitability of sales; intra-industry analysis*

JEL classifications: *D2, L25*

Введение

Последнее десятилетие мировая экономика демонстрирует замедление темпов роста. При этом «в основе проблем, с которыми сталкивается российская экономика, лежат не внешние шоки (при всей их важности), а механизмы торможения, заложенные внутри самой российской модели роста» (Медведев, 2016).

Один из реальных способов повысить темпы экономического роста в России – увеличение объема и качества инвестиций (Березинская, Ведев, 2014; Кудрин, Гурвич, 2014). Для роста ВВП на душу населения в приемлемом для России диапазоне 3,0–3,7%

требуются инвестиции в основной капитал на уровне 25–30% (Орешкин, 2018: 18). Масштабные инвестиции приведут к изменению структуры экономики. Но, в отличие от прогнозных оценок по поводу «сколько инвестировать», решение вопроса «куда инвестировать» (как воздействовать на рыночные процессы) для достижения заданных параметров экономики является более трудной задачей.

В рамках новой, или горизонтальной, промышленной политики, базирующейся на работах Д. Родрика (Rodrik, 2004), выбор форм государственного вмешательства осуществляется по двум основным направлениям. Первое – это снижение уровня общеинституциональной неопределенности. Текущие процессы трансформации отечественной институциональной среды демонстрируют, что этот путь развития промышленной политики уже реализуется в России.

Второе направление характеризуется выбором приоритетов, перераспределением ресурсов, прав и контроля между рынками и/или предприятиями. Речь идет о так называемой структурной политике, идеология которой далеко не нова и трактуется как «совокупность таких методов и мероприятий, которые формируют и реализуют стратегию целенаправленного изменения основных пропорций хозяйственной системы» (Сухарев, Стрижакова, 2014: 26).

В экономической истории России (и СССР) вопрос о стимулировании изменений структуры хозяйства является традиционным. Новый всплеск внимания к таким методам возник благодаря политике ряда стран Восточной Азии. Здесь система государственного регулирования носила селективный отраслевой характер и стимулировала передачу технологий, что послужило триггером для быстрого экономического роста (Chang, 1994; Wade, 2003; Warwick, 2013). В результате возникло течение «новой структурной экономической теории» (New Structural Economics), основоположником которого стал Дж. Лин (Lin, 2012; 2013). В российской практике также имеется целый пул исследований по данной проблематике (см., напр.: Кузнецов, Симачев, 2014; Кондратьев, 2015: 6).

В то же время предмет исследования – структура экономики – практически всегда обсуждается с точки зрения нахождения баланса между отраслями (Любимов и др., 2017), промышленным и непромышленным секторами (Rodrik, 2016; Орешкин, 2018), традиционными и высокотехнологичными видами деятельности (Аганбенян, 2018), экспорто- или импортоориентированными рынками (Павлов, Каукин, 2017), территориальными изменениями одного рынка (Kang et al., 2015). Внутриотраслевая структура изучается на платформе теорий отраслевых рынков и неоинституционализма, где исследовательская повестка смещена в сторону определения факторов конкуренции и конкурентной политики (напр., Orekhova et al., 2018). При этом в последние годы «... никаких существенных изменений в части преодоления структурных диспропорций не произошло» (Френкель и др., 2018: 25). Промышленное производство в последние годы практически не росло и развивалось крайне неравномерно, несмотря на определенные формы господдержки (Френкель и др., 2018: 34–38).

Скорость и направление технологических изменений определяются конкретными характеристиками производственно-экономической структуры системы в каждый момент времени и их изменениями (Antonelli, 2014).

Предлагаемое исследование делает попытку осмысления структурных сдвигов не между рынками, а внутри них с учетом размера компаний. Априорно считается, что малый бизнес слабее крупного (в первую очередь из-за ресурсных ограничений). Поэтому вопрос изучения малых предприятий часто сводится к мерам их поддержки в неблагоприятных условиях конкуренции.

Одновременно с этим в науке постулируется тезис, что малый бизнес продуцирует инновации, создает рабочие места и новую потребительскую ценность (Liu, 2008; Юдин, Черкасов, 2016; Yang, 2017; Fishman et al., 2018). Новые фирмы меняют региональный ландшафт (Neffke et al., 2014) и могут стать драйверами рыночного роста.

Представляется, что проблема неразвитости малого бизнеса в России лежит не в плоскости анализа мер его поддержки. Это только вершина айсберга. Причины разви-

тия и поведенческие характеристики малых предприятий в России фундаментальнее и требуют, на наш взгляд, более масштабного исследования.

Цель настоящей статьи – эмпирическая проверка влияния изменения структуры малых предприятий на рентабельность продаж. Такая промежуточная научная задача даст основания для дальнейших исследований в сфере оценки эффективности промышленной политики и поведенческого фундамента малых предприятий в России.

Работа в значительной степени носит тестовый, эмпирический характер. Для этого требуется уточнение ряда исследовательских моментов. Во-первых, определение методического инструментария структурного анализа. Во-вторых, расчет структурных сдвигов малых предприятий в сравнении с промышленностью в целом. В-третьих, оценка влияния структурных изменений на рентабельность продаж малых промышленных предприятий и интерпретация результатов исследования.

Методы исследования структурных сдвигов

Преобразование структуры осуществляется через ряд динамических процессов, одним из которых является структурный сдвиг (Боровская и др., 2013: 12). Понятие «структурный сдвиг» трактуется как качественное изменение взаимосвязей между сопоставимыми элементами макроэкономической системы (Сухарев, 2014: 3), обусловленное неравномерностью их развития и свидетельствующее об изменении в потребностях субъектов хозяйственной жизни в размещении экономических ресурсов (Красильников, 2005: 53).

Ключевая проблема оценки любых качественных параметров – выбор адекватных показателей измерения (Бродский, 2006). Так, если социально-экономические факторы имеют точные характеристики, то при оценке инновационно-технологических и институциональных аспектов возникают трудности. Кроме того, можно выделить проблему отсутствия четких рекомендаций по применению отдельных показателей в конкретных областях, отсутствие у большинства из них шкал и четкой интерпретации, в том числе о влиянии на направленность и интенсивность роста экономики. А.Н. Лякин (2013) добавляет в данный список проблему определения набора используемых для расчета отраслей и преодоление сложностей, обусловленных изменением статистической методики.

Инструментарий определения структурных сдвигов далеко не нов. Еще в 1969 г. выделяли две группы показателей: абсолютные, представляющие собой разность между долями одноименных частей сравниваемых совокупностей; и относительные, выражающие отношение между этими долями (Казинец, 1969).

Так, методика ЮНИДО предполагает расчет структурных изменений на основе простого сопоставления динамики доли объекта в общей совокупности¹. В российской практике наиболее популярными обобщающими показателями являются индексы Гатева, Салаи и Рябцева. Также используются показатели эффекта отраслевой структуры, коэффициент энтропии (Михеева, 2013), среднее относительное изменение доли по модулю (Петров, 2012) и др. Эти показатели эффективны при оценке макроэкономической системы в целом. Для анализа отдельных секторов промышленности и предприятий они не подходят.

Среди частных показателей выделяют массу, относительный показатель, индекс, скорость, интенсивность, направленность и качество структурного сдвига.

Кроме индексов, оценка структурных изменений осуществляется эконометрическими методами (см., напр.: Landesmann, Snell, 1993; Бродский, 2006; Decramer, Vanormelinger, 2016; Atalla, Hunt, 2016).

Для комплексного исследования роли малых предприятий в структуре промышленного сектора России целесообразно использовать абсолютные и относительные частные показатели. В качестве абсолютного будем рассчитывать массу структурного сдвига, относительного – индекс структурного сдвига. Динамику структурных сдвигов будем отслеживать с помощью оценки скорости структурного сдвига.

Масса структурного сдвига (1) определяется как разница доли структурного показателя в текущий и базовый периоды и показывает скорость изменения удельного веса отраслей экономики за длительный период.

¹ https://www.unido.org/sites/default/files/2013-12/UNIDO_IDR_2013_main_report_0.pdf – Дата обращения: 25.07.2019.

$$M = d_i - d_0, \quad (1)$$

где d_i – удельный вес показателя в период i ,

d_0 – удельный вес показателя в базовый период.

Индекс структурного сдвига определяется как отношение массы структурного сдвига к базовому значению структурного показателя (2).

$$I = \frac{d_i - d_0}{d_0}, \quad (2)$$

Скорость структурного сдвига (3) отражает его динамику во времени, оценивает интенсивность сдвига, позволяет провести сравнительный анализ структурных сдвигов разных отраслей. Ограничение показателя – невозможность отследить изменения в течение года.

$$V = \frac{M}{T}, \quad (3)$$

где T – период структурного сдвига.

Алгоритм расчета состоит из 8 последовательных шагов.

1. Выбор и группировка секторов промышленности, параметров оценки.
2. Сбор исходных данных по показателям за период: выручка, оплата труда, основные средства предприятий; средняя заработная плата по сектору промышленности.
3. Дефлирование исходных данных.
4. Расчет индекса, массы и скорости структурных сдвигов по выручке, численности работников, инвестициям в основной капитал по сектору промышленности в целом.
5. Расчет индекса, массы и скорости структурных сдвигов по выручке, численности работников, инвестициям в основные средства по малым предприятиям конкретного промышленного сектора.
6. Расчет рентабельности продаж по малым предприятиям конкретного промышленного сектора.
7. Определение корреляции между рентабельностью продаж промышленных предприятий и индексами структурных сдвигов по выручке, численности работников и инвестициям в основные средства.
8. Интерпретация результатов.

Эмпирическая оценка структурных сдвигов малых промышленных предприятий в России

Информационную базу исследования составили данные предприятий десяти секторов промышленности из СПАРК-Интерфакс: добыча, пищевая, легкая, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, нефтехимическая, минеральная промышленность, металлургия, машиностроение, промышленный сервис и энергетика. Такая группировка обусловлена схожими отраслевыми характеристиками внутри групп. Все расчеты произведены в ценах 2005 г. (по численности работников – в ценах 2012 г.). Период исследования – с 2005 по 2017 г. В каждом секторе на основании критериев, указанных в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (среднесписочная численность работников не более 100 человек и предельное значение выручки не более 800 млн рублей), были выделены малые предприятия. Сравнение осуществлялось в разрезе «малые предприятия – промышленность в целом».

Оценка структурных сдвигов по выручке

На первом этапе проводился расчет индекса структурного сдвига по выручке. Структура ряда секторов (например, легкая, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность) изменялась равномерно и не зависела от размера предприятий.

Наибольшее значение индекса структурного сдвига за 12 лет достигается в промышленном сервисе. Востребованность данного вида деятельности обусловлена, с одной стороны, усложнением технологических систем в промышленности, а с другой – увеличением износа основных средств предприятий. Рост индекса демонстрируют также сектора добычи и пищевой промышленности. В металлургии, наоборот, индекс структурного сдвига имеет отрицательное значение в течение последних девяти лет.

Иная картина по этим же видам деятельности наблюдается у малых предприятий. В металлургии среднее отклонение индекса структурного сдвига по выручке в малом бизнесе составляет 64%, в добывающей промышленности – 35%, в промышленном сервисе – 32%, в нефтехимии – 15%. Причем, если в целом по металлургии наблюдается снижение доли выручки в промышленности, малые предприятия демонстрируют тенденцию к росту. Сильнее всего показатели структурных сдвигов отличаются в секторах добычи, нефтехимии и металлургии (рис. 1).

А

В

С

Рис. 1. Индекс структурного сдвига по выручке в 2005–2017 гг., %:

А – добывающая промышленность, В – нефтехимическая промышленность, С – металлургия (вертикальная ось слева – вид деятельности в целом, вертикальная ось справа – малые предприятия)

На втором этапе осуществлен расчет показателя массы структурного сдвига. Все сектора, за исключением металлургии, иллюстрируют рост показателя. Во многом он обусловлен увеличением относительной доли малых предприятий (рис. 2). Стоит отметить, что при общем снижении доли металлургии в промышленном производстве доля малых предприятий в этом секторе выросла на 0,74% по сравнению с аналогичным показателем в 2005 г. (рис. 2С). В нефтехимии на малых предприятиях также наблюдается рост, который превысил отметку в 0,7% в 2016 г. (рис. 2В). Наибольшая разница видна в добывающей промышленности, где масса структурного сдвига малых предприятий (2017 г.) равна 0,22%, тогда как по сектору в целом она достигла рекордного значения в 7,13% (рис. 2А).

A

B

C

Рис. 2. Масса структурного сдвига по выручке в 2005–2017 гг., %:
 А – добывающая промышленность, В – нефтехимическая промышленность, С – металлургия (вертикальная ось слева – вид деятельности в целом, вертикальная ось справа – малые предприятия)

Наибольшую скорость роста структурного сдвига (третий этап расчета структурных сдвигов по выручке) имеют предприятия промышленного сервиса (0,79%), нефтехимического (0,54%) и пищевого (0,35%) секторов. Однако в разрезе малых предпри-

ятий лидируют предприятия металлургии и нефтехимии (по 0,05%). В металлургии изменение скорости структурного сдвига по малым предприятиям и сектору в целом практически совпадает (рис. 3).

A

B

C

Рис. 3. Скорость структурного сдвига по выручке в 2005–2017 гг., %:

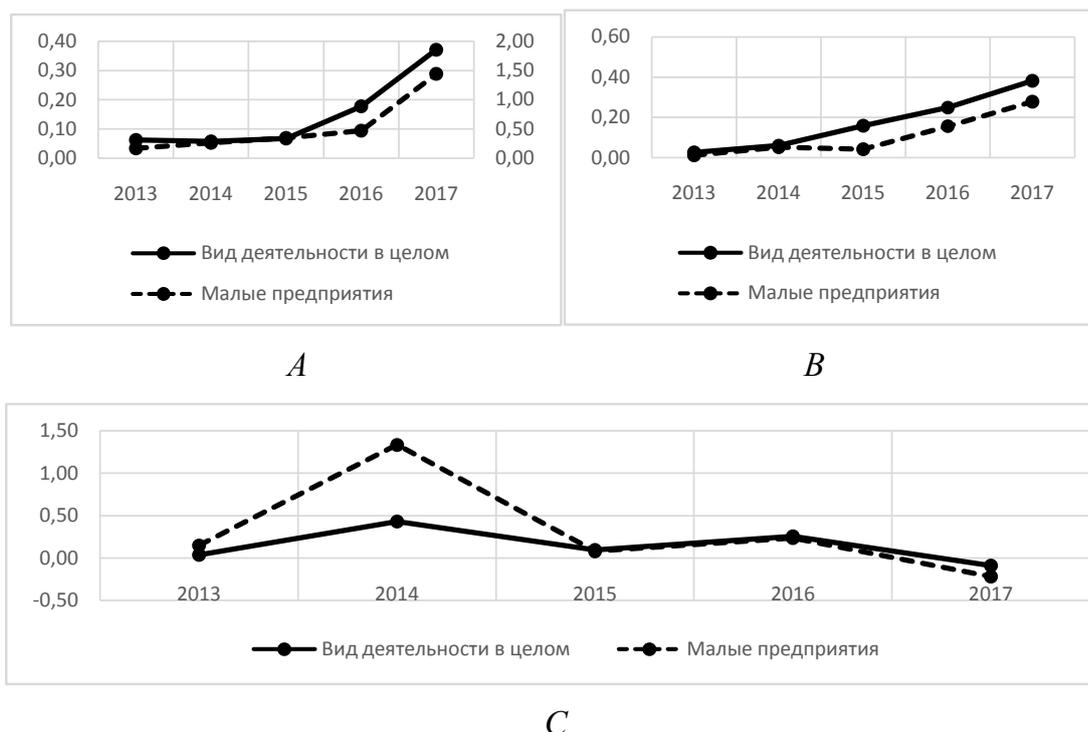
A – добывающая промышленность, B – нефтехимическая промышленность, C – металлургия (вертикальная ось слева – вид деятельности в целом, вертикальная ось справа – малые предприятия)

Все исследуемые сектора промышленности показывают нестабильную динамику. Наибольшую интенсивность структурных сдвигов по выручке в целом имеют нефтехимия, промышленный сервис и электроэнергетика. Среди малых промышленных предприятий выделяются нефтехимический и металлургический, добывающий сектора и стройиндустрия. Машиностроение меньше всего

подвержено изменениям, средний индекс структурного сдвига здесь в целом составляет 0,17% (у малых предприятий – 0,05%). Доля малых машиностроительных предприятий в общей структуре промышленности за 13 лет возросла всего на 0,48%.

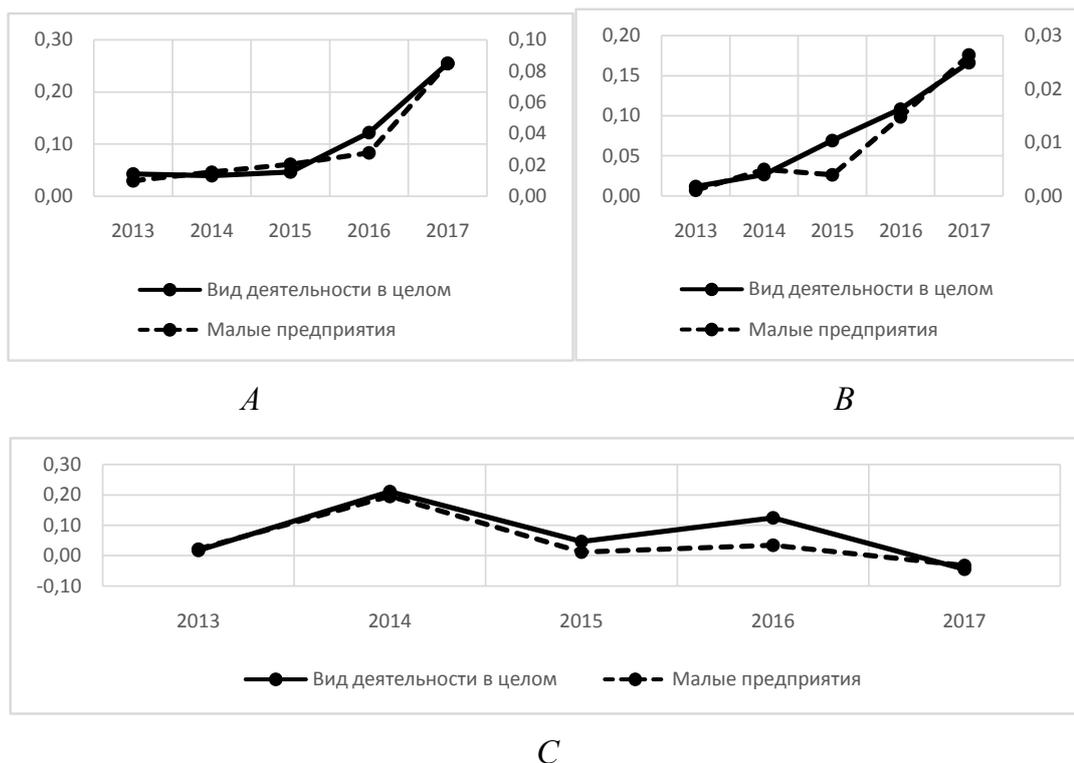
Оценка структурных сдвигов по численности работников

Наибольший рост индекса наблюдается в деревообрабатывающем, нефтехимическом, строительном секторах промышленности, производстве электроэнергии и промышленном сервисе, наименьший – в машиностроении и металлургии. В разрезе малых предприятий аналогичные тенденции имеют только нефтехимия и промышленный сервис. Индекс структурного сдвига нефтехимической промышленности варьирует от 0,06% до 0,37%, у малых предприятий этого сектора – от 0,25% до 1,45% (рис. 4А). В деревообработке наблюдается рост индекса к 2017 г. как по сектору в целом, так и у малых предприятий – от 0,01% до 0,38% и 0,28%, соответственно (рис. 4В). Особо отличаются малые предприятия промышленного сервиса, у которых наблюдается уменьшение индекса структурного сдвига по численности работников до –0,22% в 2017 г. (рис. 4С).

Рис. 4. Индекс структурного сдвига по численности работников в 2012–2017 гг., %: А – нефтехимическая промышленность, В – деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, С – промышленный сервис (вертикальная ось слева – вид деятельности в целом, вертикальная ось справа – малые предприятия)

В тройку лидеров по значению массы структурного сдвига по численности работников в 2017 г. вошли сектора машиностроения, добывающей и нефтехимической промышленности (0,77%, 0,32% и 0,25%, соответственно). У малого бизнеса наибольший прирост массы структурного сдвига также наблюдается в нефтехимии – с 0,01% до 0,08% (рис. 5А), деревообработке – с 0% до 0,03% (рис. 5В) и машиностроении – с 0% до 0,11%. У малых предприятий металлургии масса структурного сдвига не изменилась, промышленного сервиса и пищевой промышленности – сократилась (рис. 5С).

Рис. 5. Масса структурного сдвига по численности работников в 2012–2017 гг., %: А – нефтехимическая промышленность, В – деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, С – промышленный сервис (вертикальная ось слева – вид деятельности в целом, вертикальная ось справа – малые предприятия)

Наибольшую скорость структурного сдвига имеют предприятия электроэнергетики и добывающей промышленности (0,08% и 0,05%, соответственно). При этом у малых предприятий всех видов деятельности (кроме электроэнергетики) исследуемый показатель варьирует от -0,01 до 0,02 вне зависимости от сектора. В целом по промышленности структурные изменения по численности работников происходят крайне медленно. Максимальное значение скорости зафиксировано в 2017 г. у предприятий машиностроения (0,15%), минимальное – в 2017 г. в пищевой промышленности (-0,08%).

Оценка структурных сдвигов по инвестициям в основной капитал

Среднее значение индекса структурного сдвига по всем исследуемым секторам равно 0,35%, тогда как по малым предприятиям – 0,46%. Наибольшее значение индекса наблюдается у нефтехимического, строительного и добывающего секторов в целом (0,83%, 0,67% и 0,48%, соответственно), в том числе и у малого бизнеса (1,0%, 0,69% и 0,97%, соответственно). Ниже всех данный показатель у машиностроения (от -0,26% до 0,16%). Однако у малых машиностроительных предприятий дела обстоят лучше – от -0,15% в 2008 г. до 0,73% в 2016 г. Такая разница показывает, что малые предприятия охотнее инвестируют в основной капитал, чем крупные. Наибольший «разбег» показателей индекса структурных сдвигов наблюдается в нефтехимии (рис. 6А), металлургии (рис. 6В) и промышленном сервисе (рис. 6С).

Аналогичные тенденции видны и при анализе массы структурного сдвига по инвестициям в основной капитал. Лидером по данному показателю являются малые предприятия нефтехимической промышленности, значение у которых возросло с 0% в 2005 г. до 0,19% в 2017 г. (рис. 7А). У малых предприятий металлургии и промышленного сервиса показатели массы структурного сдвига находятся на уровне 0–0,04% (рис. 7В, 7С). Малые добывающие предприятия имеют значение исследуемого показателя, равное 0,05%, тогда как по всему сектору добычи он самый высокий – 2,27%.

A

B

C

Рис. 6. Индекс структурного сдвига по инвестициям в основной капитал в 2005–2017 гг., %:
 А – нефтехимическая промышленность, В – металлургия,
 С – промышленный сервис (вертикальная ось слева – вид деятельности в целом, вертикальная ось справа – малые предприятия)

Скорость структурных сдвигов по инвестициям в основной капитал за период с 2005 по 2017 г. практически во всех исследуемых секторах варьирует от $-0,1\%$ до $0,25\%$. Здесь выделяются добывающая и нефтехимическая промышленность ($0,17\%$ и $0,09\%$, соответственно, по данным 2017 г.). У малых промышленных предприятий скорость структурных сдвигов близка к нулю.

A

B

C

Рис. 7. Масса структурного сдвига по инвестициям в основной капитал в 2004–2017 гг., %:
 А – нефтехимическая промышленность, В – металлургия, С – промышленный сервис
 (вертикальная ось слева – вид деятельности в целом, вертикальная ось справа – малые предприятия)

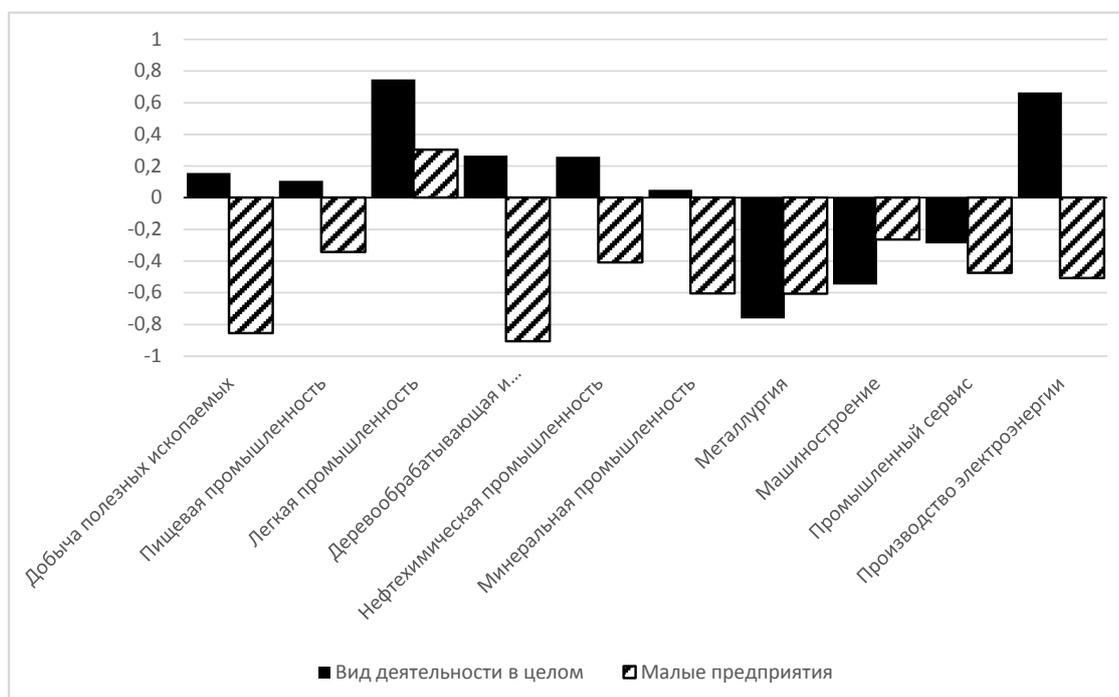
Оценка зависимости между структурными сдвигами и рентабельностью продаж малых предприятий

Эффективность деятельности предприятия может быть измерена целым рядом показателей. Для решения задач нашего исследования целесообразно использовать рентабельность продаж (отношение валовой прибыли к выручке от продаж), поскольку данный показатель является относительным и снимает проблему эндогенности при расчетах. Оценка зависимости между структурными сдвигами и рентабельностью продаж предприятий осуществлялась при помощи расчета коэффициента корреляции Пирсона (4):

$$r_{xy} = \frac{\sum (X_i - \bar{X}) \times (Y_i - \bar{Y})}{\sqrt{\sum (X_i - \bar{X})^2 \times \sum (Y_i - \bar{Y})^2}}, \quad (4)$$

где X – значения индекса структурного сдвига в i -й период,
 Y – значения показателя рентабельности продаж в i -й период.

Полученные оценки (рис. 8) дают основания сделать следующие выводы. Корреляция между индексом структурного сдвига и рентабельностью продаж предприятий практически во всех промышленных секторах положительная (исключение – машиностроение, металлургия и промышленный сервис). У малых предприятий, наоборот, положительный знак имеют только предприятия легкой промышленности.

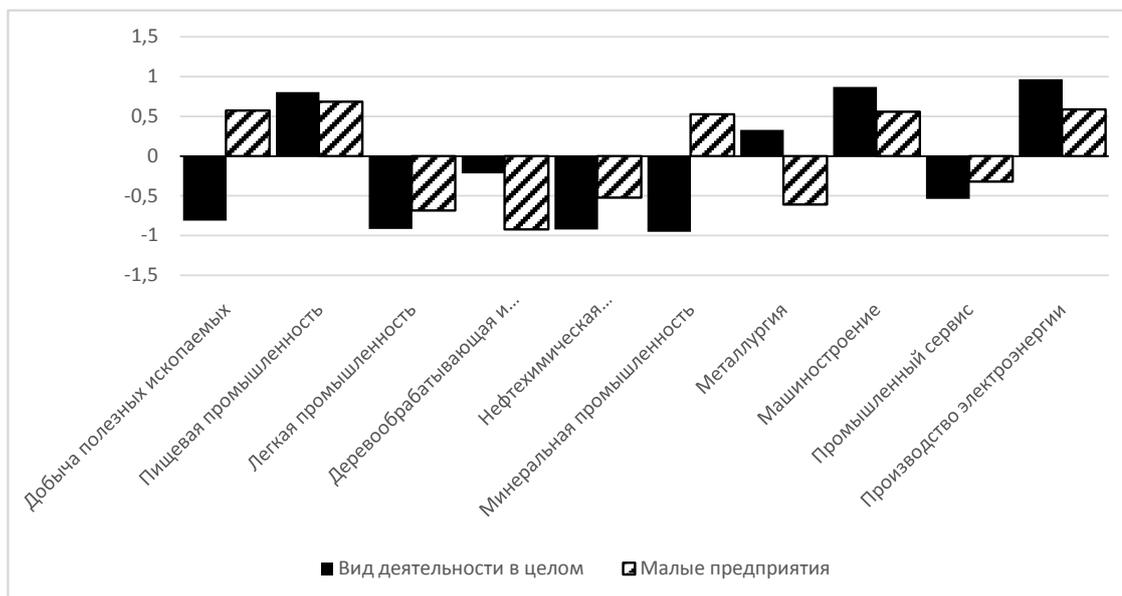

Рис. 8. Корреляция между индексом структурного сдвига по выручке и рентабельностью продаж за 2005–2017 гг.

Сильная взаимосвязь между показателями обнаружена только в легкой промышленности и производстве электроэнергии. Здесь структурные сдвиги положительно сказываются на развитии сектора. Для малых предприятий установлен средний или сильный уровень отрицательной взаимосвязи между рентабельностью продаж и структурными сдвигами. Другими словами, эффективность сектора напрямую зависит от того, насколько малые предприятия наращивают мощности и объемы производства.

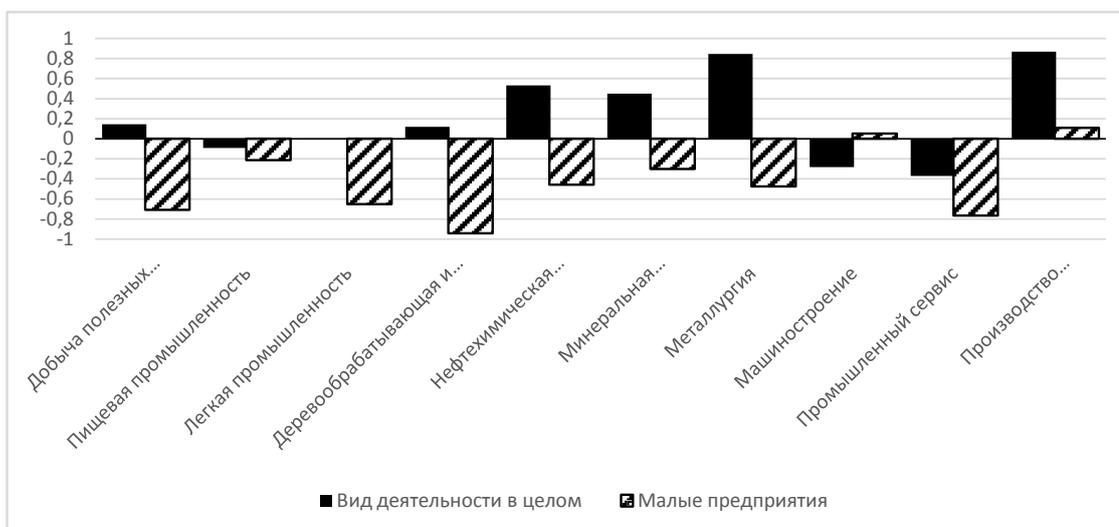
Иная картина появляется при анализе взаимосвязи структурных сдвигов по численности работников и рентабельности продаж. Здесь и по малому бизнесу, и по секторам в целом наблюдаются одинаковые тенденции (рис. 9). Исключением являются добывающая промышленность и металлургия. Причем в металлургии увеличение числа сотрудников ведет к снижению рентабельности продаж.

Следует отметить, что зависимость между структурными сдвигами по численности работников и рентабельности продаж предприятий сильнее, чем аналогичный показатель по выручке. За исключением деревообрабатывающей, металлургической промышленности и промышленного сервиса, коэффициенты корреляции Пирсона по модулю больше 80%. Та же ситуация наблюдается у малых предприятий (коэффициент корреляции Пирсона по модулю больше 50%).

Рис. 9. Корреляция между индексом структурного сдвига по численности работников и рентабельностью продаж за 2012–2017 гг.

Анализ взаимосвязи между структурными сдвигами по инвестициям в основной капитал и рентабельностью продаж показывает, что только на малых предприятиях по производству электроэнергии наблюдается сильная положительная зависимость (рис. 10). Здесь наращивание инвестиций в основной капитал действительно приводит к росту рентабельности продаж предприятий. В остальных секторах инвестиции в основной капитал неэффективны.

Рис. 10. Корреляция между индексом структурного сдвига по инвестициям в основной капитал и рентабельностью продаж за 2005–2017 гг.

Оценка структурных сдвигов по выручке свидетельствует, что ситуация у малых предприятий существенно отличается от общих тенденций в конкретном секторе промышленности. Лучше всего данный тезис иллюстрирует электроэнергетика, индекс структурного сдвига в которой за последние два года выше на 5%, тогда как у предприятий малого бизнеса колеблется от 0,15% до 0,2%. Обратную ситуацию демонстрирует металлургия, в которой наблюдается спад объемов производства (индекс струк-

турного сдвига по выручке в 2017 г. составил -1,15%), в то время как малые предприятия показывают рост.

Пятилетний диапазон исследования численности сотрудников малых предприятий в целом отражает общие тенденции. Однако в малом бизнесе рост происходит медленнее, хотя и систематически. Средняя скорость структурного сдвига у малых предприятий равна 0,01%, против 0,03% в промышленности в целом.

Наибольший прирост инвестиций в основной капитал наблюдается у малых предприятий нефтехимии и добычи, наименьший – электроэнергетики, что не соответствует общим трендам по промышленности.

Оценка корреляции Пирсона между индексом структурного сдвига и рентабельностью продаж свидетельствует, что наращивание объемов выпуска и инвестиций в основной капитал малых предприятий приводит к снижению их эффективности. Изменение численности работников на предприятиях малого бизнеса по-разному влияет на эффективность производства, но в основном отражает общие тенденции. Наибольший эффект приносит увеличение численности работников предприятий в пищевой промышленности, машиностроении и электроэнергетике.

Заключение

Структурные преобразования рассматриваются как процесс нахождения экономически эффективных элементов пропорций системы (Глазьев, 1993), влияющих на принятие стратегических решений отдельных компаний (Sotarauta, Beer, 2017).

Экономический рост во многом зависит от распространения инноваций во всей экономике, которые, в свою очередь, знаменуют эволюцию промышленной структуры (Dosi, Nelson, 2010). В России структурно-технологическая неоднородность промышленности создает существенные барьеры для их институциональной модернизации (Романова, Акбердина, 2013).

Предложенное исследование является одним из пазлов в цикле работ, посвященных поведению малого бизнеса (и в частности – малых промышленных предприятий) в России. Оценка структурных сдвигов дает возможность оценить трансформации в отраслях промышленности и в малом бизнесе. В результате выявлена существенная дифференциация качественных и количественных характеристик происходящих изменений с 2005 по 2017 г.

Структурные преобразования влияют на эффективность рынков и отдельных предприятий. Однако природа структурных сдвигов неоднозначна. С одной стороны, они могут являться *результатом рыночных процессов*. То есть полученные оценки *могут служить сигналом* для корректировки промышленной структурной политики. И здесь у государства есть выбор из двух стратегий: поддержка сильных игроков (иначе говоря – отказ от поддержки малого бизнеса) или «уравновешивание» шансов на успешное ведение бизнеса за счет содействия слабым участникам рынка. Последние исследования в этой области (Dosso et al., 2018) демонстрируют, что усилия стоит направлять в отношении конечного ожидаемого результата(ов), который не является инновацией сам по себе, а связан с ростом производительности, сокращением неравенства, экологической устойчивостью или социальной инклюзивностью.

С другой стороны, структурные сдвиги могут быть *результатом* уже случившегося вмешательства институционального характера. Тогда речь идет о наличии институциональных ловушек или разрывов в системе государственного регулирования. Оценить эти эффекты, отделить причины и следствия, обуславливающие ту или иную структуру промышленности, очень сложно на практике. Тем не менее такую дальнейшую задачу исследований и ставят перед собой авторы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аганбегян, А. (2018). На пути к цивилизованному рынку // *Вестник Института экономики РАН*, 1, 7–26.
- Березинская, О. Б., Ведев, А. Л. (2014). Инвестиционный процесс в российской экономике: потенциал и направления активизации // *Вопросы экономики*, 4, 4–16.
- Боровская, М. А., Шевченко, И. К., Развадовская, Ю. В. (2013). *Управление структурными преобразованиями в экономике промышленного сектора*. М.: КРАСАНД, 256 с.
- Бродский, Б. Е. (2006). Ретроспективный анализ структурных сдвигов на основе эконометрических зависимостей // *Экономика и математические методы*, 42(4), 96–119.
- Глазьев, С. Ю. (1993). *Теория долгосрочного экономического развития*. М.: ВладДар.
- Казинец, Л. С. (1969). *Измерение структурных сдвигов в экономике*. М.: Экономика.
- Кондратьев, В. Б. (2015). *Отрасли и сектора глобальной экономики: особенности и тенденции развития*. М.: Международные отношения.
- Красильников, О. Ю. (2005). Проблемы структурных преобразований в экономике // *Экономист*, 8, 52–58.
- Кудрин, А. Л., Гурвич, Е. Т. (2014). Новая модель роста для российской экономики // *Вопросы экономики*, 12, 4–36.
- Кузнецов, Б. В., Симачев, Ю. В. (2014). Эволюция государственной промышленной политики в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2(22), 152–178.
- Любимов, И., Гвоздева, М., Казакова, М., Нестерова, К. (2017). Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // *Журнал новой экономической ассоциации*, 2(34), 94–122.
- Лякин, А. Н. (2013). Структурные сдвиги в российской экономике и промышленная политика // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 1, 39–52.
- Медведев, А. В. (2016). Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // *Вопросы экономики*, 10, 5–30.
- Михеева, Н. Н. (2013). Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // *Пространственная экономика*, 1, 11–32.
- Орешкин, М. С. (2018). Перспективы экономической политики // *Экономическая политика*, 13(3), 8–27.
- Павлов, П. Н., Каукин, А. С. (2017). Импортозамещение товаров инвестиционного назначения в России // *Вопросы экономики*, 8, 92–103.
- Петров, А. Н. (2012). Процесс реструктуризации экономики региона: динамика сдвигов в отраслевой структуре // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 8(6), 20–36.
- Романова, О. А., Акбердина, В. В. (2013). Методология и практика формирования высокотехнологичного сектора экономики и создания новых рабочих мест в индустриальном регионе // *Экономика региона*, 3, 152–161.
- Сухарев, О. С. (2014). Структурная политика в экономике России: условия формирования // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 10(3), 2–8.
- Сухарев, О. С., Стрижакова, Е. Н. (2014). Структурный анализ развития промышленной системы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 10(41), 26–40.
- Френкель, А. А., Тихомиров, Б. И., Сергиенко, Я. В., Сурков, А. А. (2018). Экономика России в 2017–2019 годах: предпосылки для прорыва пока не созданы // *Экономическая политика*, 13(5), 24–49.

- Юдин, Н. С., Черкасов, В. А. (2016). Анализ специфики развития малого предпринимательства в России в рамках разработки методологии оценки социально-экономической эффективности малых предприятий // *Социально-экономические явления и процессы*, 11(3), 117–123.
- Antonelli, C. (2014). *The Economics of Innovation, New Technologies and Structural Change*. Routledge, Abingdon, UK.
- Atalla, T. N., Hunt, L. C. (2016). Modelling residential electricity demand in the GCC countries // *Energy Economics*, 59, 149–158.
- Chang, H.-J. (1994). *The Political Economy of Industrial Policy*. L.: Macmillan Press.
- Decramer, S., Vanormelinger, S. (2016). The effectiveness of investment subsidies: evidence from a regression discontinuity design // *Small Business Economics*, 4, 1007–1032.
- Dosi, G., Nelson, R. R. (2010). Technical change and industrial dynamics as evolutionary processes, pp. 51–127 / In: B. H. Hall and N. Rosenberg (eds.) *Handbook of the Economics of Innovation*, Vol. 1.
- Dosso, M., Martin, B. R., Moncada-Paternò-Castello, P. (2018). Towards evidence-based industrial research and innovation policy // *Sci. Public Policy*, 45 (2), 143–150.
- Fishman, A., Don-Yehiya, H., Schreiber, A. (2018). Too big to succeed or too big to fail? // *Small Business Economics*, 51, 811.
- Kang, W., Ratti, R. A., Yoon, K. H. (2015). Time-varying effect of oil market shocks on the stock market // *Journal of Banking & Finance*, 61(SI), S150-S163.
- Landesmann, M., Snell, A. (1993). Structural shifts in the manufacturing export performance of OECD economies // *Journal of Applied Econometrics*, 8(2), 149–162.
- Lin, J. Y. (2012). *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy*. Washington: World Bank Publications.
- Lin, J. Y., Rosenblatt, D. (2013). Shifting Patterns of Economic Growth and Rethinking Development // *Journal of Economic Policy Reform*, 15(3), 171–194.
- Liu, X. (2008). SME Development in China: A Policy Perspective on SME Industrial Clustering, pp. 37–68 / In: Lim, H. (ed.) *SME in Asia and Globalization*, ERIA Research Project Report 2007-5 (http://www.eria.org/SME%20Development%20in%20China_A%20Policy%20Perspective%20on%20SME%20Industrial%20Clustering.pdf).
- Neffke, F., Hartog, M., Boschma, R. (2018). Agents of Structural Change: The Role of Firms and Entrepreneurs in Regional Diversification // *Economic Geography*, 94(1), 23–48.
- Orekhova, S. V., Kislitsyn, E. V., Bausova, Y. S. (2018). Study of power asymmetry in industry markets: A Russian case // *Journal of Applied Economic Sciences*, 5(59), 1181–1190.
- Rodrik, D. (2004). *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. UNIDO.
- Rodrik, D. (2016). Premature deindustrialization // *Journal of Economic Growth*, 21(1), 1–33.
- Sotarauta, M., Beer, A. (2017). Governance, agency and place leadership: lessons from a cross-national analysis // *Regional Studies*, 51(2), 210–223.
- Wade, R. (2003). *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. N.Y.: Princeton University Press.
- Warwick, K. (2013). Industrial Policy – Emerging Issues and New Trends // *The Babbage Industrial Policy. Lecture Series*, 25 April (<http://www.ifm.eng.cam.ac.uk/uploads/Research/Babbage/Warwick.pdf> – Access Date: 13.06.2019).
- Yang, J. S. (2017). The governance environment and innovative SMEs // *Small Business Economics*, 48, 525–541.

REFERENCES

- Aganbegyan, A. (2018). On the way to a civilized market. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 1, 7–26. (In Russian.)
- Antonelli, C. (2014). *The Economics of Innovation, New Technologies and Structural Change*. Routledge, Abingdon, UK.
- Atalla, T. N., Hunt, L. C. (2016). Modelling residential electricity demand in the GCC countries. *Energy Economics*, 59, 149–158.
- Berezinskaya, O. B., Vedev, A. L. (2014). Investments in the Russian economy: their potential and activation directions. *Voprosy ekonomiki*, 4, 4–16. (In Russian.)
- Borovskaya, M. A., Shevchenko, I. K., Razvadovskaya, Yu. V. (2013). *Management of structural transformations in the economy of the industrial sector*. Moscow: KRASAND, 256 p. (In Russian.)
- Brodskiy, B. E. (2006). Retrospective analysis of structural breaks on the basis of econometric relationships. *Economics and Mathematical Methods*, 4, 96–119. (In Russian.)
- Chang, H.-J. (1994). *The Political Economy of Industrial Policy*. L.: Macmillan Press.
- Decramer, S., Vanormelinger, S. (2016). The effectiveness of investment subsidies: evidence from a regression discontinuity design. *Small Business Economics*, 4, 1007–1032.
- Dosi, G., Nelson, R. R. (2010). Technical change and industrial dynamics as evolutionary processes, pp. 51–127 / In: B. H. Hall and N. Rosenberg (eds.) *Handbook of the Economics of Innovation*, Vol. 1.
- Dosso, M., Martin, B. R., Moncada-Paternò-Castello, P. (2018). Towards evidence-based industrial research and innovation policy. *Sci. Public Policy*, 45 (2), 143–150.
- Fishman, A., Don-Yehiya, H., Schreiber, A. (2018). Too big to succeed or too big to fail? *Small Business Economics*, 51, 811.
- Frenkel, A. A., Tikhomirov, B. I., Sergienko, Ya. V., Surkov, A. A. (2018). The Russian economy in the years 2017–2019: preconditions for a breakthrough has not yet been established. *Economic Policy*, 5, 24–49. (In Russian.)
- Glazev, S. Yu. (1993). *Theory of long-term economic development*. Moscow: VlaDar Publ., 310 p. (In Russian.)
- Kang, W., Ratti, R. A., Yoon, K. H. (2015). Time-varying effect of oil market shocks on the stock market. *Journal of Banking & Finance*, 61(SI), S150–S163.
- Kazinets, L. S. (1969). *Measuring structural shifts in the economy*. Moscow: Ekonomika Publ., 167 p. (In Russian.)
- Kondratev, V. B. (2015). *Industries and sectors of the global economy: features and trends*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 448 p. (In Russian.)
- Krasil'nikov, O. Yu. (2005). Problems of structural transformations in the economy. *Ekonomist*, 8, 52–58. (In Russian.)
- Kudrin, A. L., Gurvich, E. T. (2014). A new growth model for the Russian economy. *Voprosy ekonomiki*, 12, 4–36. (In Russian.)
- Kuznetsov, B. V., Simachev, Yu. V. (2014). Evolution of the state industrial policy in Russia. *Journal of the New Economic Association*, 2(22), 152–178. (In Russian.)
- Landesmann, M., Snell, A. (1993). Structural shifts in the manufacturing export performance of OECD economies. *Journal of Applied Econometrics*, 8(2), 149–162.
- Lin, J. Y. (2012). *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy*. Washington: World Bank Publications.
- Lin, J. Y., Rosenblatt, D. (2013). Shifting Patterns of Economic Growth and Rethinking Development. *Journal of Economic Policy Reform*, 15(3), 171–194.

- Liu, X. (2008). SME Development in China: A Policy Perspective on SME Industrial Clustering, pp. 37–68 / In: Lim, H. (ed.) *SME in Asia and Globalization*, ERIA Research Project Report 2007-5 (http://www.eria.org/SME%20Development%20in%20China_A%20Policy%20Perspective%20on%20SME%20Industrial%20Clustering.pdf).
- Lyakin, A. N. (2013). Structural changes in the Russian economy and industrial policy. *St Petersburg University Journal of Economic Studies, SUJES*, 1, 39–52. (In Russian.)
- Lyubimov, I., Gvozdeva, M., Kazakova, M., Nesterova, K. (2017). The complexity of the economy and the possibility of export diversification in the Russian regions. *Journal of the New Economic Association*, 2(34), 94–122. (In Russian.)
- Medvedev, A. V. (2016). Socio-economic development of Russia: finding new dynamics. *Voprosy ekonomiki*, 10, 5–30. (In Russian.)
- Mikheeva, N. N. (2013). Structural factors of regional dynamics: measurement and assessment. *Spatial Economics*, 1, 11–32. (In Russian.)
- Neffke, F., Hartog, M., Boschma, R. (2018). Agents of Structural Change: The Role of Firms and Entrepreneurs in Regional Diversification. *Economic Geography*, 94(1), 23–48.
- Orekhova, S. V., Kislitsyn, E. V., Bausova, Y. S. (2018). Study of power asymmetry in industry markets: A Russian case. *Journal of Applied Economic Sciences*, 5(59), 1181–1190.
- Oreshkin, M. S. (2018) The prospects for economic policy. *Economic Policy*, 3, 8–27. (In Russian.)
- Pavlov, P. N., Kaukin, A. S. (2017). Import substitution of investment goods in Russia. *Voprosy ekonomiki*, 8, 92–103. (In Russian.)
- Petrov, A. N. (2012). The process of restructuring the regional economy: the dynamics of changes in the sectoral structure. *National Interests: Priorities and Security*, 8(6), 20–36. (In Russian.)
- Rodrik, D. (2004). *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. UNIDO.
- Rodrik, D. (2016). Premature deindustrialization. *Journal of Economic Growth*, 21(1), 1–33.
- Romanova, O. A., Akberdina, V. V. (2013). Methodology and practice of formation of high-tech sector of economy and creation of new jobs in the industrial region. *Economy of Region*, 3, 152–161. (In Russian.)
- Sotarauta, M., Beer, A. (2017). Governance, agency and place leadership: lessons from a cross-national analysis. *Regional Studies*, 51(2), 210–223.
- Sukharev, O. S. (2014). Structural policy in the Russian economy: conditions of formation. *National Interests: Priorities and Security*, 10(3), 2–8. (In Russian.)
- Sukharev, O. S., Strizhakova, E. N. (2014). Structural analysis of industrial system development. *National Interests: Priorities and Security*, 10(41), 26–40. (In Russian.)
- Wade, R. (2003). *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. N.Y.: Princeton University Press.
- Warwick, K. (2013). Industrial Policy – Emerging Issues and New Trends. *The Babbage Industrial Policy. Lecture Series*, 25 April (<http://www.ifm.eng.cam.ac.uk/uploads/Research/Babbage/Warwick.pdf> – Access Date: 13.06.2019).
- Yang, J. S. (2017). The governance environment and innovative SMEs. *Small Business Economics*, 48, 525–541.
- Yudin, N. S., Cherkasov, V. A. (2016). Analysis of the specifics of small business development in Russia in the development of methodology for assessing the socio-economic efficiency of small businesses. *Social and Economic Phenomena and Processes*, 3, 117–123. (In Russian.)

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИЛИ НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА: КАКОЙ ВЫБОР ДЕЛАЮТ АСПИРАНТЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ?¹

Елена Владимировна МИХАЛКИНА,
доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: mikhalkina_e@mail.ru;

Людмила Сергеевна СКАЧКОВА,
кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: lskachkova@gmail.com;

Ольга Ярославовна ГЕРАСИМОВА,
старший преподаватель,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: oygerasimova@list.ru

Цитирование: Михалкина, Е. В., Скачкова, Л. С., Герасимова, О. Я. (2019). Академическая или неакадемическая карьера: какой выбор делают аспиранты федеральных университетов? // *Terra Economicus*, 17(4), 148–173. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-148-173

Устойчиво низкие показатели защит аспирантами диссертаций в советах, снижение показателей результативности программ подготовки кадров высшей квалификации (рост числа отчислений), новый формат аспирантуры, предполагающий необязательность защиты диссертации, обусловили исследовательский интерес авторов к изучению выбора аспирантами карьерных стратегий, факторов, определивших и повлиявших на их формирование. Теоретической базой исследования выступают подходы российских и зарубежных ученых к проблеме воспроизводства человеческого капитала высшей школы. Эмпирическая база данного исследования основана на анализе мнений 1429 аспирантов из пяти федеральных университетов (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Южный федеральный университет). На основе социологического исследования был составлен портрет российского аспиранта, который включает ценностно-мотивационные основания карьерных траекторий, занятость, важность защиты диссертации, планы после окончания обучения, мотивы и стимулы, значимые в работе, перечень факторов удержания в сфере производства и передачи знаний. В данной статье с

¹ Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 18-010-00591 «Выбор карьерных стратегий аспирантами».

помощью кластерного анализа массива данных (мнений опрошенных аспирантов по признаку «мотивация при поступлении в аспирантуру») методом *k*-средних были получены и сравнены четыре кластера, в результате чего сформулированы следующие карьерные стратегии на академическом и неакадемическом рынке труда: стратегия «исследователя / исследователя-фрилансера», стратегия «преподавателя-инбрида», стратегия «неопределившихся», стратегия «карьериста-инбрида», каждая из которых имеет особенности. Однако существуют и общие черты, свойственные аспирантам, какой бы стратегии они ни придерживались: приоритетность мотива «первичной мотивации» – возможность проведения научных исследований, основные жизненные цели, мотивы в работе, а также важность финансовой составляющей.

Ключевые слова: воспроизводство человеческого капитала; академический рынок труда; высшее образование; экономика образования; экономика знаний; карьерные стратегии аспирантов; рынок труда выпускников вузов

ACADEMIC OR NON-ACADEMIC CAREER: WHAT CHOICE DO GRADUATES OF FEDERAL UNIVERSITIES MAKE?

Elena V. MIKHALKINA,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: mikhalkina_e@mail.ru;

Lyudmila S. SKACHKOVA,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: lskachkova@gmail.com;

Olga Y. GERASIMOVA,

Senior Lecturer,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: oygerasimova@list.ru

Citation: Mikhalkina, E. V., Skachkova, L. S., Gerasimova, O. Y. (2019). Academic or non-academic career: what choice do graduates of federal universities make? *Terra Economicus*, 17(4), 148–173. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-148-173

The paper deals with the choice of career strategies by recent graduates and the forces affecting it. Our research interests stem from the evidence showing a continuous decrease in the number of the postgraduate and doctoral thesis defences in Russia, a decline in the quality of training programs for highly qualified personnel, as well as the new standards for postgraduate and doctoral education which imply the optionality of the thesis defence. The theoretical and conceptual framework of the study relies upon the approaches of Russian and foreign researchers to the problem of human capital reproduction in higher education. Sample survey data were collected through questionnaires to gather information from the respondents – 1429 graduate students from 5 federal universities: Kazan (Volga region) Federal University, Northern (Arctic)

Federal University named after M. V. Lomonosov, North-Caucasus Federal University, Siberian Federal University, Southern Federal University. Data analysis helped to identify the portrait of the Russian graduate student characterized by traits such as the motivational value of the career path, employment, importance of defending the thesis, plans after graduation, motives and incentives that are important in the workplace, factors that affect student retention in higher education. Four clusters were identified and compared with each other through the k-means clustering (relying on the respondents' opinions on the «motivation for entering postgraduate programs»). Overall, our findings suggest four career strategies in the academic and non-academic labor markets as follows: researcher/freelance researcher; a strategy of academic inbreeding; a strategy of «undecided»; and that of the inbreeding careerist. Meanwhile, several features exist, which are common for all postgraduates, including the research activity as one of the highest priorities, the most important life goals, work motivation, and importance of the financial component.

Keywords: *reproduction of the human capital; academic labor market; the higher education; education economy; economy of knowledge; postgraduate career strategies; labor market for graduates*

JEL classifications: *I23, J24*

Acknowledgements: *The research has been conducted in the framework of the project funded by the Russian Foundation for Basic Research (project 18-010-00591 «The choice of career strategies by post-graduate students»).*

Постановка проблемы

Вопросы профессиональной ориентации и карьерных ожиданий аспирантов представляются весьма важными в связи с актуальностью задач воспроизводства человеческого капитала в высшей школе. Кроме того, амбициозные целевые показатели, связанные с присутствием России к 2024 г. в числе пяти лидирующих научных держав, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, сформулированными в Национальном проекте «Наука»², определяют общий курс на изменение подхода к оценке продуктивности исследовательской деятельности и вовлеченности молодых ученых в академическую карьеру.

Ориентация выпускников аспирантуры на академическую карьеру означает их нацеленность на профессиональное развитие в системе высшего образования. Кроме того, выбор академической карьеры является критерием привлекательности академического рынка труда. Академические институты участвуют в генерации новых знаний, развитии фундаментальной науки, развитии и привлечении новых образовательных технологий и методик. Но актуальным остается вопрос востребованности академических карьерных стратегий аспирантами. По данным Федеральной службы государственной статистики, прием в аспирантуру, начиная с 2010 г. превышает выпуск из нее, а доля окончивших программы подготовки кадров высшей квалификации с защитой диссертации в 2018 г. составила 12,4%³. Ключевые показатели, характеризующие деятельность аспирантуры как направления подготовки кадров высшей

² Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>; <http://government.ru/projects/selection/740/35565/>).

³ Данные Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Наука и инновации» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/).

квалификации, представлены на рис. 1. Это означает, что инвестиции в человеческий капитал высшей школы являются неэффективными. Качество сформированного человеческого капитала в высшей школе зависит от множества факторов, среди которых и личная вовлеченность обучающихся, и профессионализм профессуры, и исследовательская продуктивность научного руководителя, и уровень академической и научной инфраструктуры, и доступность программ внутренней и внешней мобильности (Athey et al., 2007; Grove, Wu, 2007; Hilmer, Hilmer, 2007, Krueger, Wu, 2000). Также было установлено, что вероятность успешного завершения обучения выше у тех аспирантов, которые начинают свои кандидатские диссертации раньше, например, в возрасте 20 лет, чем для тех, кто поступает в аспирантуру в более позднем возрасте. А показатели успешного завершения диссертации снижаются по мере увеличения возраста (Martin, Maclachlan, Karmel, 2001; Wamala, Oonyu, Osaaya, 2011). Это может быть связано с возросшими финансовыми и личными обязанностями: когда молодые ученые становятся старше, труднее установить баланс между работой и личной жизнью (Martin, Maclachlan, Karmel, 2001). Аспиранты, как правило, сообщают, что они при подготовке к защите диссертации положительно относятся к поддержке, которую они получают от своих руководителей, своих сверстников и своих образовательных учреждений (Edwards et al., 2011; McAlpine, Norton, 2006).

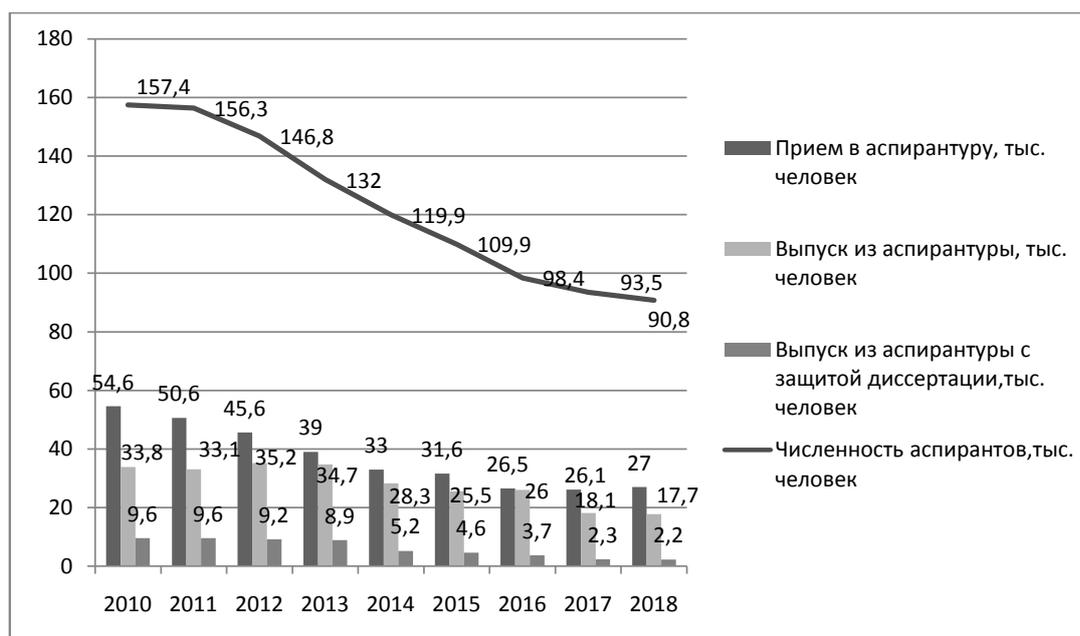

Рис. 1. Основные показатели деятельности аспирантуры⁴

Отметим, что формирование стратегии профессионального развития в академической и неакадемической сферах осуществляется уже в процессе обучения на программах подготовки кадров высшей квалификации, и, как результат, непосредственный выбор совершается уже после завершения обучения. В этой связи авторам представляется более актуальным изучать не фактические цифры трудоустройства аспирантов (сферы, организации, должности и др.), а параметры и факторы, определившие и повлиявшие на формирование карьерных стратегий, так как именно на последние возможно осуществлять воздействие в сторону увеличения количества аспирантов, выбирающих профессиональное развитие в университетах, научно-исследовательских организациях, академиях.

⁴ Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Наука и инновации» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/).

Теоретико-методологическая мотивация исследования

Выбор научно-исследовательской или педагогической карьеры обуславливает вклад академических институтов (академическая идентичность, культура и традиции университетского корпоративизма, нормы и вовлеченность в научные проекты, традиционность и устойчивость научных школ) в формирование новых источников производительности труда и экономического роста. И, безусловно, сформировавшаяся в 1960-х гг. *концепция человеческого капитала* объясняет эту зависимость. В частности, Т. Шульц подробно рассматривал инвестиции в образование, которое и делает людей более производительными (Schultz, 1961). Г. Беккер доказал, что человеческий капитал, представляющий собой совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, при целесообразном его использовании способствует увеличению дохода (Becker, 1964). Г. Беккер и Т. Шульц уделяли большое внимание образованию в качестве инвестиционной составляющей, которая должна принести более высокую прибыль физическому лицу (высокую зарплату), компании (повышение производительности) и обществу (технический прогресс, рост потребления) в будущем. Отдача от инвестиций в образование первоначально изучалась с точки зрения его влияния на повышение доходов, тогда как современные исследования позволяют оценивать влияние образования на производительность работников – их социальную отдачу (Lange, Topel, 2006). Учет факторов идентичности объясняет то, что люди сами делают выбор относительно того, кем им быть, а социальные категории, раскрывающие нормы поведения, носят аскриптивный (приписывающий) характер (Akerlof, Kranton, 2010).

Отметим, что, изучая человеческий капитал в высшей школе, авторы обнаруживают его двойственную природу. С одной стороны, он реализует функцию воспроизводства нового человеческого капитала (национального и индивидуального), а с другой стороны, он должен реализовать функцию «самовоспроизводства», так как нужны те, кто будет эти знания формировать и передавать (профессура и исследователи). Таким образом, теория человеческого капитала дополняется исследованием особенностей его формирования в различных сферах и отраслях. В этой связи авторы в целом обращают внимание на специфичность воспроизводства человеческого капитала в высшей школе через изучение внутренних и внешних факторов, влияющих на принятие решений в области профессионального развития в академической и неакадемической сферах.

Проблема мотивации и ценностей, которые существенно влияют на решения аспирантов относительно своего профессионального развития в академической или неакадемической сфере, актуализируется в ряде исследований. В работах зарубежных исследователей часто выделяют пять основных мотивов для получения ученой степени: развитие карьеры, интерес к теме исследования, личные мотивы, предшествующий опыт и влияние других людей. Мотивация, связанная с развитием карьеры, является одним из основных факторов для получения ученой степени (Churchill, Sanders, 2007; Gill, Норре, 2009; Brailsford, 2010; Leonard et al., 2005; Peters, Daly, 2013). Интерес к теме или исследованию – еще один важный фактор, побуждающий людей получить ученую степень в различных дисциплинах (Salmon, 1992; Brailsford, 2010; Leonard et al., 2005; Baytiyeh, Naja, 2011a; 2011b). Этот мотивационный фактор включает в себя желание приобрести исследовательские навыки и повлиять на решение конкретной проблемы или какой-то аспект повседневной жизни. Х. Черчилль и Т. Сандерс классифицировали последнее из этих двух желаний как «личную повестку дня» и рассмотрение исследования как политику (Churchill, Sanders, 2007: 15). Третья из основных мотиваций для получения ученой степени связана с личностными мотивационными факторами. Социологи отмечают мотивацию к исследованиям, получению ученой степени, с одной стороны, через формирование чувства профессиональной идентичности (Salmon, 1992; Akerlof, Kranton, 2010), а с другой – через стремление к самообогащению (прак-

тически без внешних побудительных факторов) (Gill, Норре, 2009). Для некоторых аспирантов личностное развитие и общий интеллектуальный интерес преобладают над их профессиональными интересами (Leonard et al., 2005). В научной литературе также встречаются факторы, связанные с получением предыдущего опыта и влиянием других индивидов на решения аспирантов относительно поступления в аспирантуру. Х. Черчилль и Т. Сандерс формулируют идею влияния предыдущего опыта на формирование мотивации поступления в аспирантуру через категорию «дрейф» (Churchill, Sanders, 2007). Этот ярлык предназначен для описания случаев, когда стремление к ученой степени является менее осознанным выбором; это просто естественное развитие событий после окончания предыдущих ступеней обучения, избегание более сложной альтернативы. В работах других исследователей предыдущий опыт включает в себя участие в исследованиях (Donnelly, 2011; Simon, 2010) или в стажировках (Simon, 2010). Что касается мотивации, вызванной воздействием кого-либо, то к ним относятся влияние семьи, друзей, коллег и ученых, общества в целом. Было обнаружено, что на мотивацию будущего аспиранта влияют такие внешние факторы, как поддержка семьи (Onwuegbuzie et al., 2014; Tanaka, Watanabe, 2012), социализация (Gardner, 2010; Lovitts, 2001), совместное обучение (Ferguson, 2009; Hancock, 2007). Кроме того, в ряде исследований были выделены и другие причины мотивации, среди них: необходимость изменить жизнь (Dust, 2006; Wellington, Sikes, 2007), желание получить ученую степень, поскольку это престижно (Dust, 2006; Leonard et al., 2005; Stubb et al., 2012; Белокрылова et al., 2004: 67), лучшие перспективы трудоустройства (Brailsford, 2010; Fish, Fish, 2010; Leonard et al., 2005; Stubb et al., 2012; Wellington, Sikes, 2007). По мнению Н.А. Лызь, И.С. Лабынцевой, мотив «повышение собственной конкурентоспособности» является центральным для российской модели аспирантуры (Лызь, Лабынцева, 2019). Таким образом, анализ вышеуказанных концепций и подходов указывает на необходимость тщательного изучения ценностно-мотивационных установок аспирантов для формирования их карьерных стратегий.

При поступлении в аспирантуру и в процессе обучения молодые люди наряду с академическими карьерами реализуют и иные востребованные рынком профессиональные траектории в наукоемком бизнесе, государственном и муниципальном управлении, в сфере услуг (Бедный et al., 2018; Бекова et al., 2017). В этой связи методология исследования карьерных стратегий аспирантов, по мнению авторов, должна включать тщательное изучение *направленности профессионального развития*: исследование поведения индивидов и выявление факторов, влияющие на него на рынке труда (Михалкина, Скачкова, 2014), определение сферы, роли, предпочтения относительно развития в своем собственном университете либо предпочтение мобильности и др. Анализ трендов инбридинга (предпочтение профессионального и карьерного развития в собственном университете) диагностирует формирование барьеров для привлечения лучших кандидатов, препятствует личностному развитию, формированию новых идей, снижает производительность труда (Юдкевич et al., 2016) и продолжает, в свою очередь, изучаться в рамках данного исследования.

Методология исследования

Опираясь на существующие теоретические подходы и концепции воспроизводства человеческого капитала в высшей школе, а также руководствуясь сложившейся проблематикой управления и воздействия на эффективность подготовки кадров высшей квалификации, авторы сформулировали цель следующим образом: выявление типичных карьерных стратегий аспирантов, формирующихся в процессе обучения на программах подготовки кадров высшей квалификации, через анализ паттернов поведения и факторов, воздействующих на принятие решений относительно своего будущего профессионального развития. В процессе исследования не изучаются фактические характеристики трудоустройства после завершения обучения, а анализируется про-

цесс формирования карьерных стратегий аспирантами во время обучения. Достижение цели исследования авторы планировали через реализацию следующих задач: во-первых, диагностику внутренних характеристик (мотивов, ценностей, установок и др.) аспирантов, определяющих стратегии трудоустройства; во-вторых, детерминацию направленности выбора карьерных стратегий; в-третьих, диагностику поведенческих паттернов потенциально неэффективных групп аспирантов (мотивация, ценности, направленность стратегии); в-четвертых, анализ факторов, влияющих на выбор карьерных стратегий выпускников аспирантуры, в том числе факторов, влияющих на их удержание в сфере производства и передачи знаний.

В качестве основного метода исследования использовался социологический метод – электронный опрос. Авторами была разработана анкета, включающая 38 вопросов, 142 переменных. Обратим внимание, что анкета не являлась продуктом субъективного мнения исследователей, а являлась, с одной стороны, результатом синтеза уже существующих и апробированных методик, например, методики генерации портрета современного российского аспиранта (Бекова et al., 2017), а с другой – результатом анализа мнений экспертов относительно формирования карьерных стратегий аспирантов во время обучения. Сбор мнений экспертов (руководителей программ аспирантуры, научных руководителей, членов диссертационных советов; аспирантов и молодых преподавателей) осуществлялся в процессе проведения *фокус-групп и экспертного опроса (176 экспертов из 20 ведущих университетов Юга России)*. В рамках фокус-групп экспертам было предложено обсудить современные проблемы развития российской аспирантуры, перспективы академической карьеры выпускников аспирантуры, их профессионального развития, тенденции формирования карьерных предпочтений и факторов, влияющие на выбор стратегий их поведения, в том числе факторов, способствующих и препятствующих развитию карьеры в академической сфере, роль образовательных организаций в нивелировании этих факторов (Михалкина, Скачкова, 2018).

Опираясь на анализ мнений экспертов, был сформирован конструкт *социологического опроса*, включающий три ключевых диагностических блока: 1) ценностно-мотивационные основания карьерных траекторий, 2) направленность выбора карьерных стратегий (сфера, роль, индикация инбридинга и др.), 3) факторы удержания в сфере производства и передачи знаний. Эти блоки определили структуру анкеты для исследования стратегий поведения аспирантов 1, 2, 3, 4-го годов обучения 10 федеральных университетов. По мнению авторов исследования, именно эти акторы являются типичными субъектами предложения академического рынка труда, представляя собой молодых исследователей, преподавателей высшей школы. Фактически в опросе приняли участие пять федеральных университетов (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Южный федеральный университет). При анализе данных использовались методы частотного анализа. Результаты описательной статистики позволили авторам выделить основные предикторы и факторы принятия стратегических решений относительно своего будущего профессионального развития. Следуя идее *поиска типичных стратегий поведения аспирантов*, авторы исследования провели кластеризацию полученного массива данных методом *k-means* (*k*-средних) на четыре класса и провели сравнительный анализ полученных групп, представленный ниже.

Портрет типичного аспиранта федерального университета

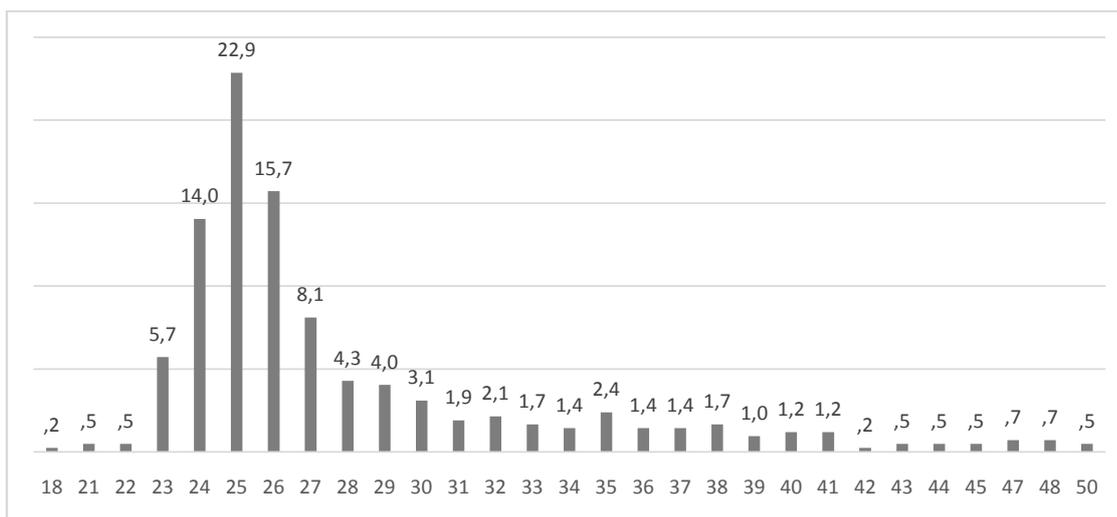
В рамках электронного опроса было опрошено 1429 аспирантов федеральных университетов, 94% из которых обучаются на бюджетной основе, 6% – на условиях полного возмещения затрат; 46% – женского пола и 54% – мужского, соответственно. Распределение аспирантов по годам обучения и направлениям подготовки представлено в табл. 1.

Таблица 1

Основные характеристики выборки⁵

Характеристики	%	Характеристики	%
Условия обучения в аспирантуре		Направление подготовки	
Бюджетная основа	94	Математические и естественные науки	24
Полное возмещение затрат	6	Инженерное дело, технологии и технические науки	32,4
Год обучения		Науки об обществе	21,9
Первый	33,8	Гуманитарные науки	11,4
Второй	29,6	Образование и педагогические науки	10,3
Третий	27,7	Пол	
Четвертый	8,9	Женский	46
		Мужской	54

В опросе участвовали респонденты различных возрастов, но наибольшая представленность была в диапазоне от 23 до 27 лет (рис. 2).

Рис. 2. Распределение опрошенных аспирантов по возрасту⁶

Ценностные основания аспирантов при поступлении в аспирантуру. Среди жизненных ценностей чаще аспиранты указывали на возможность интеллектуальной и творческой самореализации – 66,2%, материальный достаток – 56,4%, создание собственной семьи и воспитание детей – 44,1%, реже – возможность приносить пользу окружающим, обществу – 22,8%, преимущественно спокойная жизнь без перегрузок и стрессов – 11,9%, уважение окружающих, общественное признание – 8,4%. Опираясь на один из результатов экспертного анализа, отметим, что аспиранты были признаны наиболее уязвимой категорией относительно критерия материального достатка. Это обуславливает наиболее вероятный «отсев» до защиты диссертации тех аспирантов, у которых материальный достаток стоит на первом месте. Низкое материальное обеспечение и необходимость искать дополнительные источники дохода были названы главными препятствующими факторами развития академической карьеры среди аспирантов и молодых ученых. Этот факт подтвержден и другими исследованиями (Терентьев et al., 2018).

⁵ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

⁶ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

Причины поступления в аспирантуру. Первичная мотивация аспирантов является существенным фактором формулирования карьерных стратегий. В ходе исследования установлено, что главными мотивами являются следующие: желание заниматься научными исследованиями, желание заниматься преподавательской деятельностью, возможность самореализации и саморазвития в интересной сфере, обучение в аспирантуре и престижность получения ученой степени. Первые два мотива, бесспорно, являются одними из ключевых при поступлении и выборе академической карьеры, мотив «возможность самореализации и саморазвития в интересной сфере» не раскрывает содержания данной сферы и может быть реализован как в академической, так и в неакадемической среде, если же говорить о престижности получения ученой степени, то можно отметить, что данный мотив противоречит ключевым жизненным ценностям опрашиваемых (престижность выделяли лишь 8,4% опрошенных). В меньшей степени, но присутствует мотивация обучения в аспирантуре ради получения конкурентных преимуществ на неакадемическом рынке труда (государственная служба, коммерческий сектор). Интересно, что, если сравнивать с теоретическими подходами и исследованиями других ученых, в данном исследовании нельзя выделить в качестве основных личные мотивы, предшествующий опыт и влияние других людей (семьи, друзей, коллег и ученых), необходимость изменить жизнь, а также «дрейфа», т.е. поступления по инерции (рис. 3). В целом большинство респондентов выбрали академические причины поступления, однако наличие неакадемических причин свидетельствует о несовершенном процессе отбора при поступлении в аспирантуру (не отбор лучших, а фактически прием в аспирантуру), что может влиять на показатели деятельности аспирантуры, в том числе защиты диссертации. Исследователи высшего образования из НИУ «ВШЭ» обнаружили такую же тенденцию: первичная мотивация аспирантов состоит из академических и неакадемических мотивов (Бекова et al., 2017).

Занятость аспирантов. Что касается трудоустройства, то совмещают работу и учебу в аспирантуре 89,3% респондентов, что говорит не в пользу конечных результатов обучения по программам подготовки кадров высшей квалификации. Аспиранты не могут полностью посвятить себя написанию диссертации, исследованиям, поскольку они испытывают материальную неудовлетворенность. У 65,3% респондентов работа связана со специальностью (направлением исследований) в аспирантуре. Стоит отметить, что 55,3% работают в сфере науки и образования, 27% в сфере бизнеса (в коммерческой организации), 10,2% в государственном секторе, 7,5% имеют другое место работы. Также респондентов попросили оценить возможности трудоустройства по своей специальности: 71,8% опрошенных оценивают возможность трудоустройства по специальности достаточно оптимистично (рис. 4).

Но что побуждает аспирантов совмещать учебу и работу, отвлекаясь от их главной цели – подготовки и защиты диссертации? Причину «финансовая необходимость» назвали 75,3% опрашиваемых аспирантов, «получение дополнительных профессиональных компетенций (опыта работы)» – 63,6%, «интересная работа» – 41,5%, «получение данных для диссертационного исследования» в процессе работы важно лишь для 30,8% аспирантов, «возможность общения, получение нужных знакомств» – 12,4%, «наличие свободного времени» – 4,4%. Несмотря на то что главным мотивом при поступлении в аспирантуру у большинства респондентов является «желание заниматься научными исследованиями», респонденты работают во время обучения из-за финансовых причин, получения опыта работы, а не для получения данных для диссертационного исследования. В исследованиях С. Бековой и других ученых получены аналогичные данные: главные трудности в аспирантуре – необходимость совмещать работу и учебу и недостаточная финан-

совая поддержка (Бекова et al., 2017). Если же говорить о материальном достатке респондентов, то 36,6% ответили, что «денег хватает на продукты и на одежду, но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является проблемой», 31,2% – «мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи, например, автомобиль», 16,6% – «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения». Данное распределение, по мнению авторов, может говорить о том, что опрошенные принадлежат преимущественно к среднему классу.

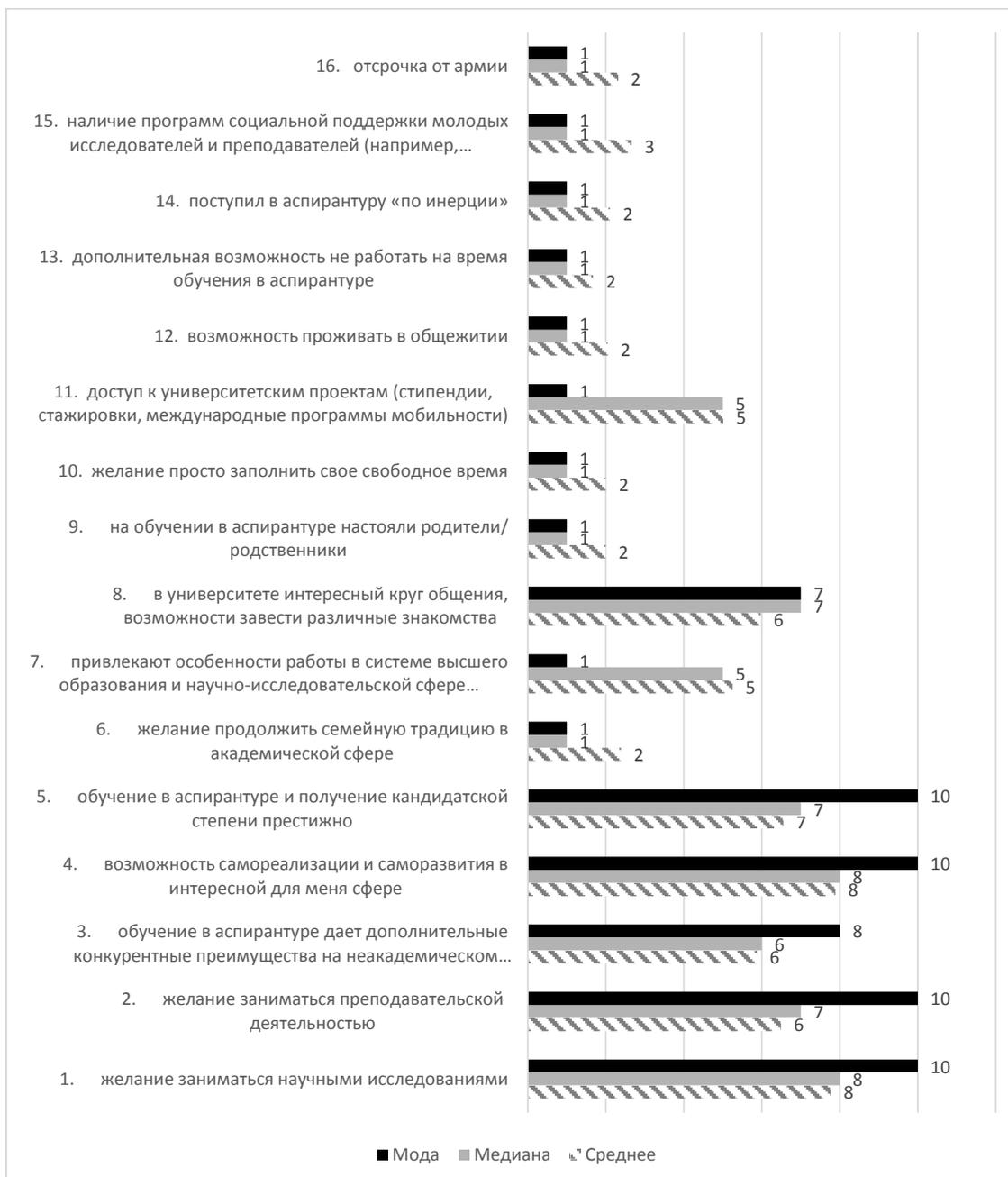
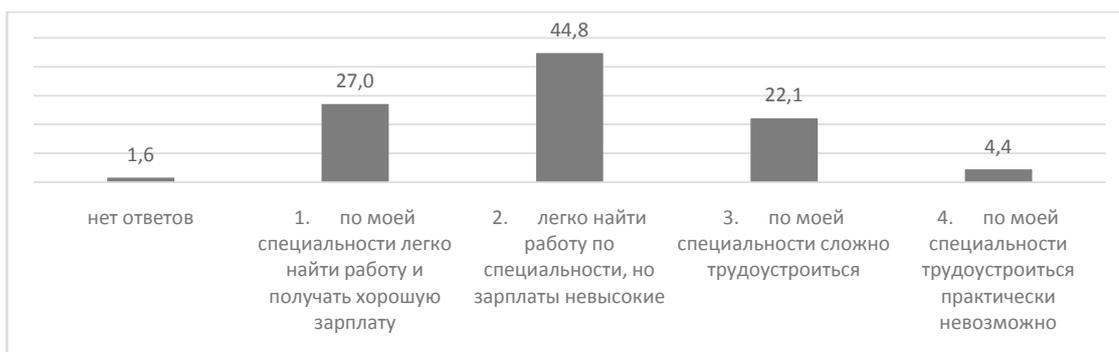

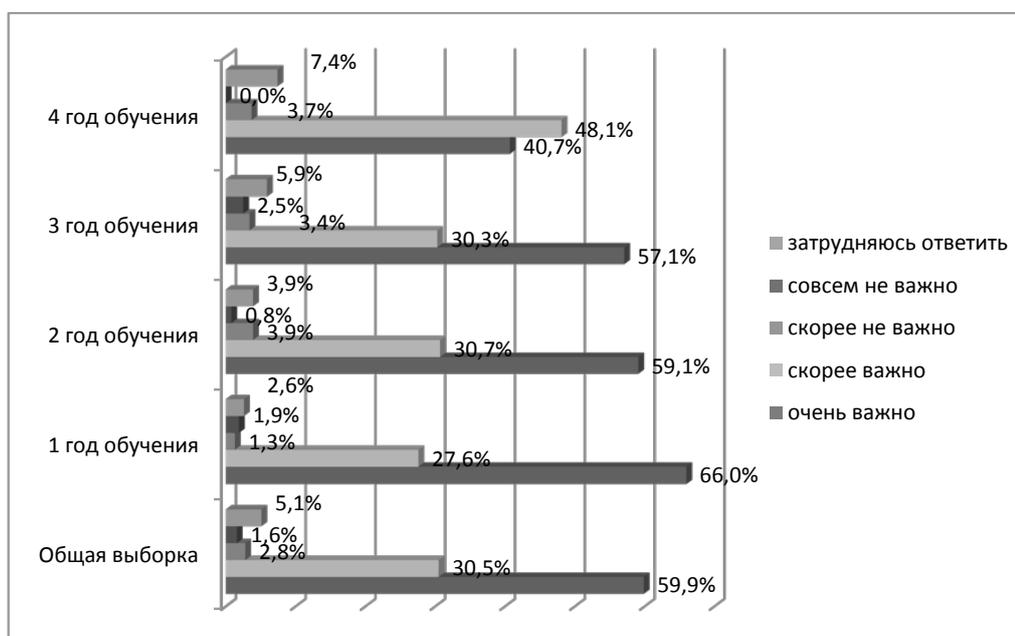
Рис. 3. Причины поступления в аспирантуру⁷

⁷ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете возможности трудоустройства по своей специальности?»⁸

Защита диссертации. Несмотря на то что большинство респондентов работают, для 90,4% по окончании аспирантуры защитить диссертацию и получить ученую степень является важным мотивирующим фактором. И данное желание практически неизменно, независимо от года обучения аспиранта: с каждым годом и к окончанию аспирантуры наблюдается практически незначительное падение ответов «очень важно» и «важно» и незначительное увеличение «совсем не важно» и «скорее не важно», а также уже большее количество респондентов затрудняются ответить на данный вопрос (рис. 5).

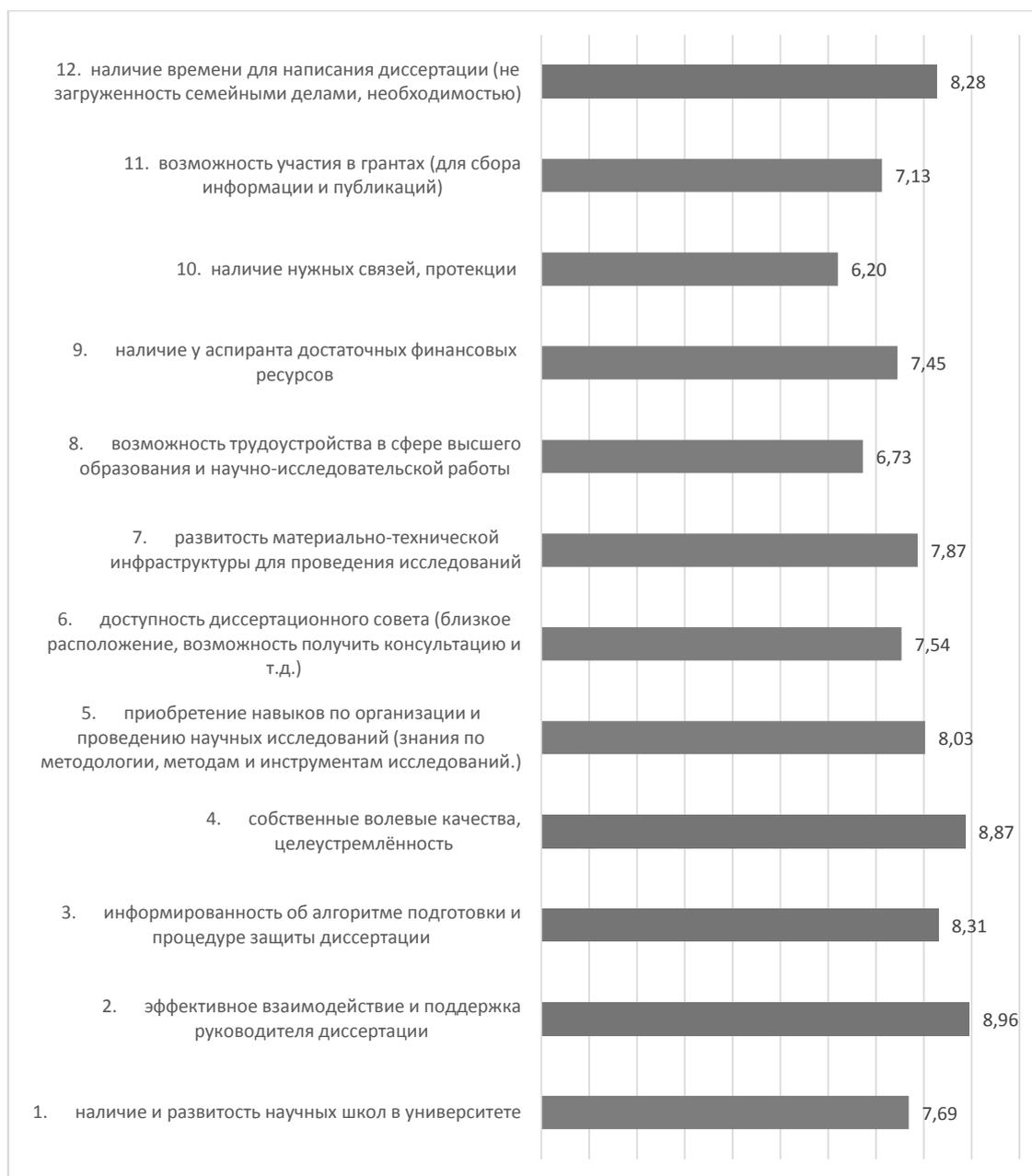
Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько для Вас важно по окончании аспирантуры защитить диссертацию и получить ученую степень?»⁹

Далее аспиранты по 10-балльной шкале оценили, какие факторы важны для своевременной и успешной защиты кандидатской диссертации. Наиболее важными факторами респонденты считают: «эффективное взаимодействие и поддержка руководителя диссертации», «информированность об алгоритме подготовки и процедуре защиты диссертации», «собственные волевые качества, целеустремленность», «наличие

⁸ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

⁹ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

времени для написания диссертации (незагруженность семейными делами, необходимостью)» (рис. 6). Причем последний фактор, по мнению авторов, является одним из ключевых. Однако, исходя из анализа занятости во время обучения, большинство опрошиваемых работают и вряд ли располагают достаточным количеством времени для написания диссертации.

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько важны следующие факторы для своевременной и успешной защиты кандидатской диссертации? (оцените по 10-балльной шкале, где 1 – совсем не важно, а 10 – максимально важно)»¹⁰

При ответе на вопрос об удовлетворенности качеством обучения респонденты высоко оценили «уровень профессионализма научно-педагогических работников» и «эффективность взаимодействия с научным руководителем» (рис. 7).

¹⁰ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Дайте оценку следующим характеристикам обучения в аспирантуре (по 10-балльной шкале, где 1 – минимальный балл, а 10 – максимальный балл)»¹¹

Планы после окончания аспирантуры. Для выявления приверженности аспирантов своему университету респондентам был задан вопрос, насколько им важно продолжить профессиональную деятельность в своем университете. Мнения разделились: 61,7% – это «скорее важно» и «очень важно», 28% – «скорее не важно» и «не важно», 10,7% затрудняются ответить. Вероятность дальнейшей профессиональной деятельности в своем университете высоко оценивают 56%, низко – 34%, затрудняются ответить 10%, что говорит о неуверенности аспирантов в трудоустройстве в своем университете после окончания обучения. Таким образом, у аспирантов в процессе обучения формируются достаточно устойчивые инбридинговые намерения, что, безусловно, может стать существенной причиной отказа от академической карьеры в случае отсутствия вакансий в университете – *alma mater*. Осведомленность о других возможностях развития в академической сфере находится на достаточно низком уровне. Речь идет об институте постдоков – временной ставки в вузах и научно-исследовательских учреждениях, которую занимают молодые ученые. Большинство опрошенных аспирантов не осведомлены о наличии такой возможности как в мире, так и в собственной стране (рис. 8).

Для диагностики карьерных стратегий необходимо знать, *какие мотивы и стимулы значимы в работе для аспирантов* (рис. 9). Наиболее значимыми являются следующие мотивы: «возможность реализовать свои способности и интересы», «постоянное профессиональное развитие, совершенствование», «высокий уровень заработной платы». Однако все это может быть реализовано как в академической, так и в неакадемической среде. Наименее значимыми для аспирантов являются такие мотивы, как «социальные программы поддержки (например, жилищные программы)», «возможность работать в известной, престижной организации».

¹¹ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

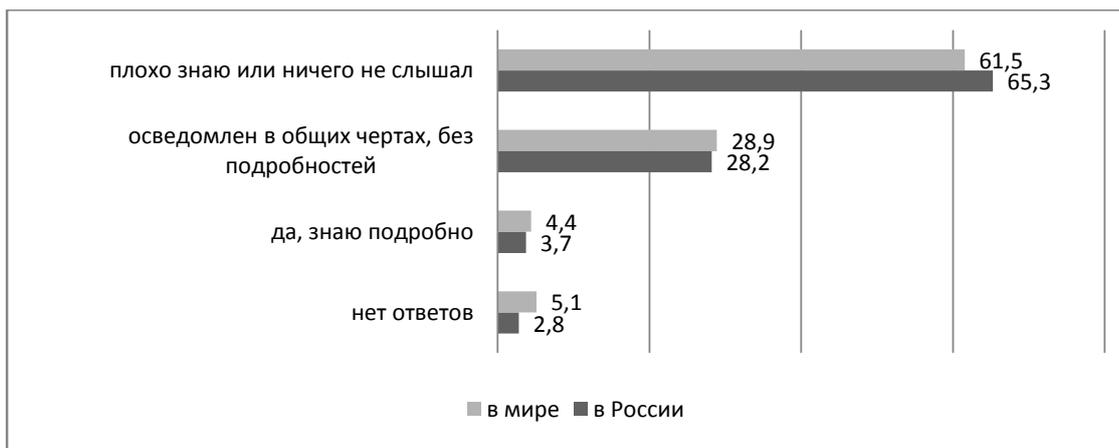

Рис. 8. Осведомленность аспирантов об институте постдоков¹²

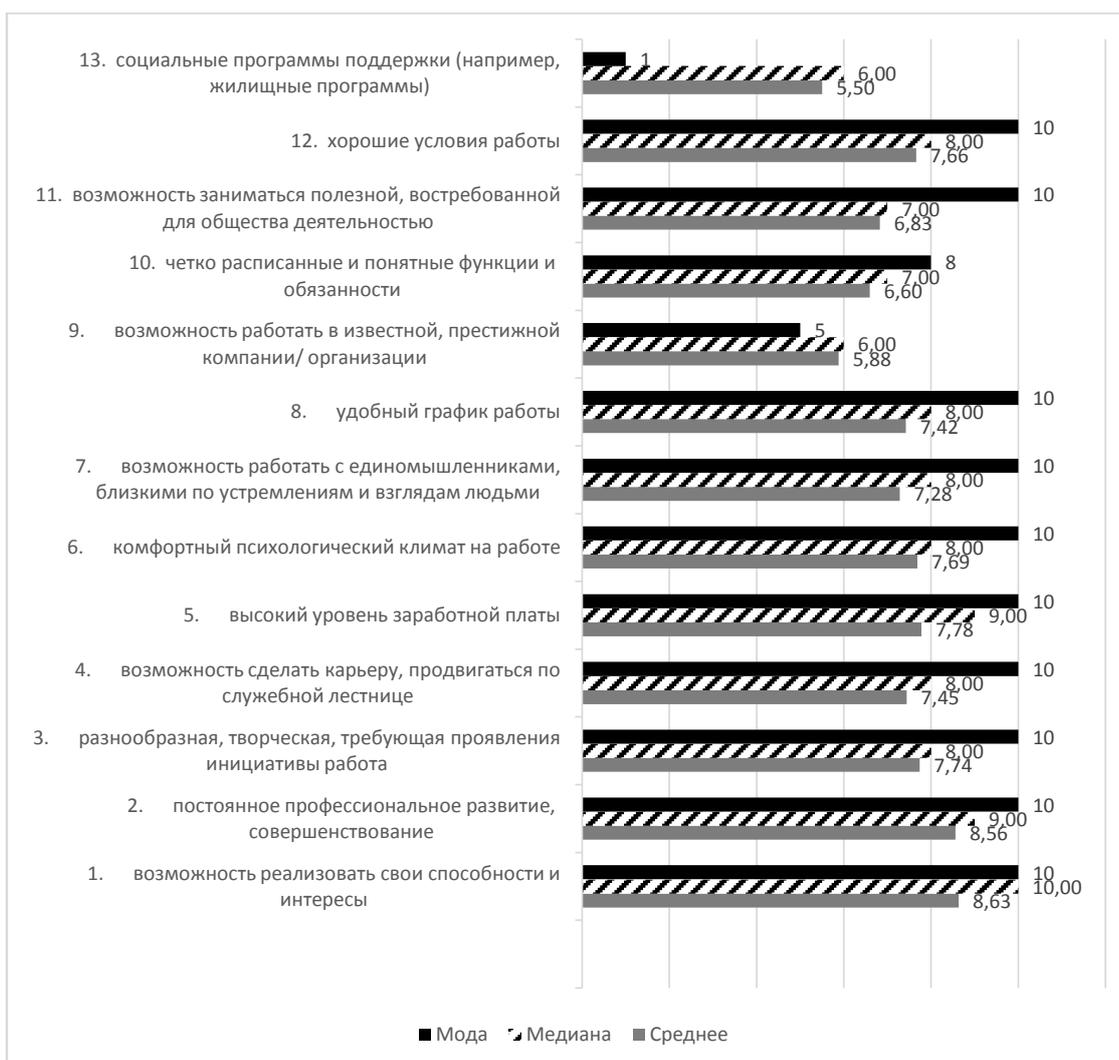

Рис. 9. Мотивы и стимулы, значимые для аспирантов в работе¹³

¹² Составлено авторами по результатам социологического исследования.

¹³ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

Рассмотрим *карьерные планы аспирантов* после окончания аспирантуры: в сфере науки и образования собираются работать 57,8%, в наукоемком бизнесе – 11,2%, в коммерческой сфере – 10,7%, в сфере государственного управления – 5,6%. Из рис. 10 видно, что связать свою жизнь с дальнейшими исследованиями намереваются только 34% (в сфере науки и образовании – научно-исследовательская работа и наукоемкий бизнес).

Рис. 10. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Где Вы планируете работать после окончания аспирантуры?»¹⁴

Академическая сфера является специфичной: существует свобода выбора рода занятий. Преподаватель может выполнять три роли: тьютор, исследователь и администратор (Герасимова, 2017: 232). Тьютор (преподаватель-консультант) создает образовательную среду, позволяющую студенту реализовать свою индивидуальную траекторию обучения. Преподаватель-исследователь должен владеть теоретическими основами педагогического процесса, методикой проведения научно-исследовательской работы с обучающимися, быть способным ориентироваться в потоке научной информации. Преподаватель-администратор выполняет административную, организационную работу, исполняет распоряжения заведующего кафедрой, декана. Карьерное продвижение преподавателя часто приводит его к вхождению в аппарат управления вузом. Для аспирантов наиболее предпочтительной является роль исследователя (40,3%) или тьютора (31,2%) (рис. 11).

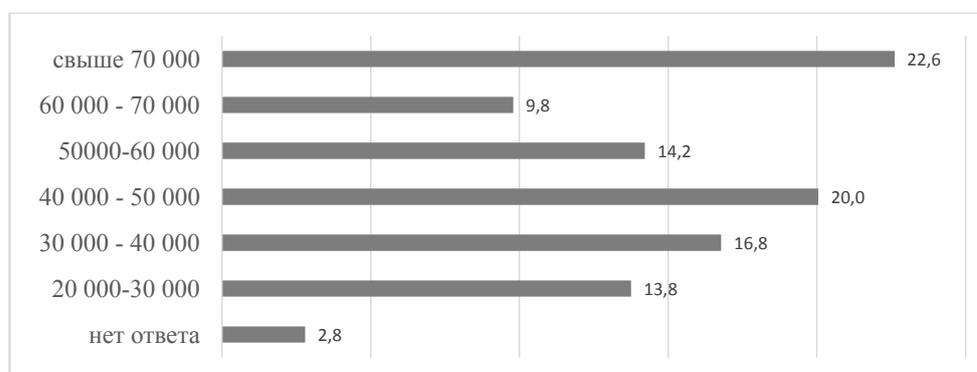
По специальности обучения в аспирантуре планируют работать 88,5% респондентов. Интересно, что опрошенные аспиранты достаточно амбициозны относительно ожидаемой заработной платы после окончания обучения (рис. 12).

Как показали результаты опроса, наибольшее влияние на принятие аспирантами решения остаться работать в научно-образовательной сфере оказывают наличие сильного интереса и желания продолжать заниматься исследованиями, начатыми в аспирантуре, творческая атмосфера работы в академической среде, возможность постоянного развития, конкурентоспособный уровень заработной платы, возможность реализации своих собственных проектов (исследований, учебных курсов, консалтинговых проектов). В ряде зарубежных исследований отмечается, что примерно 60% аспирантов намерены продолжить исследовательскую карьеру после окончания аспирантуры (Edwards et al., 2011; Harman, 2002).

¹⁴ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

Рис. 11. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая роль в профессиональной сфере для Вас предпочтительна?»¹⁵

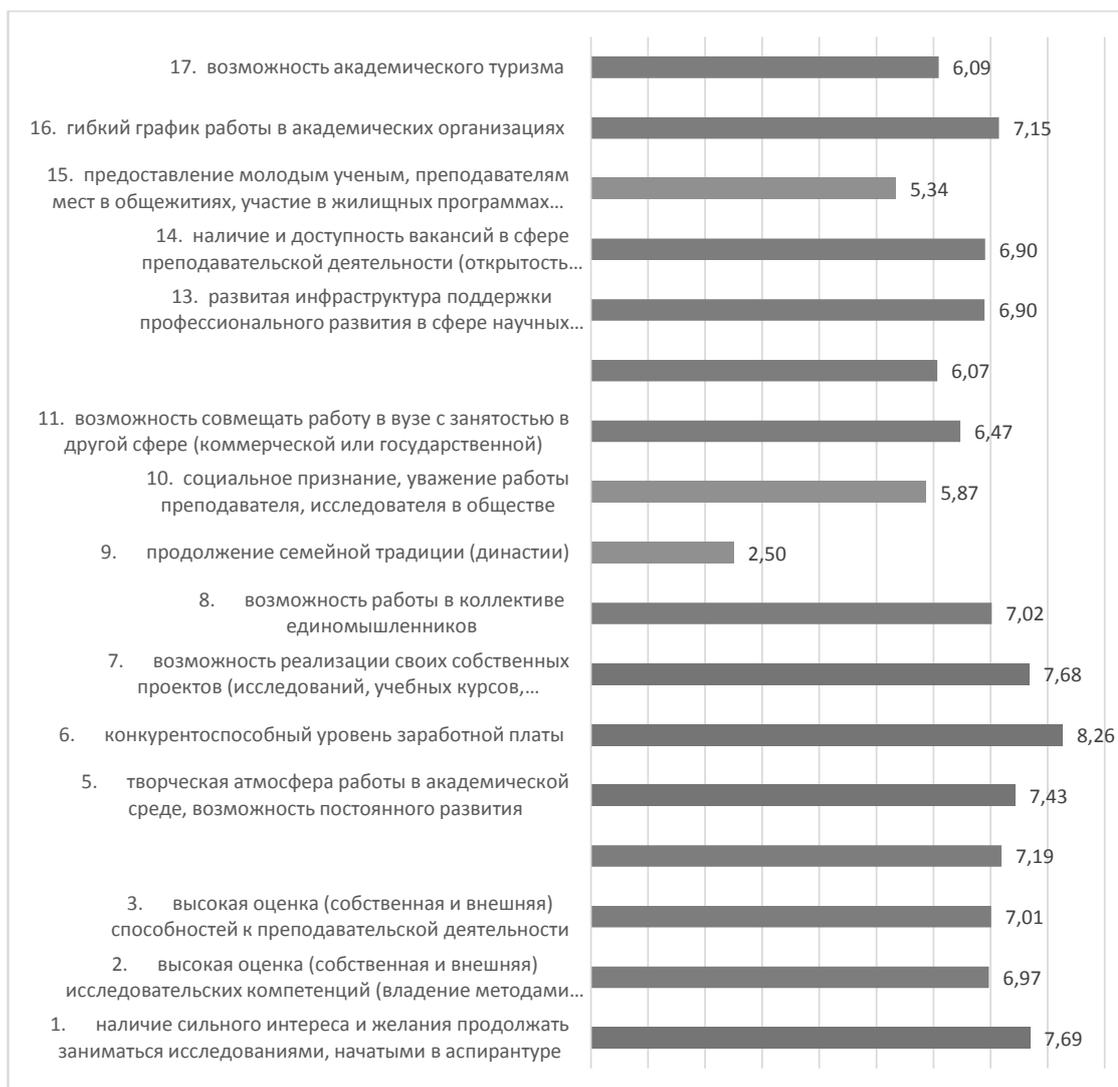
Рис. 12. Ожидания относительно заработной платы после окончания аспирантуры¹⁶

Стоит отметить, что наименьшее значение респонденты придают таким факторам, как «продолжение семейной традиции (династии)», «социальное признание, уважение работы преподавателя, исследователя в обществе», «предоставление молодым ученым, преподавателям мест в общежитиях, участие в жилищных программах для молодых ученых, преподавателей» (рис. 13). Исходя из этого, можно сделать вывод об отсутствии профессиональной идентичности, о которой в своих работах пишут некоторые ученые (Salmon, 1992; Акерлоф, Крэнтон, 2010). Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон обращают внимание на высокую самоидентификацию работников и, самое главное, на высокую зависимость самоидентификации (гордости за принадлежность к профессии) и вовлеченности в трудовой процесс (Акерлоф, Крэнтон, 2010).

По мнению опрашиваемых аспирантов, чтобы сделать карьеру в научно-образовательной сфере, необходимо постоянно расширять и углублять знания (56,9%), обладать целеустремленностью и волевыми качествами (47,3%), профессионально развиваться, совершенствоваться (40,3%). Стоит отметить, что целеустремленность и волевые качества уже ранее отмечены как необходимые условия и для защиты диссертации. В наименьшей степени помогают сделать карьеру в академической среде толерантность, гибкость во взаимоотношениях с руководством, коллегами (15,9%) и везение, случай (5,8%).

¹⁵ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

¹⁶ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

Рис. 13. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что может повлиять на принятие Вами решения остаться работать в научно-образовательной сфере? (оцените по 10-балльной шкале, где 1 – совсем не важно, а 10 – максимально важно)»¹⁷

Типы карьерных стратегий аспирантов федеральных университетов

В результате проведенного кластерного анализа мнений опрошенных аспирантов по признаку «первичная мотивация» была получена следующая классификация респондентов по четырем группам: первая – 25%, вторая – 46%, третья – 16%, четвертая – 13%.

В ходе исследования на основе частотного анализа было осуществлено сравнение полученных кластеров по следующим критериям: ценностно-мотивационные характеристики, занятость аспирантов, защита диссертации, планы после окончания аспирантуры. Данные представлены в таблице 2.

Таким образом, можно содержательно определить следующие карьерные стратегии аспирантов.

1. *Стратегия «исследователя / исследователя-фрилансера»* характеризуется тем, что у ее носителя главными мотивами при поступлении в аспирантуру и в профессиональной деятельности являются проведение научных исследований и самореализация, саморазвитие. Такие аспиранты ориентированы на построение карьеры в

¹⁷ Составлено авторами по результатам социологического исследования.

сфере науки или в наукоемком бизнесе, выполнение роли исследователя, аналитика. Им свойствен средний уровень инбридинга. Это означает, что данной категории аспирантов не важно, где проводить научные исследования и реализовывать собственные исследовательские проекты: в своем университете, в другом высшем учебном заведении или в сфере бизнеса.

Таблица 2

Ключевые характеристики кластеров¹⁸

	1 кластер – 25%	2 кластер – 46%	3 кластер – 16%	4 кластер – 13%
<i>Ценностно-мотивационные характеристики</i>				
Мотивация поступления	– научные исследования; – самореализация и саморазвитие в интересной сфере; – престижность обучения и получение кандидатской степени; – доступ к университетским проектам (стипендиям, стажировкам, международным программам мобильности)	– научные исследования; – самореализация и саморазвитие в интересной сфере; – преподавательская деятельность; – стабильная заработная плата	– научные исследования	– научные исследования; – преподавательская деятельность; – самореализация и саморазвитие в интересной сфере; – престижность обучения и получение кандидатской степени
Жизненные ценности	– материальный достаток; – создание собственной семьи и воспитание детей; – возможность интеллектуальной и творческой самореализации			
Мотивы и стимулов в работе в целом	– возможность реализовать свои способности и интересы; – постоянное профессиональное развитие; – высокий уровень заработной платы			
	Не выявлено дополнительных мотивов и стимулов в работе	– разнообразная, творческая, требующая проявления инициативы работа	– комфортный психологический климат на работе; – удобный график работы; – хорошие условия работы	– возможность работать с единомышленниками, близкими по устремлениям и взглядам людьми; – удобный график работы
<i>Занятость аспирантов</i>				
Совмещение	85% совмещают	88% совмещают	94% совмещают	93% совмещают
Сфера работы	37% – сфера науки и образования; 31% – в бизнесе	58% – сфера науки и образования	50% – сфера науки и образования; 29% – в бизнесе	60% – сфера науки и образования
Защита диссертации	85% – скорее важно и очень важно	95% – скорее важно и очень важно	83% – скорее важно и очень важно	98% – скорее важно и очень важно

¹⁸ Составлено авторами по результатам кластерного анализа.

Окончание табл. 2

	1 кластер – 25%	2 кластер – 46%	3 кластер – 16%	4 кластер – 13%
<i>Планы после окончания аспирантуры</i>				
Сфера деятельности	– в наукоемком бизнесе; – в научно-исследовательской сфере	– в преподавательской сфере	– в преподавательской сфере; – коммерческая сфера	– в научно-исследовательской сфере; – в преподавательской сфере
Роль	– исследователя, аналитика; – предпринимателя, самозанятого	– преподавателя, тьютора	– исследователя, аналитика; – преподавателя, тьютора, – предпринимателя, самозанятого	– администратора, менеджера; – исследователя, аналитика; – преподавателя, тьютора
Инбридинг	средний уровень	высокий уровень	нет однозначного ответа	высокий уровень
Ожидания заработной платы	высокие			
Факторы, способствующие карьере в научно-образовательной среде	постоянное расширение и углубление знаний, целеустремленность, волевые качества и профессиональное развитие, совершенствование			
Факторы, влияющие на продолжение карьеры в научно-образовательной среде	конкурентный уровень заработной платы			
	– наличие сильного интереса и желания продолжать заниматься исследованиями, начатыми в аспирантуре; – возможность реализации своих собственных проектов, исследований; – гибкий график работы	– наличие сильного интереса и желания продолжать заниматься исследованиями, начатыми в аспирантуре; – высокая оценка способностей к преподаванию; – творческая атмосфера работы; – возможность постоянного развития	не выявлено дополнительных факторов	– наличие сильного интереса и желания продолжать заниматься исследованиями, начатыми в аспирантуре; – возможность работы в коллективе единомышленников

2. Стратегия «преподавателя-инбрида» характеризуется тем, что в основе лежит первичная мотивация, связанная с желанием заниматься преподавательской и научной деятельностью. Уже обучаясь в аспирантуре, приверженцы этой стратегии в основном работают в сфере образования и науки, а высокий уровень инбридинга говорит о намерении профессионального развития в собственном университете. Практически 100-процентный показатель важности защиты диссертации показывает твер-

дое желание оставаться работать в сфере образования и науки. Однако после защиты более предпочтительной для них становится роль преподавателя, тьютора, а преподавательская сфера деятельности расценивается как единственно важная. При этом ключевыми факторами, удерживающими в университете, являются высокая оценка способностей к преподаванию (собственная, коллег, студентов), творческая атмосфера работы, возможность постоянного развития и повышения квалификации в этой сфере. Такая стратегия согласно проведенному исследованию является типичной.

3. *Стратегия «неопределившихся»* характерна для тех аспирантов, которые не определились в своем будущем. Такие аспиранты впоследствии готовы работать как в академической, так и вне академической сферах, выполнять любую из ролей, им менее всего нужна защита диссертации, уровень инбридинга разнообразный (от высокого до низкого). Основными мотиваторами для них являются комфортный психологический климат на работе, удобный график работы, хорошие условия труда. В академической сфере их может удержать лишь конкурентный уровень заработной платы.

4. *Стратегия «карьериста-инбрида»* предполагает вертикальное развитие карьеры внутри собственного университета, так как присутствует высокий показатель уровня инбридинга, важность защиты диссертации, возможность работать в одном коллективе с единомышленниками, близкими по устремлениям и взглядам людьми. Приверженцы данной стратегии, помимо ролей преподавателя, тьютора и исследователя, выбирают роль администратора, менеджера (единственный кластер с данной ролью в нашем исследовании), т.е. они продолжают преподавательскую и научную деятельность, но упор делают на административную работу в университете. Также для данной категории аспирантов при поступлении в аспирантуру, в отличие от других групп, важным является престижность обучения и получение кандидатской степени, что говорит об их высоких статусных амбициях. Стоит отметить, что на этапе выдвижения гипотезы о карьерных стратегиях данная стратегия не выделялась, она была выявлена в ходе исследования.

Выводы

В ходе исследования нашла подтверждение гипотеза относительно академических карьерных стратегий, а именно: академические карьерные стратегии аспирантов дифференцируются на устойчивые и неустойчивые, при этом аспиранты с неустойчивым академическим выбором чаще всего после завершения обучения принимают решения об изменении академических стратегий на неакадемические. Диагностика потенциального поведения выпускников аспирантуры на академическом и неакадемическом рынках труда возможна на основе детерминации и оценки ценностно-мотивационных признаков, целевых установок, ожиданий и предпочтений, традиций найма в научно-педагогической сфере и факторов выбора: уровня сформированности исследовательских и педагогических компетенций, степени развитости институциональной структуры поддержки молодых ученых.

С помощью кластерного анализа, в основе которой лежал фактор мотивации поступления в аспирантуру, были сформулированы следующие потенциальные стратегии поведения аспирантов на рынке труда кадров высшей квалификации: стратегия «исследователя/исследователя-фрилансера», стратегия «преподавателя-инбрида», стратегия «неопределившихся», стратегия «карьериста-инбрида». Данные стратегии, кроме мотивации при поступлении, имели отличия по таким критериям, как жизненные ценности, мотивация и стимулы в работе, профессиональные планы после окончания аспирантуры.

Второй вывод состоит в том, что независимо от выбранной в будущем карьерной стратегии для всех аспирантов можно выделить общие черты и сформировать портрет российского аспиранта. Во-первых, возможность проведения научных исследований является главным, а для кого-то и единственным мотивом при поступлении в аспи-

рантуру. Данный факт свидетельствует о том, что выбор аспирантуры является для всех осознанным. Во-вторых, аспирантам свойственна приоритетность жизненных ценностей, таких как материальный достаток, создание собственной семьи и воспитание детей, возможность интеллектуальной и творческой самореализации. В-третьих, можно выделить ключевые мотиваторы формирования карьерных стратегий: возможность реализовать свои способности и интересы, постоянное профессиональное развитие, высокий уровень заработной платы. В-четвертых, установлено, что конкурентный уровень заработной платы является ключевым фактором, влияющим на продолжение карьеры в научно-образовательной среде. Для всех стратегий кроме «карьериста-инбрида» немаловажным фактором выступает «наличие сильного интереса и желания продолжать заниматься исследованиями, начатыми в аспирантуре».

По мнению исследователей, представляется важным на этапе отбора в аспирантуру четко идентифицировать носителей стратегии «неопределившихся». Это позволит минимизировать потери от инвестиций в человеческий капитал в системе высшего образования. Для этого необходимо установить механизм отбора при поступлении в аспирантуру, а также сформировать систему удержания мотивированных и вовлеченных молодых ученых в академической среде.

ЛИТЕРАТУРА

- Акерлоф, Дж. А., Крэнтон, Р. И. (2010). Идентичность и экономика организаций // *Российский журнал менеджмента*, 8(2), 107–130.
- Бедный, Б. И., Миронос, А. А., Рыбаков, Н. В. (2018). Профессионально ориентированные аспирантские программы: взаимодействие университетов и индустрии // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки, (1), 37–42.
- Бекова, С. К., Груздев, И. А., Джафарова, З. И., Малошонок, Н. Г., Терентьев, Е. А. (2017). *Портрет современного российского аспиранта*. М.: НИУ ВШЭ.
- Белокрылова, О. С., Германова, О. Е., Вольчик, В. В., Михалкина, Е. В. (2004). Эволюция институциональной структуры системы образования как следствие зависимости от предшествующего пути развития // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 2(4), 60–73.
- Герасимова, О. Я. (2017). Роль системы высшего образования в формировании человеческого капитала молодежи // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, (3), 227–234.
- Лызь, Н. А., Лабынцева, И. С. (2019). Специфика обучения в аспирантуре: роль мотивации аспирантов // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Проблемы высшего образования, (1), 68–72.
- Михалкина, Е. В., Скачкова, Л. С. (2014). Обзор российских методик прогнозирования спроса и предложения труда и компетенций // *Terra Economicus*, 12(4), 59–67.
- Михалкина, Е. В., Скачкова, Л. С. (2018). Почему выпускники аспирантуры не выбирают работу в университетах? // *Terra Economicus*, 16(4), 116–129. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129.
- Терентьев, Е. А., Бекова, С. К., Малошонок, Н. Г. (2018). Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // *Университетское управление: практика и анализ*, 22(5), 54–66.
- Юдкевич, М. М., Альтбах, Ф. Дж., Рамбли, Л. (2016). *Академический инбридинг и мобильность в высшем образовании: Глобальные перспективы*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

- Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2010). *Identity Economics. How our identities shape our work, and well-being*. Princeton University Press.
- Athey, S., Katz, L., Krueger, A., Levitt, S., Poterba, J. (2007). What Does Performance in Graduate School Predict? Graduate Economics Education and Student Outcomes // *American Economic Review*, 97(2), 512–518.
- Baytiyeh, H., Naja, M. (2011a). *Attitudes toward pursuing doctoral studies in engineering*. Paper presented at the American Society for Engineering Education, Vancouver, BC, Canada.
- Baytiyeh, H., Naja, M. (2011b). *Factors influencing the decision to enroll in an Engineering PhD Program*. Paper presented at the Frontiers in Education, Rapid City, SD.
- Becker, G. S. (1964). *Human Capital*. New York: Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research.
- Brailsford, I. (2010). Motives and aspirations for doctoral study: Career, personal, and inter-personal factors in the decision to embark on a history PhD // *International Journal of Doctoral Studies*, 5, 15–27.
- Churchill, H., Sanders, T. (2007). *Getting your PhD: A practical insider's guide*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Donnelly, A. E. (2011). *Factors influencing career choices of underrepresented STEM PhD graduates*. Paper presented at the American Society for Engineering Education, Vancouver, BC, Canada.
- Dust, T. J. (2006). Motivational influences to pursue graduate studies in secondary music education // *Alberta Journal of Educational Research*, 52(2), 158–166.
- Edwards, D., Bexley, E., Richardson, S. (2011). Regenerating the academic workforce: The careers, intentions and motivations of higher degree research students in Australia: findings of the National Research Student Survey (NRSS). Melbourne: Australian Council for Educational Research (ACER).
- Ferguson, T. (2009). The «write» skills and more: A thesis writing group for doctoral students // *Journal of Geography in Higher Education*, 33(2), 285–297. (<https://doi.org/10.1080/03098260902734968>).
- Fish, L. A., Fish, L. A. (2010). Career expectations and perceptions of part-time MBA students // *College Student Journal*, 44(3), 706–719.
- Gardner, S. K. (2010). Contrasting the socialization experiences of doctoral students in high-and low-completing departments: A qualitative analysis of disciplinary contexts at one institution // *The Journal of Higher Education*, 81(1), 61–81.
- Gill, T. G., Hoppe, U. (2009). The business professional doctorate as an informing channel: A survey and analysis // *International Journal of Doctoral Studies*, 4, 28–57.
- Grove, W., Wu, S. (2007). The Search for Economics Talent: Doctoral Completion and Research Productivity // *American Economic Review*, 97(2), 506–511.
- Hancock, D. R. (2007). Effects of performance assessment on the achievement and motivation of graduate students // *Active Learning in Higher Education*, 8(3), 219–231. (<https://doi.org/10.1177/1469787407081888>).
- Harman, G. (2002). Producing PhD graduates in Australia for the knowledge economy // *Higher Education Research and Development*, 21(2), 179–190.
- Hilmer, C., Hilmer, M. (2007). Women Helping Women, Men Helping Women? Same-Gender Mentoring, Initial Job Placements, and Early Career Publishing Success for Economics PhDs // *American Economic Review*, 97(2), 422–426.
- Krueger, A., Wu, S. (2000). Forecasting Job Placements of Economics Graduate Students // *Journal of Economic Education*, 31(1), 81–94.

- Lange, F., Topel, R. (2006). The Social Value of Education and Human Capital, Ch. 8, pp. 459–509 / In: E. Hanushek and F. Welch (eds.) *Handbook of the Economics of Education*, vol. 1. Amsterdam, The Netherlands: Elsevier. ([https://doi.org/10.1016/S1574-0692\(06\)01008-7](https://doi.org/10.1016/S1574-0692(06)01008-7)).
- Leonard, D., Becker, R., Coate, K. (2005). To prove myself at the highest level: The benefits of doctoral study // *Higher Education Research & Development*, 24(2), 135–149.
- Lovitts, B. E. (2001). *Leaving the ivory tower: The causes and consequences of departure from doctoral study*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
- Martin, Y., Maclachlan, M., Karmel, T. (2001). *Postgraduate completion rates*. Canberra: Department of Education, Training and Youth Affairs.
- McAlpine, L., Norton, J. (2006). Reframing our approach to doctoral programs: An integrative framework for action and research // *Higher Education Research & Development*, 25(1), 3–17.
- Onwuegbuzie, A. J., Rosli, R., Ingram, J. M., Frels, R. K. (2014). A critical dialectical pluralistic examination of the lived experience of select women doctoral students // *Qualitative Report*, 19(3), 1–35.
- Peters, D. L., Daly, S. R. (2013). Returning to graduate school: Expectations of success, values of the degree, and managing the costs // *Journal of Engineering Education*, 102(2), 244–268.
- Salmon, P. (1992). *Achieving a PhD: Ten students' experience*. Sterling, VA: Stylus Publishing, Inc.
- Schultz, T. W. (1961). Investment in human capital // *American Economic Review*, 51(1), 1–17.
- Simon, T. (2010). *The road less traveled: Exploring factors that influence African Americans to pursue and complete doctoral degrees in Engineering and Applied Science disciplines*. Paper presented at the American Society for Engineering Education, Louisville, KY.
- Stubb, J., Pyhalto, K., Lonka, K. (2012). The experienced meaning of working with a PhD thesis // *Scandinavian Journal of Educational Research*, 56, 439–456.
- Tanaka, M., Watanabe, Y. (2012). Academic and family conditions associated with intrinsic academic motivation in Japanese medical students: A pilot study // *Health Education Journal*, 71, 358–364.
- Wamala, R., Oonyu, J., Ocaya, B. (2011). Completion time dynamics of doctoral studies at Makerere University: A hazard model evaluation // *Journal of International Education Research*, 7(3), 49–58.
- Wellington, J., Sikes, P. (2007). “A doctorate in a tight compartment”: Why do students choose a professional doctorate and what impact does it have on their personal and professional lives? // *Studies in Higher Education*, 31, 723–734.

REFERENCES

- Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2010). *Identity Economics. How our identities shape our work, and well-being*. Princeton University Press.
- Akerlof, J. A., Cranton, R. I. (2010). Identity and the economics of organizations. *Russian Management Journal*, 8(2), 107–130 (<https://rjm.spbu.ru/article/view/364>). (In Russian.)
- Athey, S., Katz, L., Krueger, A., Levitt, S., Poterba, J. (2007). What Does Performance in Graduate School Predict? Graduate Economics Education and Student Outcomes. *American Economic Review*, 97(2), 512–518.

- Baytiyeh, H., Naja, M. (2011a). *Attitudes toward pursuing doctoral studies in engineering*. Paper presented at the American Society for Engineering Education, Vancouver, BC, Canada.
- Baytiyeh, H., Naja, M. (2011b). *Factors influencing the decision to enroll in an Engineering PhD Program*. Paper presented at the Frontiers in Education, Rapid City, SD.
- Becker, G. S. (1964). *Human Capital*. New York: Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research.
- Bednyi, B. I., Mironos, A. A., Rybakov, N. V. (2018). Profession-oriented postgraduate programs: the interaction between universities and industry. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, (1), 37–42. (In Russian.)
- Bekova, S. K., Gruzdev, I. A., Jafarova, Z. I., Maloshonok, N. G., Terentyev, E. A. (2017). *Portrait of a modern Russian graduate student*. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russian.)
- Belokrylova, O. S., Germanova, O. E., Volchik, V. V., Mikhalkina, E. V. (2004). Evolution of institutional structure of education system as a consequence of path dependence. *Economic Herald of Rostov State University*, 2(4), 60–73. (In Russian.)
- Brailsford, I. (2010). Motives and aspirations for doctoral study: Career, personal, and inter-personal factors in the decision to embark on a history PhD. *International Journal of Doctoral Studies*, 5, 15–27.
- Churchill, H., Sanders, T. (2007). *Getting your PhD: A practical insider's guide*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Donnelly, A. E. (2011). *Factors influencing career choices of underrepresented STEM PhD graduates*. Paper presented at the American Society for Engineering Education, Vancouver, BC, Canada.
- Dust, T. J. (2006). Motivational influences to pursue graduate studies in secondary music education. *Alberta Journal of Educational Research*, 52(2), 158–166.
- Edwards, D., Bexley, E., Richardson, S. (2011). Regenerating the academic workforce: The careers, intentions and motivations of higher degree research students in Australia: findings of the National Research Student Survey (NRSS). Melbourne: Australian Council for Educational Research (ACER).
- Ferguson, T. (2009). The «write» skills and more: A thesis writing group for doctoral students. *Journal of Geography in Higher Education*, 33(2), 285–297. (<https://doi.org/10.1080/03098260902734968>).
- Fish, L. A., Fish, L. A. (2010). Career expectations and perceptions of part-time MBA students. *College Student Journal*, 44(3), 706–719.
- Gardner, S. K. (2010). Contrasting the socialization experiences of doctoral students in high-and low-completing departments: A qualitative analysis of disciplinary contexts at one institution. *The Journal of Higher Education*, 81(1), 61–81.
- Gerasimova, O. Ya. (2017). The role of higher education in the formation of human capital of youth. *State and Municipal Management Scholar Notes of RANEPA (Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS)*, (3), 227–234. (In Russian.)
- Gill, T. G., Hoppe, U. (2009). The business professional doctorate as an informing channel: A survey and analysis. *International Journal of Doctoral Studies*, 4, 28–57.
- Grove, W., Wu, S. (2007). The Search for Economics Talent: Doctoral Completion and Research Productivity. *American Economic Review*, 97(2), 506–511.
- Hancock, D. R. (2007). Effects of performance assessment on the achievement and motivation of graduate students. *Active Learning in Higher Education*, 8(3), 219–231. (<https://doi.org/10.1177/1469787407081888>).

- Harman, G. (2002). Producing PhD graduates in Australia for the knowledge economy. *Higher Education Research and Development*, 21(2), 179–190.
- Hilmer, C., Hilmer, M. (2007). Women Helping Women, Men Helping Women? Same-Gender Mentoring, Initial Job Placements, and Early Career Publishing Success for Economics PhDs. *American Economic Review*, 97(2), 422–426.
- Krueger, A., Wu, S. (2000). Forecasting Job Placements of Economics Graduate Students. *Journal of Economic Education*, 31(1), 81–94.
- Lange, F., Topel, R. (2006). The Social Value of Education and Human Capital, Ch. 8, pp. 459–509 / In: E. Hanushek and F. Welch (eds.) *Handbook of the Economics of Education*, vol. 1. Amsterdam, The Netherlands: Elsevier. ([https://doi.org/10.1016/S1574-0692\(06\)01008-7](https://doi.org/10.1016/S1574-0692(06)01008-7)).
- Leonard, D., Becker, R., Coate, K. (2005). To prove myself at the highest level: The benefits of doctoral study. *Higher Education Research & Development*, 24(2), 135–149.
- Lovitts, B. E. (2001). *Leaving the ivory tower: The causes and consequences of departure from doctoral study*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
- Lyz, N. A., Labyntseva, I. S. (2019). Peculiarities of PhD training: The role of postgraduate students' motivation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, (1), 68–72. (In Russian.)
- Martin, Y., Maclachlan, M., Karmel, T. (2001). *Postgraduate completion rates*. Canberra: Department of Education, Training and Youth Affairs.
- McAlpine, L., Norton, J. (2006). Reframing our approach to doctoral programs: An integrative framework for action and research. *Higher Education Research & Development*, 25(1), 3–17.
- Mikhalkina, E. V., Skachkova, L. S. (2014). Overview of the Russian methods of competences, labor demand and supply forecasting. *Terra Economicus*, 12(4), 59–67. (In Russian.)
- Mikhalkina, E. V., Skachkova, L. S. (2018). Why do not PhD students choose job in universities? *Terra Economicus*, 16(4), 116–129. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129 (In Russian.)
- Onwuegbuzie, A. J., Rosli, R., Ingram, J. M., Frels, R. K. (2014). A critical dialectical pluralistic examination of the lived experience of select women doctoral students. *Qualitative Report*, 19(3), 1–35.
- Peters, D. L., Daly, S. R. (2013). Returning to graduate school: Expectations of success, values of the degree, and managing the costs. *Journal of Engineering Education*, 102(2), 244–268.
- Salmon, P. (1992). *Achieving a PhD: Ten students' experience*. Sterling, VA: Stylus Publishing, Inc.
- Schultz, T. W. (1961). Investment in human capital. *American Economic Review*, 51(1), 1–17.
- Simon, T. (2010). *The road less traveled: Exploring factors that influence African Americans to pursue and complete doctoral degrees in Engineering and Applied Science disciplines*. Paper presented at the American Society for Engineering Education, Louisville, KY.
- Stubb, J., Pyhalto, K., Lonka, K. (2012). The experienced meaning of working with a PhD thesis. *Scandinavian Journal of Educational Research*, 56, 439–456.
- Tanaka, M., Watanabe, Y. (2012). Academic and family conditions associated with intrinsic academic motivation in Japanese medical students: A pilot study. *Health Education Journal*, 71, 358–364.
- Terentiev, E. A., Bekova, S. K., Maloshonok, N. G. (2018). The crisis of postgraduate studies in Russia: What bears problems and how to overcome them. *University Management: Practice and Analysis*, 22(5), 54–66. (In Russian.)

-
- Wamala, R., Oonyu, J., Ocaya, B. (2011). Completion time dynamics of doctoral studies at Makerere University: A hazard model evaluation. *Journal of International Education Research*, 7(3), 49–58.
- Wellington, J., Sikes, P. (2007). “A doctorate in a tight compartment”: Why do students choose a professional doctorate and what impact does it have on their personal and professional lives? *Studies in Higher Education*, 31, 723–734.
- Yudkevich, M. M., Altbach, F. J., Rambli, L. (2016). *Academic inbreeding and mobility in higher education: Global perspectives*. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russian.)

MANAGING THE INTELLECTUAL POTENTIAL IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Zeynegul SAMAIBEKOVA,

Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor,
Kyrgyz State University of Construction Transport
and Architecture named after N. Isanov,
Kyrgyz Republic, Bishkek,
e-mail: samaibekova@mail.ru;

Sami Salih Masud ZAID,

Doctoral Student,
Kyrgyz-Russian Slavic University,
Kyrgyz Republic, Bishkek,
e-mail: sami_zaid2003@yahoo.com;

Alla MOLCHANOVA,

Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor,
Moscow Psychologic-Social University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: alla_molchanova67@mail.ru;

Anna RYBAKOVA,

Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: anya_rybakova@list.ru

Citation: Samaibekova, Z., Zaid, S. S. M., Molchanova, A., Rybakova, A. (2019). Managing the intellectual potential in the higher education system. *Terra Economicus*, 17(4), 174–189. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-174-189

This paper focuses on the management and steering the intellectual potential in the system of vocational and higher education institutions (HEIs). It is quite apparent that more advanced intellectual potential in the system of higher education helps to improve the system's viability, competitiveness, and to increase its overall quality thus making a considerable contribution to the building the overall intellectual potential of a given country. Moreover, we argue that intellectual potential is important for building intellectual or human capital which is crucial for the economic and social development. The paper tackles the institutional building of the intellectual potential in higher education. In particular, it shows that the intellectual potential of HEIs represents a holistic system of all combined potentials of students, lecturers, employees, as well as the university administration. We focus on the issues of building intellectual capital in higher education, institutional building in science and education, management of the scientific educational networks,

and innovative process management in educational institutions. Our conclusions show that intellectual potential provides a more accurate blueprint for the future growth path. Furthermore, intellectual potential and its key components and indicators are capable of providing a clear view of the most important prerequisites for development. We argue that HEIs and universities in all countries around the world should focus on investing in building the human capital and intellectual potential. It is also important to identify the key areas and strategies for supporting and managing intellectual potential and to provide targeted support into the most promising areas that can achieve fastest growth.

Keywords: *intellectual potential; innovations; institutional change; vocational training; higher education*

JEL classifications: *B52, I21, O10*

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зейнегул САМАЙБЕКОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
Кыргызский государственный университет строительства,
транспорта и архитектуры им. Н. Исанова,
Бишкек, Кыргызская Республика,
e-mail: samaibekova@mail.ru;

Заид Сами Салих МАСУД,

докторант,
Киргизско-российский славянский университет,
Бишкек, Кыргызская Республика,
e-mail: sami_zaid2003@yahoo.com;

Алла МОЛЧАНОВА,

кандидат педагогических наук, доцент;
Московский психолого-социальный университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: alla_molchanova67@mail.ru;

Анна РЫБАКОВА,

кандидат психологических наук, доцент,
Российский государственный социальный университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: anya_rybakova@list.ru

Цитирование: Самайбекова, З., Масуд, З. С. С., Молчанова, А., Рыбакова, А. (2019). Управление интеллектуальным потенциалом в системе высшего образования // *Terra Economicus*, 17(4), 174–189. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-174-189

Данная статья посвящена управлению интеллектуальным потенциалом в системе профессиональных и высших учебных заведений. Совершенно очевидно, что более продвинутый интеллектуальный потенциал в системе высшего образования помогает повысить жизнеспособность системы, ее конкурентоспособность, способствовать росту её качества в целом, внося значительный

вклад в наращивание совокупного интеллектуального потенциала любой страны. Кроме того, мы утверждаем, что интеллектуальный потенциал важен для создания интеллектуального или человеческого капитала, который имеет решающее значение для экономического и социального развития. В статье также рассматривается институциональный подход к построению интеллектуального потенциала в высшем образовании. В частности, мы показываем, что интеллектуальный потенциал вузов представляет собой целостную систему всех объединенных потенциалов студентов, преподавателей, сотрудников, а также администрации университета. Мы концентрируемся на вопросах формирования интеллектуального капитала в высшем образовании, институционального строительства в науке и образовании, управления научными образовательными сетями и управления инновационными процессами в образовательных учреждениях. Наши выводы показывают, что интеллектуальный потенциал обеспечивает более точную схему будущего пути роста. Кроме того, интеллектуальный потенциал, его ключевые компоненты и индикаторы способны дать четкое представление о наиболее важных предпосылках развития. Мы утверждаем, что вузы и университеты во всех странах мира должны сосредоточиться на инвестировании в развитие человеческого капитала и интеллектуального потенциала. Также весьма важно для них заранее определить ключевые области и стратегии для поддержки и управления интеллектуальным потенциалом и предоставить целевую поддержку в наиболее перспективных областях, которые могут достичь быстрого темпа роста.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал; инновации; институциональные изменения; профессиональная подготовка; высшее образование

Introduction

The state of the educational environment in any given country (e.g. those including kindergartens, primary and secondary school, higher education and postgraduate education) has a very clear and decisive impact on the intellectual potential of this very country (Groves et al., 2018). Thence, fostering and managing intellectual potential in the system of vocational and higher education is a very desirable endeavour that requires many efforts and investments but also bears many valuable fruits that are important for the competitiveness and the growth of the economy (Vinichenko et al., 2018; Volchik et al., 2018; Choyubekova et al., 2019). This is a very important process for achieving leadership in all spheres of social life, business, as well as economics (Kocherbaeva et al., 2019; or Samaibekova, Kocherbaeva, 2019).

One would probably agree with the fact that the intellectual potential of a higher education institution (HEI) represents a holistic system of interconnected and interdependent potentials of students, lecturers, employees, as well as the university administration (Bauer et al., 2018; Choyubekova et al., 2019).

Nowadays, in our highly globalized world which became smaller and yet so far apart thanks to the Internet and the spread of information and communication technologies (ICTs), the very form and definition of the intellectual abilities and competences are changing dramatically (Alba et al., 1997; or Litau, 2018). Several decades ago, intellect was comprised of learned and memorized information any individual obtained through the years of training and studying – first at the primary school, then at the secondary school, and finally at the university of other institution of higher education (e.g. a polytechnic or a vocational school). Nowadays, when all information can actually become instantly avail-

able at a click of a computer mouse or a smartphone cursor, the intellectual abilities are not measured by how much information an individual memorized during her or his studies and how quickly she or he can pull it up from the memory and find practical applications to it, but how quickly she or he can find the right information from all available sources (e.g. online or in some specialized databases), process it, analyse it and make some use of it. In another words, today's general intelligence is a universal ability to adapt to the new information while the theoretical intelligence is something that can be measured using verbal intelligence tests and it is becoming an outdated concept.

A good example of this are Austria's public universities which were the first universities in the world that are required to produce and disseminate intellectual capital reports (knowledge balance sheets). These reports (called "Intellectual Capital Report") aimed to assess the intangible assets of each university (Sánchez, Elena, 2006). The structure and design of the Intellectual Capital Report is governed by the disposition of the Intellectual Capital Report. Monitor intangible assets, organizational culture is considered as an important role. The need to manage intellectual capital in universities is being investigated by some scientists, such as Ramirez (2010). The aim of study was to provide a structural model of intellectual capital based on the organizational culture at the universities. The calculated index showed the direct influence of organizational culture on intellectual capital. In the model, culture is the core that connects the components of intellectual capital. Here organizational culture acts as part of the structural capacity through which implicit knowledge is formed. According to studies that highlighted the role of intellectual capitals in West Ontario universities, Bontis (2001) presented the model where organizational culture is a fundamental element in the formation of structural assets. The rate of the internal deferred variables of the intellectual capital management components was 0.86 for human capital, 0.96 for structural capital, and 0.90 for customer capital, the accumulation of which constitutes the variable for intellectual capital (Bontis, 2001). The variable of structural capital indicates the highest internal consistency in the internal latent variable. The calculated index shows the direct influence of organizational culture on Intellectual Capital Management (ICM).

Moreover, the efficient management of the intellectual capital is one of the ways how to achieve the maximum economic and social return of resources (Strielkowski et al., 2017). The initial methodological model seeks to create an inventory of intangibles for the company and seeks to assess the company's value creation capability.

European educational institutions and HEIs often apply the application of models of intellectual potential to manage their intangible assets and to report this information. The model begins by looking at the contextual conditions of the institution, analysing its strategic goals and mission, and incorporating the three categories: human capital, structural capital, and relational capital. At the heart of the model are the performance processes: research, education, training, marketing of research and knowledge transfer, which can be expanded or reduced depending on the university profile (art colleges, technical colleges or business schools naturally have different configurations and strategic goals and processes) (Leitner, 2004). Finally, the impact on different stakeholders (academia, government, industry, etc.) is analysed (Muscio et al., 2016). Universities are constantly demanding more information and transparency about the use of public funds from the outside (Heald, 2012) and are gaining more and more autonomy in terms of organization, management and budget allocation. They also provide an efficient way to identify, measure, manage and disseminate knowledge, that is, an appropriate way to improve internal management and transparency. In this sense, the work of Ramirez Corcoles et al. (2011) shows that universities incorporate intellectual capital information into their current accounting information system. Only building more universities and attracting more students to higher education will not create intellectual capital, unless the economy can provide graduates with relevant jobs or the environment for founding innovative businesses

(Sam, 2018). This is all about an opportunity to wait, about sustainability, thinking ahead and adding value. However, a combination of measurable indicators such as education, ICT infrastructure, market openness, and research provide valuable guidance.

Intellectual capital in higher education

Overall, it can be observed that intellectual potential is a similar concept to the intellectual capital. Both can be viewed from the managerial and economic points of view and both are related to the human capital of knowledge spill-over. Table 1 that follows lists some criteria for assessing intellectual capital at HEIs. The methodology is based on the methodology developed in Denmark by the local agency for trade and industry (see Bukh, Kjærgaard, 2008) for more details). Nevertheless, our framework employs other categories and criteria that are applicable to the higher education and the output and outcomes it might produce and yield.

Table 1

Criteria for assessing intellectual capital at HEIs

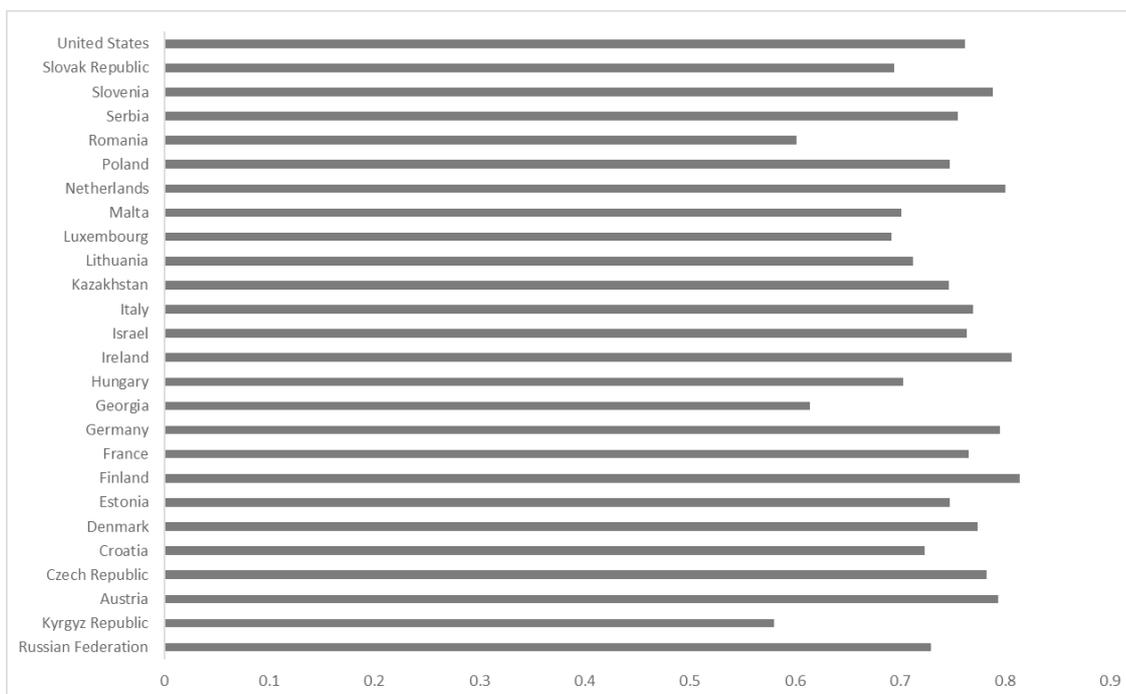
Categories	Resources	Actions	Outcomes
Intellectual capital	Researchers ratio Age Gender balance Fluctuation	Employees costs ICT costs In-house schooling	Acquisitions Staff turnover Employees' satisfaction Publication output
Structural capital	Management gender balance Organisational structure Employment balance IT supplies	Investment in R&D Grants and funding International projects International conferences	International students International staff International rankings Student satisfaction

Source: Own results based on Bukh, Kjærgaard, 2008.

There are numerous studies on intellectual capital and its impact on organizational performance. For example, Youndt, Snell (2004) conducted a study on the relationship between intellectual capital and organizational performance. Alcalde, Nagel (2016) studied the relationship between learning and student performance, while Aldieri et al. (2017) focused on the academic performance. Furthermore, Swart (2006) assessed intellectual capital and found that intangible assets are important in creating a competitive advantage. Human capital is seen as the foundation of intellectual capital and is a key component of the performance of intellectual capital. Moreover, Joia (2007) shows that human capital is usually the most important growth driver for a company. Proper management of human capital could help to generate other intellectual assets in a company. Common methods for defining and describing intellectual capital include creating value and increasing the competitive advantage and success of an organization (Čábelková et al., 2015). Intellectual capital helps to create wealth and produce other esteemed assets. The intellectual capital of a company encompasses the wealth of ideas and the ability to innovate that decisively shape the future business. Moreover, it is an important part of the labour force and its values (Kalyugina et al., 2015; Strielkowski et al., 2016; Orzabayev, 2017; Fursov et al., 2018).

Some cross-country comparison is available. For example, World Bank measures the Human Capital Index (HCI) which allows to assess the potential of some countries, among other things in their higher education and scientific research. Figure 1 that follows lists the values of HCI in selected EU countries, United States, Russian Federation, Georgia, Kazakhstan, and the Kyrgyz Republic.

In general, the assessment from the point of view of intellectual capital and knowledge assets takes into account not only financial but also human and structural factors (Stewart, 1997). Some of the compelling reasons for assessing and measuring intellectual capital and knowledge capacity include understanding where the value is in the company and in the sectors of the economy, and developing metrics to assess the success and growth of companies and economies.

Fig. 1. Human Capital Index values in the selected countries, 2017

Source: World Bank, 2019.

Universities and HEIs nowadays also insert automatic clauses on institutional ownership into standard sponsored research agreements with industrial and private foundations and claim title and administrative rights for all faculty inventions created under the agreement, even if the sponsor does not require such an institutional interest. Many current university policies distinguish between faculty intellectual property that can be protected by copyright and patentable intellectual property, with universities usually claiming only intellectual property that is patentable. The arguments underlying the faculty's compulsory transfer of intellectual property to the university's employers (which are being furthered by various university associations such as the Association of Technology Managers of Universities, the Association of American Universities, and many university administrations) are based on the assumption that that faculty members do not distinguish company employees who owe their employers the fruits of their labours. In attempting to transfer to the institution's ownership of the inventions (of any kind of intangible assets in any form), university administrators effectively argue that faculty members lose academic freedom as soon as they become inventors, and at that time their scientific autonomy disappears and they are mere employees. The argument goes back to a claim of employer control beyond faculty research, including the dissemination and possible future use of findings and outcomes of academic research.

In addition, there is an issue of international students that is becoming more popular all around the world. The contact between universities and international student clients could be activated at various levels, from the enrolment of individual students from different countries through cooperation with other institutions (universities or companies)

to cooperation with governments, international companies and intergovernmental organizations. The main principles of the education system should be the priority of human values, the national culture as the basis of education, humanism, the sense of ecological purpose, the scientific basis, democracy, the support of gifted students and so on. Any country should be effectively looking for ways to develop innovative training to improve technical education and competitiveness if it wants to be effectively integrated into the world economy.

Institutional building in science and education

Effective support of intellectual potential in vocational and higher education often requires effective reforms. Any higher education reform should take account national peculiarities without excluding traditions and historical experiences. Neglecting those implications might lead to adverse institutional effects such as the reforms of higher education in many transition economies and most notably Russia, where institutional changes resulted in negative effects for the quality of higher education (Kuzmin, Barbakov, 2015; Jiroudková et al., 2015; Volchik, Maslyukova, 2019a; 2019b). Russian case was a good example how the stakeholders responsible for the reforms of higher education attempted to raise the positions of HEIs in international rankings by pursuing such indicators as the publishing in international journals indexed in Web of Science or Scopus databases which triggered off many ethical and methodological issues (Strielkowski, 2017; Volchik, Maslyukova, 2018; or Volchik, 2018).

The role of higher education as a leading factor in human capital formation is growing significantly in the market environment. The study of the development of the professional performance of graduates as a basis for the formation of intellectual potential is becoming more important due to the growing demands for higher vocational training. Changes in modern society are accompanied by changes in the demands of the education system in general. It is the level of development of higher education in the country that determines the intellectual potential of society and the related scientific, technological, economic and cultural progress. The process of preparing experts with university education and all other processes must be managed. To implement key management functions such as planning, organization, control, and regulation, you must first have the tools to assess the current level of efficiency of the process. Almost every second student with a university education is guided by the desire to obtain a diploma from this university. This implies the determination to complete a university education at the university of his choice. It is also important that higher institutions prepare competitive professionals. The professional competence and the potential are required for the successful implementation of the professional activity in the future work of the graduate. Many studies anonymously agree that practical training, the introduction into the educational process of IWS (independent work of the student) and IWSL (independent work of the student with the lecturer) has an effect on the training of professional performance. Education system includes educational and research institutions that apply uniform standards and rules in the processes of teaching, management, assessment and research. Training in public institutions is free for students who have passed the admission competition.

Strong mentoring, student participation in (or understanding of) a full scholarly inquiry, links between research and student work, and a broader understanding of the nature of collaborative research are key to the success of a research experience in apprenticeship training. The demand of students for special research experiences often exceeds the capacity of educational institutions.

Historical challenges included inadequate infrastructure for managing scholarships, high staff utilization, low inclusion of research productivity in the terms of office and promotion, and the lack of graduate programs, and therefore of graduate assistants and postdoctoral researchers, to increase productivity. Students were involved in mentoring

communities to gain experience and resources for career development. Building research capacity in an emerging research institution also requires the assessment of research management practices and the identification of transition practices to further the development of the research agenda.

Throughout the history, various efficiency measures, decentralization of powers to institutions and performance objectives have been used to improve higher education institutions. As a result, much of the planning and budgeting process has been standardized in response to specific needs. Management by objective has been implemented to redefine the relationship between the state and universities. In Sweden as well as in Norway, higher education reforms have only touched the surface: studies show that much of the behaviour remained unchanged at faculty and faculty level (Kogan et al., 2012). The way how universities, schools or colleges tackle challenges and organizational change can be very different. Therefore, studies on trends in policy implementation must focus more on institutional, departmental and individual levels. In a sense, the world of higher education policy and change strategies is becoming more global and local.

In fact, any organizational change is likely due to institutional efforts towards academic reform. These changes affect students' academic progress, and students of sports remain qualified for high-calibre sports competitions. Future studies of actual sports program practices can shed light on how organizational change is taking place in specific university environments. Most importantly, these results should be a signal to coaches that failure to comply with reforms can lead to future disadvantages in athletic competition and that discipline outside the field can lead to discipline and field victories. The findings show that institutional requirements affect both types of programs and that students and lecturers respond to similar institutional requirements. The full impact of reforms on programs for which no academic problems have been identified is supported by an institutional statement. In particular, from a purely economic point of view, it makes little sense for smaller institutions to seek an improvement in the effective annual return, since only a few programs make a profit.

Management of the scientific educational networks

Scientific educational networks also constitute a great benefit for the formation and management of intellectual potential. In reality, networking strengthens professional and personal development, and successful networkers join forces with colleagues, mentors, and professionals with diverse professional backgrounds to develop relationships that also function as professional support systems. Teaching is a rewarding and demanding profession, and maintaining a professional teaching network facilitates professional and personal development. Setting up a professional learning network for teachers is particularly important as it helps educators to extend their influence beyond class, share curricula and learn new teaching strategies. Similarly, educational innovation affects all stakeholders: learners, parents, teachers, education administrators, researchers and policymakers. They require their active participation and support.

It is unlikely that the development of educational modules on dual-use topics will be effective without a parallel professional development of the faculty. In addition, it can be shown that demonstrating the effectiveness of active learning education alone is not enough to change the teaching methods of the faculties (Henderson et al., 2011). At the local level, teaching and learning centres offer the opportunity to engage the faculty in learning effective teaching practices and in promoting the implementation of new pedagogies.

The general objective of any research project is to gain a better understanding of and management of research and education networks by developing a model that supports such management. Further information on research and research questions can be found in the research proposal. A research and education network management model to be

developed during research is based on the general theoretical approach to management, control and maintenance (MCM) of information systems. This becomes an important part of the national information infrastructure and a place where new technologies are tested and implemented. Building new and expanding existing networks requires both technical and managerial skills (organizational, economic, financial, political and legal). Up-to-date information on the management of research and education networks is presented through various operational and organizational models, usually in the form of a simple description of specific experiences and existing practices.

Today, modern universities and institutions of higher education remove the barriers to distance, schedules, location, culture or other social obstacles by providing quality education through the use of modern technology. To facilitate this rapprochement with the business world, our faculty of education consists of graduate students and respected academics and business executives. Modern universities tend to have many cooperation agreements with major national and multinational companies that allow our students to supplement their educational routes with internship programs. They attempt to develop a broad range of market-oriented academic programs for undergraduate and graduate students and to train many individuals who would hold middle and top management positions in both the public and private sectors.

Innovative process management in educational institutions

Education is indispensable as a social institution serving the needs of society so that society can survive and thrive (Kreuzer, Weber, 2018). Here we present a systematic discussion on educational innovations, identify barriers to innovation, and outline possible directions for effective innovation.

As examples of innovation in education, we will highlight online learning and the time efficiency of learning with accelerated and intensive approaches (Galaso, Kovářik, 2018). The best way to achieve superior education is to create a new culture of education. Innovation can be modelled in the context of its impact on the quality of teaching and learning in a vocational and social culture education environment, quite similar to the concept of innovations in business and economics (Batkovskiy et al., 2016; Smirnov et al., 2017; Matinaro, Liu, 2017; Lambert et al., 2018; Ponomarev, Petrov, 2019). While recognizing that the technological revolution is unstoppable, we educators must do everything we can to sustain the main task of education, reflected in a humanistic approach aimed at the whole person, making an effort to be free to develop independent education. Critical thinking, active and effective thinkers, doers, citizens and workers. Developing clear and effective education quality measures is an important place for future innovative research. Social support for innovative education and building a new culture of education, which has priority both inside and outside the education system, is crucial to its success. Bruner (1996) suggests considering education in a broader context of what society wants to achieve through its educational investments in young people. Similarly, educational innovation affects all stakeholders: learners, parents, teachers, education administrators, researchers and policymakers. They require their active participation and support.

Therefore, it is expected that educational institutions would provide an optimal academic environment, as well as materials and conditions for achieving excellent learning outcomes for each student (program content, course format, institutional culture, research, funding, resources, infrastructure, administration, and support). The national education system relies on the commitment and responsibility of the entire society for effective functioning. Therefore, the involvement of parents, together with strong community and community support, is critical to success. Because integrating technology into education is in many ways comparable to integrating technology into every business, it makes sense to evaluate technology applications based on changes in learning productivity and quality. What some education researchers write about technology in education helps uncover

the inherent problem. The foundation of all this work, as these authors write, are resources, infrastructure, quality standards, best practices and innovation.

Conclusions and discussions

There are innovations in the recruitment, preparation, and remuneration of teachers. Innovation may focus on progress in one, several or all aspects of the education system: theory and practice, curriculum, teaching and learning, politics, technology, institutions and administration, institutional culture and teacher education. There are many exciting examples from which educators in many countries can learn and develop innovations that they can implement and adapt to HEIs effectively.

In fact, the generalization of management practices such as outsourcing and networking reduces the social ties between individuals and organizations and therefore creates a major problem for the creation and exploitation of knowledge assets (intellectual capital). At least in the Western context, therefore, the individual perspective dominates compared to the (collective) company perspective. Therefore, it is important to consider building an individual's intellectual capital as a political perspective to increase its use and liquidity.

The distinction between financial capital and intellectual capital (potential) has to be underlined to indicate that the former reflects the past progress and achievements of the country, but the latter provides a more accurate picture of future growth and performance. In addition, by focusing on intellectual potential and its key components and indicators, key areas in which the country has potential for growth are put into better perspective and can be viewed from all possible angles.

With regard to the above, HEIs and universities in every country should invest in building the human capital and intellectual potential. However, before doing that, key areas need to be identified and the right strategies and steps need to be envisaged and carefully planned. With all that, higher education can become a very important factor in creating and building intellectual potential of any country.

ЛИТЕРАТУРА

- Вольчик, В. В. (2018). Восхождение метрик // *Terra Economicus*, 16(4), 6–16. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-6-16>
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. (2018). Ловушка метрик, или почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки // *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 158–179. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179>
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. (2019). Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки // *Terra Economicus*, 17(2), 46–162. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>
- Пономарев, В. А., Петров, М. В. (2019). Территориальное взаимодействие – основа развития малого инновационного предприятия и других территориальных предприятий // *Радиопромышленность*, 29(1), 61–66. <https://doi.org/10.21778/2413-9599-2019-29-1-61-66>
- Смирнов, Р. О. (2017). Вопросы коммерциализации инновационных технологий в Российской Федерации в сфере предпринимательской деятельности // *Радиопромышленность*, 27(3), 110–112. <https://doi.org/10.21778/2413-9599-2017-3-110-112>
- Фурсов, В., Кривокопа, Е., Стриелковски, В. (2018). Региональные аспекты оценки трудового потенциала в современной России // *Terra Economicus*, 16(4), 95–115. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-95-115>

- Alba, J., Lynch, J., Weitz, B., Janiszewski, C., Lutz, R., Sawyer, A., Wood, S. (1997). Interactive home shopping: consumer, retailer, and manufacturer incentives to participate in electronic marketplaces // *Journal of Marketing*, 61(3), 38–53. <https://doi.org/10.1177/002224299706100303>
- Alcalde, P., Nagel, J. (2016). Does Active Learning Improve Student Performance? A Randomized Experiment in a Chilean University // *Journal of Eurasian Social Dialogue*, 1(2), 1–11.
- Aldieri, L., Kotsemir, M. N., Vinci, C. P. (2017). The Impact of Research Collaboration on Academic Performance: An Empirical Analysis for Russian Universities // *Journal of Eurasian Social Dialogue*, 2(1), 17–33.
- Batkovskiy, A. M., Kalachikhin, P. A., Semenova, E. G., Telnov, Y. F., Fomina, A. V. (2016). Economic-mathematical model and mathematical methods for substantiating the choice of the company innovation strategy // *Indian Journal of Science and Technology*, 9(27), 99–111. <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i27/97662>
- Bauer, M., Bormann, I., Kummer, B., Niedlich, S., Rieckmann, M. (2018). Sustainability Governance at Universities: Using a Governance Equalizer as a Research Heuristic // *Higher Education Policy*, 31(4), 491–511. <https://doi.org/10.1057/s41307-018-0104-x>
- Bontis, N. (2001). Assessing knowledge assets: a review of the models used to measure intellectual capital // *International Journal of Management Reviews*, 3(1), 41–60. <https://doi.org/10.1111/1468-2370.00053>
- Bruner, J. S. (1996). *The culture of education*. Harvard University Press.
- Bukh, N. P., Kjærgaard, J. I. (2008). Intellectual capital statements in the Danish utility sector: materialisation and enactment // *Journal of Human Resource Costing & Accounting*, 12(3), 148–178. <https://doi.org/10.1108/14013380810919831>
- Čábelková, I., Abrhám, J., Strielkowski, W. (2015). Factors influencing job satisfaction in post-transition economies: the case of the Czech Republic // *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*, 21(4), 448–456. <https://doi.org/10.1080/10803548.2015.1073007>
- Choyubekova, G., Zholdubaeva, A., Zaid, S. (2019). Leading role of Higher Education Institutions on the development of peripheral regions // *Proceedings of the 4th International Conference on Social, Business, and Academic Leadership (ICSBAL 2019)*, 189–194.
- Galaso, P., Kovářik, J. (2018). Collaboration Networks and Innovation: How to Define Network Boundaries // *Journal of Eurasian Economic Dialogue*, 3(2), 1–17.
- Groves, T., López, E. M., Carvalho, T. (2018). The impact of international mobility as experienced by Spanish academics // *European Journal of Higher Education*, 8(1), 83–98. <https://doi.org/10.1080/21568235.2017.1388187>
- Heald, D. (2012). Why is transparency about public expenditure so elusive? // *International review of administrative sciences*, 78(1), 30–49. <https://doi.org/10.1177/0020852311429931>
- Henderson, C., Beach, A., Finkelstein, N. (2011). Facilitating change in undergraduate STEM instructional practices: An analytic review of the literature // *Journal of Research in Science Teaching*, 48(8), 952–984. <https://doi.org/10.1002/tea.20439>
- Jiroudková, A., Rovná, L. A., Strielkowski, W., Šlosarčík, I. (2015). EU Accession, Transition and Further Integration for the Countries of Central and Eastern Europe // *Economics and Sociology*, 8(2), 11–25. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2015/8-2/1>
- Joia, L. A. (ed.) (2007). *Strategies for Information Technology and Intellectual Capital: Challenges and Opportunities*. Igi Global Press.

- Kalyugina, S., Strielkowski, W., Ushvitsky, L., Astachova, E. (2015). Sustainable and secure development: facet of personal financial issues // *Journal of Security & Sustainability Issues*, 5(2), 297–304. [https://doi.org/10.9770/jssi.2015.5.2\(14\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2015.5.2(14))
- Kocherbaeva, A., Samaibekova, Z., Isabaeva, K. Leadership and leaders in successful small and medium enterprises // *Proceedings of the 4th International Conference on Social, Business, and Academic Leadership (ICSBAL 2019)*, 84–94.
- Kogan, J. R., Conforti, L. N., Bernabeo, E. C., Durning, S. J., Hauer, K. E., Holmboe, E. S. (2012). Faculty staff perceptions of feedback to residents after direct observation of clinical skills // *Medical Education*, 46(2), 201–215. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2923.2011.04137.x>
- Kreuzer, C., Weber, S. (2018). Modelling opportunity recognition competence as a foundation for teaching and learning in vocational education // *Vocations and Learning*, 11(3), 399–423. <https://doi.org/10.1007/s12186-017-9194-7>
- Kuzmin, E. A., Barbakov, O. M. (2015). Institutional efficiency and processes of institutional changes (As seen by the Russian academic tradition) // *Asian Social Science*, 11(6), 163–170. <https://doi.org/10.5539/ass.v11n6p163>
- Lambert, T. E. (2018). Monopoly Capital and Innovation: an Exploratory Assessment of R&D Effectiveness // *Journal of Eurasian Economic Dialogue*, 3(6), 20–35.
- Leitner, K. H. (2004). Intellectual capital reporting for universities: conceptual background and application for Austrian universities // *Research Evaluation*, 13(2), 129–140. <https://doi.org/10.3152/147154404781776464>
- Litau, E. (2018). The information problem on the way to becoming a “Gazelle” // *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE, 2018–September*, 394–401.
- Matinaro, V., Liu, Y. (2017). Towards increased innovativeness and sustainability through organizational culture: A case study of a Finnish construction business // *Journal of Cleaner Production*, 142, 3184–3193. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.10.151>
- Muscio, A., Quaglione, D., Ramaciotti, L. (2016). The effects of university rules on spinoff creation: The case of academia in Italy // *Research Policy*, 45(7), 1386–1396. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2016.04.011>
- Orazbayev, S. (2017). Immigration Barriers and Net Brain Drain // *Journal of Eurasian Social Dialogue*, 2(1), 34–59.
- Ramirez, Y. (2010). Intellectual capital models in Spanish public sector // *Journal of Intellectual Capital*, 11(2), 248–264. <https://doi.org/10.1108/14691931011039705>
- Ramirez Corcoles, Y., Santos Penalver, J., Tejada Ponce, A. (2011). Intellectual capital in Spanish public universities: stakeholders’ information needs // *Journal of Intellectual capital*, 12(3), 356–376. <https://doi.org/10.1108/14691931111154689>
- Sam, V. (2018). Overeducation Among Graduates in Developing Countries: What Impact on Economic Growth? // *Journal of Eurasian Economic Dialogue*, 3(6), 1–19.
- Samaibekova, Z., Kocherbaeva, A. (2019). Leveraging universally desirable and undesirable leadership styles // *Proceedings of the 4th International Conference on Social, Business, and Academic Leadership (ICSBAL 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 359, 30–34.
- Sánchez, P. M., Elena, S. (2006). Intellectual capital in universities: Improving transparency and internal management // *Journal of Intellectual Capital*, 7(4), 529–548. <https://doi.org/10.1108/14691930610709158>
- Stewart, T. A. (1997). *Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations*. New York: Doubleday / Currency.

- Strielkowski, W. (2017). Predatory journals: Beall's List is missed // *Nature*, 544(7651), 416. <https://doi.org/10.1038/544416b>
- Strielkowski, W., Tcukanova, O., Zarubina, Z. (2017). Globalization and economic integration: the role of modern management // *Polish Journal of Management Studies*, 15(1), 255–261. <https://doi.org/10.17512/pjms.2017.15.1.24>
- Strielkowski, W., Tumanyan, Y., Kalyugina, S. (2016). Labour Market Inclusion of International Protection Applicants and Beneficiaries // *Economics and Sociology*, 9(2), 293–302. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2016/9-2/20>
- Swart, J. (2006). Intellectual capital: disentangling an enigmatic concept // *Journal of Intellectual Capital*, 7(2), 136–159. <https://doi.org/10.1108/14691930610661827>
- Vinichenko, M. V., Kirillov, A. V., Maloletko, A. N., Frolova, E. V., Vinogradova, M. V. (2018). Motivation of university authorities aimed at creating favorable learning environment in the course of restructuring higher education institutions // *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 14(5), 1899–1910. <https://doi.org/10.29333/ejmste/85489>
- Volchik, V., Maslyukova, E. (2019). Trust and development of education and science // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 6(3), 1444–1455. [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3\(27\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3(27))
- Volchik, V., Klimenko, L., Posukhova, O. (2018). Socio-economic sustainable development and the precariat: a case study of three Russian cities // *Entrepreneurship and Sustainability Issues* 6(1), 411–428. [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.1\(25\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.1(25))
- World Bank (2019). Human Capital Index. (<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>).
- Youndt, M. A., Snell, S. A. (2004). Human resource configurations, intellectual capital, and organizational performance // *Journal of Managerial Issues*, 16(3), 337–360. <https://doi.org/10.1037/t68746-000>

REFERENCES

- Alba, J., Lynch, J., Weitz, B., Janiszewski, C., Lutz, R., Sawyer, A., Wood, S. (1997). Interactive home shopping: consumer, retailer, and manufacturer incentives to participate in electronic marketplaces. *Journal of Marketing*, 61(3), 38–53. <https://doi.org/10.1177/002224299706100303>
- Alcalde, P., Nagel, J. (2016). Does Active Learning Improve Student Performance? A Randomized Experiment in a Chilean University. *Journal of Eurasian Social Dialogue*, 1(2), 1–11.
- Aldieri, L., Kotsemir, M. N., Vinci, C. P. (2017). The Impact of Research Collaboration on Academic Performance: An Empirical Analysis for Russian Universities. *Journal of Eurasian Social Dialogue*, 2(1), 17–33.
- Batkovskiy, A. M., Kalachikhin, P. A., Semenova, E. G., Telnov, Y. F., Fomina, A. V. (2016). Economic-mathematical model and mathematical methods for substantiating the choice of the company innovation strategy. *Indian Journal of Science and Technology*, 9(27), 99–111. <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i27/97662>
- Bauer, M., Bormann, I., Kummer, B., Niedlich, S., Rieckmann, M. (2018). Sustainability Governance at Universities: Using a Governance Equalizer as a Research Heuristic. *Higher Education Policy*, 31(4), 491–511. <https://doi.org/10.1057/s41307-018-0104-x>
- Bontis, N. (2001). Assessing knowledge assets: a review of the models used to measure intellectual capital. *International Journal of Management Reviews*, 3(1), 41–60. <https://doi.org/10.1111/1468-2370.00053>

- Bruner, J. S. (1996). *The culture of education*. Harvard University Press.
- Bukh, N. P., Kjærgaard, J. I. (2008). Intellectual capital statements in the Danish utility sector: materialisation and enactment. *Journal of Human Resource Costing & Accounting*, 12(3), 148–178. <https://doi.org/10.1108/14013380810919831>
- Čábelková, I., Abrhám, J., Strielkowski, W. (2015). Factors influencing job satisfaction in post-transition economies: the case of the Czech Republic. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*, 21(4), 448–456. <https://doi.org/10.1080/10803548.2015.1073007>
- Choyubekova, G., Zholdubaeva, A., Zaid, S. (2019). Leading role of Higher Education Institutions on the development of peripheral regions. *Proceedings of the 4th International Conference on Social, Business, and Academic Leadership (ICSBAL 2019)*, 189–194.
- Fursov, V., Krivokora, E., Strielkowski, W. (2018). Regional aspects of labor potential assessment in modern Russia. *Terra Economicus*, 16(4), 95–115. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-95-115> (in Russian.)
- Galaso, P., Kovářik, J. (2018). Collaboration Networks and Innovation: How to Define Network Boundaries. *Journal of Eurasian Economic Dialogue*, 3(2), 1–17.
- Groves, T., López, E. M., Carvalho, T. (2018). The impact of international mobility as experienced by Spanish academics. *European Journal of Higher Education*, 8(1), 83–98. <https://doi.org/10.1080/21568235.2017.1388187>
- Heald, D. (2012). Why is transparency about public expenditure so elusive? *International review of administrative sciences*, 78(1), 30–49. <https://doi.org/10.1177/0020852311429931>
- Henderson, C., Beach, A., Finkelstein, N. (2011). Facilitating change in undergraduate STEM instructional practices: An analytic review of the literature. *Journal of Research in Science Teaching*, 48(8), 952–984. <https://doi.org/10.1002/tea.20439>
- Jiroudková, A., Rovná, L. A., Strielkowski, W., Šlosarčík, I. (2015). EU Accession, Transition and Further Integration for the Countries of Central and Eastern Europe. *Economics and Sociology*, 8(2), 11–25. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2015/8-2/1>
- Joia, L. A. (ed.) (2007). *Strategies for Information Technology and Intellectual Capital: Challenges and Opportunities*. Igi Global Press.
- Kalyugina, S., Strielkowski, W., Ushvitsky, L., Astachova, E. (2015). Sustainable and secure development: facet of personal financial issues. *Journal of Security & Sustainability Issues*, 5(2), 297–304. [https://doi.org/10.9770/jssi.2015.5.2\(14\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2015.5.2(14))
- Kocherbaeva, A., Samaibekova, Z., Isabaeva, K. Leadership and leaders in successful small and medium enterprises. *Proceedings of the 4th International Conference on Social, Business, and Academic Leadership (ICSBAL 2019)*, 84–94.
- Kogan, J. R., Conforti, L. N., Bernabeo, E. C., Durning, S. J., Hauer, K. E., Holmboe, E. S. (2012). Faculty staff perceptions of feedback to residents after direct observation of clinical skills. *Medical Education*, 46(2), 201–215. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2923.2011.04137.x>
- Kreuzer, C., Weber, S. (2018). Modelling opportunity recognition competence as a foundation for teaching and learning in vocational education. *Vocations and Learning*, 11(3), 399–423. <https://doi.org/10.1007/s12186-017-9194-7>
- Kuzmin, E. A., Barbakov, O. M. (2015). Institutional efficiency and processes of institutional changes (As seen by the Russian academic tradition). *Asian Social Science*, 11(6), 163–170. <https://doi.org/10.5539/ass.v11n6p163>
- Lambert, T. E. (2018). Monopoly Capital and Innovation: an Exploratory Assessment of R&D Effectiveness. *Journal of Eurasian Economic Dialogue*, 3(6), 20–35.

- Leitner, K. H. (2004). Intellectual capital reporting for universities: conceptual background and application for Austrian universities. *Research Evaluation*, 13(2), 129–140. <https://doi.org/10.3152/147154404781776464>
- Litau, E. (2018). The information problem on the way to becoming a “Gazelle”. *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE, 2018–September*, 394–401.
- Matinaro, V., Liu, Y. (2017). Towards increased innovativeness and sustainability through organizational culture: A case study of a Finnish construction business. *Journal of Cleaner Production*, 142, 3184–3193. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.10.151>
- Muscio, A., Quaglione, D., Ramaciotti, L. (2016). The effects of university rules on spinoff creation: The case of academia in Italy. *Research Policy*, 45(7), 1386–1396. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2016.04.011>
- Orazbayev, S. (2017). Immigration Barriers and Net Brain Drain. *Journal of Eurasian Social Dialogue*, 2(1), 34–59.
- Ponomarev, V. A., Petrov, M. V. (2019). Territorial interaction is the basis for the development of a small innovative enterprise and other territorial enterprises. *Radiopromyšlennost' (Radio industry)*, 29(1), 61–66. <https://doi.org/10.21778/2413-9599-2019-29-1-61-66> (in Russian.)
- Ramirez Corcoles, Y., Santos Penalver, J., Tejada Ponce, A. (2011). Intellectual capital in Spanish public universities: stakeholders' information needs. *Journal of Intellectual Capital*, 12(3), 356–376. <https://doi.org/10.1108/14691931111154689>
- Ramirez, Y. (2010). Intellectual capital models in Spanish public sector. *Journal of Intellectual Capital*, 11(2), 248–264. <https://doi.org/10.1108/14691931011039705>
- Sam, V. (2018). Overeducation Among Graduates in Developing Countries: What Impact on Economic Growth? *Journal of Eurasian Economic Dialogue*, 3(6), 1–19.
- Samaibekova, Z., Kocherbaeva, A. (2019). Leveraging universally desirable and undesirable leadership styles. *Proceedings of the 4th International Conference on Social, Business, and Academic Leadership (ICSBAL 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 359, 30–34.
- Sánchez, P. M., Elena, S. (2006). Intellectual capital in universities: Improving transparency and internal management. *Journal of Intellectual Capital*, 7(4), 529–548. <https://doi.org/10.1108/14691930610709158>
- Smirnov, R. O. (2017). Issues of commercialization of innovative technologies in the Russian Federation in the field of entrepreneurial activities. *Radiopromyšlennost' (Radio industry)*, 27(3), 110–112. <https://doi.org/10.21778/2413-9599-2017-3-110-112> (in Russian.)
- Stewart, T. A. (1997). *Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations*. New York: Doubleday / Currency.
- Strielkowski, W. (2017). Predatory journals: Beall's List is missed. *Nature*, 544(7651), 416. <https://doi.org/10.1038/544416b>
- Strielkowski, W., Tcukanova, O., Zarubina, Z. (2017). Globalization and economic integration: the role of modern management. *Polish Journal of Management Studies*, 15(1), 255–261. <https://doi.org/10.17512/pjms.2017.15.1.24>
- Strielkowski, W., Tumanyan, Y., Kalyugina, S. (2016). Labour Market Inclusion of International Protection Applicants and Beneficiaries. *Economics and Sociology*, 9(2), 293–302. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2016/9-2/20>
- Swart, J. (2006). Intellectual capital: disentangling an enigmatic concept. *Journal of Intellectual Capital*, 7(2), 136–159. <https://doi.org/10.1108/14691930610661827>

- Vinichenko, M. V., Kirillov, A. V., Maloletko, A. N., Frolova, E. V., Vinogradova, M. V. (2018). Motivation of university authorities aimed at creating favorable learning environment in the course of restructuring higher education institutions. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 14(5), 1899–1910. <https://doi.org/10.29333/ejmste/85489>
- Volchik, V. V. (2018). The Rise of Metrics. *Terra Economicus*, 16(4), 6–16. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-6-16> (in Russian.)
- Volchik, V. V., Maslyukova, E. V. (2018). The Metrics Trap, or Why is Implicit Knowledge Underestimated when Regulation of Science and Education is Handled. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 158–179. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179> (in Russian.)
- Volchik, V., Maslyukova, E. (2019a). Trust and development of education and science. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 6(3), 1444–1455. [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3\(27\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3(27))
- Volchik, V., Klimenko, L., Posukhova, O. (2018). Socio-economic sustainable development and the precariat: a case study of three Russian cities. *Entrepreneurship and Sustainability Issues* 6(1), 411–428. [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.1\(25\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.1(25))
- Volchik, V. V., Maslyukova, E. V. (2019b). Reforms, tacit knowledge, and institutional traps in education and science. *Terra Economicus*, 17(2), 46–162. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162> (in Russian.)
- World Bank (2019). Human Capital Index. (<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>).
- Youndt, M. A., Snell, S. A. (2004). Human resource configurations, intellectual capital, and organizational performance. *Journal of Managerial Issues*, 16(3), 337–360. <https://doi.org/10.1037/t68746-000>

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**TERRA ECONOMICUS
(ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ)**

2019

Том 17

Номер 4

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Адрес издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Тел.: +7 (863) 218 40 00, 219 97 49, **e-mail:** info@sfedu.ru, **сайт:** <http://sfedu.ru/>

Адрес редакции: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211
Тел.: +7 (863) 250-59-57, **e-mail:** terraeconomicus@mail.ru, **сайт журнала:** <http://te.sfedu.ru/>

Сдано в набор: 15.12.2019. Подписано в печать: 20.12.2019

Выход в свет: 25.12.2019

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Officina Serif.

Печать офсетная. Усл. п. л. 24,35. Уч.-изд. л. 28,20.

Тираж 558 экз. Заказ № 165. С. 190

Свободная цена

Издательство «Наука-Спектр».

Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.

Т. 8 (863) 269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.